

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 13 № 5 / 2023

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 13 № 5 / 2023

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istorija i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-исполнительного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный
университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный
университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук,
доцент, Российская криминологическая ассоциация
имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьев Анина Анатольевна, д-р юрид. наук,
доцент, Российский государственный университет
правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук,
профессор, Юго-Западный государственный
университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист.
наук, профессор, Институт научной информации по
общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук,
доцент, Юго-Западный государственный универси-
тет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук,
профессор, Юго-Западный государственный
университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук,
профессор, Курская академия государственной и
муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук,
профессор, Кемеровский государственный
университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук,
профессор, Пермский государственный национальный
исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук,
доцент, Юго-Западный государственный
университет (г. Курск, Россия)

- Гриненко Александр Викторович**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)
- Дилбандян Самвел Агванович**, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)
- Коростелев Станислав Валентинович**, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Коротеева Наталья Николаевна**, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)
- Лагутин Игорь Борисович**, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
- Малышева Елена Михайловна**, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)
- Никуленко Андрей Вячеславович**, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Новичков Валерий Евгеньевич**, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
- Русскевич Евгений Александрович**, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)
- Рябинина Татьяна Кимовна**, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
- Самович Юлия Владимировна**, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)
- Сафонова Елена Викторовна**, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)
- Слатинов Владимир Борисович**, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)
- Соловых Светлана Жорисовна**, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)
- Татьянина Лариса Геннадьевна**, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)
- Хисамутдинова Рашиля Рахимяновна**, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)
- Цыбаков Дмитрий Леонидович**, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)
- Шевченко Алехтина Владимира**, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)
- Шевелева Светлана Викторовна**, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2023

 Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44296
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 30.10.2023.

Дата выхода в свет 23.11.2023. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 21,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 56.

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenka, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editorial Office:**
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Southwest State University, 2023

 Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:

Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 30.10.2023.
Release 23.11.2023. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 21,5.
Circulation 1000 copies. Order 56.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	10
Оригинальные статьи	
Теоретические подходы в России к пониманию юридической природы правовых отношений в XIX – начале XX века: историко-правовые аспекты.....	10
Андреев Ю. Н.	
Национальная политика в России на разных этапах развития государства: историко-правовой аспект	20
Петрищева Н. С., Зарубина К. А., Чапчиков С. Ю.	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	31
Оригинальные статьи	
Семейный бизнес в объединенных Арабских Эмиратах: опыт правового регулирования	31
Богдан В. В.	
Цифровые возможности реализации сделок с жилыми помещениями.....	43
Аман Арман	
Формирование концепции наследования аккаунтов (учетных записей) в социальных сетях в Российской Федерации.....	54
Базаров А. А.	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	65
Оригинальные статьи	
Общественная опасность реабилитации нацизма.....	65
Пошелов П. В.	
Персональные данные в механизме уголовно-правовой охраны.....	75
Русскевич Е. А.	
Значение нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности для наступления общеправовых последствий совершения лицом преступления.....	87
Карпов К. Н., Нечепуренко А. А.	
Судебное толкование признаков общественно опасного посягательства при необходимой обороне.....	101
Никуленко А. В., Смирнов М. А.	
ПОЛИТОЛОГИЯ	113
Оригинальные статьи	
Трансформации гражданского общества современной России в период Специальной военной операции.....	113
Цыбаков Д. Л.	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	124
Оригинальные статьи	
Деятельность органов здравоохранения Курской области по обеспечению санитарно-эпидемиологической безопасности населения (1945–1965 годы).....	124
Коровин В. В., Яценко М. В.	

Комбинирование методов захвата однодворческой земли чиновниками Центрального Черноземья со второй половины XVII по конец XVIII столетия.....	140
<i>Кудланов К. Б.</i>	
К вопросу о питании населения города Курска в первые годы советской власти (1918–1923).....	152
<i>Волобуев В. В.</i>	
Начало освобождения Румынии: к вопросу о сроке завершения Уманско-Ботошанской наступательной операции 2-го Украинского фронта (1944 год).....	162
<i>Гришина А. С.</i>	
РЕЦЕНЗИИ	174
Рецензия на монографию доктора юридических наук, профессора Милюкова Сергея Федоровича, доктора юридических наук, доцента Никуленко Андрея Вячеславовича «Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние». 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр, 2020. 768 с.	174
<i>Бикмашев В. А., Савенко И. А.</i>	
К сведению авторов	185

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES	10
Original articles	
Theoretical Approaches in Russia to Understanding the Legal Nature of Legal Relations in the XIX – early XX Centuries: Historical and Legal Aspects.....	10
<i>Yuri N. Andreev</i>	
National Policy of Russia at Different Stages of State Development: Historical and Legal Aspect.....	20
<i>Natalia S. Petrishcheva, Kristina A. Zarubina, Sergey Yu. Chapchikov</i>	
PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE	31
Original articles	
Family Business in the United Arab Emirates: Legal Experience.....	31
<i>Varvara V. Bogdan</i>	
Digital Opportunities for the Implementation of Transactions with Residential Premises.....	43
<i>Aman Arman</i>	
Formation of the Concept of Inheritance of Accounts (Accounts) in Social Networks in the Russian Federation.....	54
<i>Andrej A. Bazarov</i>	
CRIMINAL LEGAL SCIENCE	65
Original articles	
The Public Danger of the Rehabilitation of Nazism.....	65
<i>Pavel V. Poshelov</i>	
Personal Data in the Mechanism of Criminal Law Protection.....	75
<i>Evgeny A. Russkevich</i>	
The Significance of Non-Rehabilitative Grounds for Exemption from Criminal Liability for the General Legal Consequences of Committing a Crime by a Person.....	87
<i>Kirill N. Karpov, Alexey A. Nechepurenko</i>	
Judicial Interpretation of Signs of Socially Dangerous Encroachment with the Necessary Defense.....	101
<i>Andrey V. Nikulenko, Maxim A. Smirnov</i>	
POLITICAL SCIENCE	113
Original articles	
Transformation of Civil Society in Modern Russia During a Special Military Operation.....	113
<i>Dmitry L. Tsybakov</i>	
HISTORICAL SCIENCES	124
Original articles	
Activities of the Health Authorities of the Kursk Region to Ensure Sanitary and Epidemiological Safety of the Population (1945-1965).....	124
<i>Vladimir V. Korovin, Maria V. Yatsenko</i>	
Combining the me Thods of Smallholders Land Capture by Officials of the Central Chernozem Region from the Second half of XVII by the end of XVIII Century.....	140
<i>Konstantin B. Kudlanov</i>	

On the Issue of Nutrition of the Population of the city of Kursk in the Early Years of Soviet Power (1918-1923).....	152
<i>Vitalii V. Volobuev</i>	
Beginning of the Liberation of Romania: on the Question of the Completion Date of the Uman-Botoshan Offensive Operation of the 2nd Ukrainian Front (1944).....	162
<i>Anna S. Grishina</i>	
REVIEWS	174
Review of the Monograph of Doctor of Law, Professor Sergey Fedorovich Milyukov, Doctor of Law Andrey Vyacheslavovich Nikulenko "Causing harm during the Detention of a Person who Committed a Socially Dangerous act ". 2nd ed., reprint. and additional. St. Petersburg: Legal Center, 2020. 768 p.....	174
<i>Vitaly A. Bikmashev, Irina A. Savenko</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS	185

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

УДК 34.01

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-10-19>

Теоретические подходы в России к пониманию юридической природы правовых отношений в XIX – начале XX века: историко-правовые аспекты

Ю. Н. Андреев¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Правовые отношения играют значительную роль в правореализации, правовой защите, удовлетворении жизненных интересов физических и юридических лиц. Исследование правовых отношений, выяснение их юридической сущности, роли и места в системе правовых средств остается актуальной проблемой в юридической науке, несмотря на длительный исторический путь развития учения о правоотношениях в общей теории права и цивилистике. Автором статьи поставлена задача проанализировать в историко-правовом аспекте научные взгляды российских ученых о правовых отношениях в XIX – начале XX века с целью сформировать свою позицию по обозначенной теме.

Цель исследования: выяснить в историко-правовом аспекте научные взгляды российских ученых XIX – начала XX века о правовых отношениях, их субъектных и объектных составах, содержании.

Задачи: выявить правовые подходы отечественных исследователей права указанного периода к пониманию юридической природы, субъектов, объектов и содержания правовых отношений.

Методология. В ходе исследования обозначенной темы использованы такие общенаучные и частнонаучные методы познания, как историко-правовой, логический, формально-юридический, системноструктурный и сравнительно-правовой.

Результаты. На основе анализа научных работ дореволюционных юристов выявлено, что значительная часть дореволюционных исследователей права в России рассматривала правовые отношения как фактические отношения, регулируемые с помощью норм объективного права, а элементами правовых отношений являются субъекты, объекты, юридические права и корреспондирующие им обязанности. Установлено, что существуют правовые отношения, как идеальные правовые модели поведения субъектов права, и конкретные правовые отношения возникающие на основе юридических фактов с участием, конкретных заинтересованных субъектов права, наделенных субъективными правами и юридическими обязанностями по поводу тех или иных объектов прав.

Выход. Правовые отношения – это общественные отношения, урегулированные на основе норм и принципов российского права, отражающие единство правовой формы и юридического и фактического содержания, с участием физических и юридических лиц, публично-правовых образований.

Ключевые слова: правовые отношения; субъекты; объекты; субъективные права; юридические обязанности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Андреев Ю. Н. Теоретические подходы в России к пониманию юридической природы правовых отношений в XIX – начале XX века: историко-правовые аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 10–19. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-10-19>.

Поступила в редакцию 16.08.2023

Принята к публикации 20.09.2023

Опубликована 30.10.2023

© Андреев Ю. Н., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(5): 10-19

Theoretical Approaches in Russia to Understanding the Legal Nature of Legal Relations in the XIX – early XX Centuries: Historical and Legal Aspects

Yuri N. Andreev¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Abstract

Relevance. As is known, legal relations play a significant role in law enforcement, legal protection, satisfaction of the vital interests of individuals and legal entities. The study of legal relations, the elucidation of their legal essence, role and place in the system of legal means remains an urgent problem in legal science, despite the long historical development of the doctrine of legal relations in the general theory of law and civil law. In modern jurisprudence, many researchers consider the concept of "legal relationship" as: public relations regulated by the rule of law; legal form of public (actual) relationship; the unity of the legal form and material content. The author of the article set the task to analyze in the historical and legal aspect the scientific views of Russian scientists on legal relations in the 19th - early 20th centuries. in order to form their position on the designated topic.

The purpose of the study: to find out in the historical and legal aspect the scientific views of Russian scientists of the 19th - early 20th centuries. about legal relations, their subjective and object compositions, content.

Research objectives: to identify the legal approaches of domestic researchers of law of the specified period to understanding the legal nature, subjects, objects and content of legal relations.

Methodology. In the course of the study of the designated topic, such general scientific and private scientific research methods as historical-legal, logical, formal-legal, system-structural and comparative-legal methods were used.

Results. Based on the analysis of the theoretical conclusions of well-known pre-revolutionary lawyers, it was revealed that a significant part of legal researchers considered legal relations as actual relations regulated by the norms of objective law, and the elements of legal relations are subjects, objects, legal rights and corresponding duties. It has been established that there are legal relations as ideal legal models of behavior of subjects of law, and specific legal relations that arise on the basis of legal facts with the participation of specific interested subjects of law, endowed with subjective rights and legal obligations regarding certain objects rights.

Conclusions. Legal relations are social relations settled on the basis of the norms and principles of Russian law, reflecting the unity of the legal form and legal and factual content, with the participation of individuals and legal entities, public legal entities.

Keywords: legal relations; subjects; objects; subjective rights; legal obligations.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Andreev Yu. N. Theoretical Approaches in Russia to Understanding the Legal Nature of Legal Relations in the XIX – early XX Centuries: Historical and Legal Aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 10–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-10-19>

Received 16.08.2023

Accepted 20.09.2023

Published 30.08.2023

Введение

Правовые отношения выполняют чрезвычайно важную социально-правовую роль в юридической действительности и реальной жизни людей, общества и государства. С помощью правовых связей государство упорядочивает конкретные фактические отношения физических и

юридических лиц, наделяет их соответствующими их законным интересам субъективными правами и юридическими обязанностями, способами правовой защиты и мерами юридической ответственности [1, с. 135–137]. Правовые отношения активно влияют на экономическое производство, обмен, потребление, достижение целей и задач правового регу-

лирования, правовой реализации и правовой защиты, направлены на поддержание необходимого баланса частных и публичных интересов, на укрепление правопорядка в обществе и государстве, улучшение материального и культурного благосостояния российских граждан [2, с. 21–27]. Тщательное исследование достижений дореволюционной российской юриспруденции в области правовых отношений позволяет глубже понять их юридическую сущность и место в правовой системе нашей страны. Историко-правовой метод познания способствует установлению особенностей возникновения, развития и функционирования правовых отношений в тот или иной исторический период, выяснить их недостатки и успехи с тем, чтобы учесть и не повторять в будущем допущенные теоретические и практические ошибки [3, с. 149–198].

Методология

Использование общенациональных и частно-научных (исторического, логического, формально-юридического, системно-структурного и сравнительно-правового) методов исследования позволило выявить понятие, содержание, структуру, виды и целевое назначение правовых отношений.

Результаты и их обсуждение

В российской юридической науке XIX в. не было единства мнений в понимании содержания и роли правовых отношений в системе правовых средств [4, с. 53–55]. Однако исследование многих видов правовых отношений в дореволюционной России осуществлялось на должной высоте [5].

Известный русский философ права, профессор Н. М. Коркунов (1853 – 1904) характеризовал правовые отношения как бытовые (житейские, фактические) отношения, испытывающие воздействие правовых норм, благодаря которым фактическая зависимость превращается в юридические обязанности, а фактическая возможность – в право. По его убежде-

нию, возникающая правовая связь между людьми (субъектами права) обусловлена рядом экономических, психических и физиологических факторов (условий). Правовые нормы возлагают на обязанных субъектов правоотношения конкретные юридические обязанности в интересах управомоченных лиц (носителей субъективного права) в определенных пределах и соотношении. Правовое отношение – это юридическая связь (взаимозависимость) правомочий и обязанностей в формате правового отношения и с нормами объективного права. Правомочия субъекта правоотношения предоставляют ему легальную возможность удовлетворить свой законный интерес посредством исполнения обязанным лицом (вторым субъектом) определенных действий, соответствующих содержанию правомочий и интересам управомоченного лица. Последний вправе требовать от обязанныго лица должного поведения, соответствующего правомочиям и правоприменяющим управомоченного лица. Содержание правомочий представляет собой не только правовое господство над действиями обязанныго лица, но и возможности носителя субъективного права владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему социальным благом, например, вещью или исключительным интеллектуальным правом, результатом творческой деятельности. Большое влияние при этом оказывают правовые обязывания, запреты и дозволения. Юридические (в современном понимании – правовые. – Ю. А.) отношения – это правовой институт, абстрактная юридическая форма конкретного фактического содержания того или иного отношения (юридический быт), отражающие совокупность тех или иных интересов личности (участника правоотношения). Благодаря именно активным или пассивным действиям (бездействию) обязанныго лица в рамках правоотношения создаются реальные возможности для удовлетворения потребностей и интересов управомоченного лица. Юридические

лица корпоративного направления также аккумулируют многие корпоративные интересы своих учредителей (участников), а корпоративные правовые нормы закрепляют и способствуют реализации частных интересов участников корпорации [6, с. 176].

Оценивая с современных позиций изложенные выводы, можно с полным оптимизмом заявить об их обоснованности и проницательности российского ученого. Действительно, научный подход проф. Н. М. Коркунова подтверждается юридической практикой всего минувшего столетия и современной юридической доктриной в России. Правовые отношения – это легальное средство реализации норм объективного (позитивного) права, элемент механизма правового регулирования, юридическая форма фактического содержания (поведения субъектов правоотношения), единство формы и юридического и фактического содержания [7].

Российский философ и правовед Е. Н. Трубецкой (1863 – 1920) рассматривал юридические отношения как уникальную правовую связь субъектов права, отношение одного лица (правообладателя) к другому (обязанному) лицу правоотношения или ко всем субъектам права [8, с. 379–420]. Если объективное право представляет собой совокупность правовых норм, то субъективное право включает в себя индивидуальные права и правомочия (правоприменения) субъектов права как условие их правовой свободы. Субъективное право – это не выражение воли субъекта права, не защищенный правовыми нормами интерес, а сфера внешней свободы, предоставленная субъекту возможностями субъективного права. Ученый обоснованно отрицал наличие правовой связи между собственником и собственной вещью, настаивал на признании правовых отношений между людьми по поводу вещей. У законного владельца (собственника) существует лишь субъективное право владеть, поль-

зоваться и распоряжаться собственным имуществом [9, с. 394–409].

Согласно научной позиции Е. Н. Трубецкого, правовые отношения относятся к категории идеальных, а не фактических отношений, элементами правоотношения являются: субъект, объект, правомочия и обязанности. Содержанием правоотношения являются правомочия и обязанности. Правомочие – это свобода действий, предоставленная юридической личности нормами объективного права. Ученый являлся противником теории Ф. К. Савиньи о юридическом лице как правовой фикции, выполняющей роль физического лица, наделенного сознанием, потребностями, интересами и разумом. По мнению Евгения Николаевича, корпоративные организации также являются реальными субъектами права, удовлетворяющими интересы и потребности своих участников (учредителей). Существенными чертами юридических лиц являются: их целевое назначение; наличие материального субстрата (имущества), коллектива учредителей (участников); признание со стороны государства (государственная регистрация). Правоспособность и дееспособность юридических лиц имеет различный объем в зависимости от целей и задач их деятельности. Волю, цели, задачи и интересы корпораций формируют, объединяют и реализуют сами участники (учредители), а не так называемые социальные организации. Юридические лица не имеют права, характерные сугубо для живых (физических) лиц, например, семейные права, честь, достоинство, жизнь, здоровье. Правовой статус юридических лиц предопределен сферой их компетенции, уставом или учредительным договором [9].

Е. Н. Трубецкой дал прекрасную для своего времени и весьма полезную для современного правопонимания сравнительно-правовую характеристику частных и публичных правоотношений. Евгений Николаевич утверждал, что основным критерием разграничения частного и публичного права является характер пра-

вового взаимоотношения между отдельным лицом и социально целым образованием. В отличие от публичного права субъект частного права (правоотношения) является самостоятельным распорядителем своих прав. В публичном праве наблюдается известное правовое господство государства над личностью с соблюдением определенных пределов (границ). В публичном праве доминирует публичный (государственный и общественный) интерес, а в частном праве – частный интерес, т. е. интерес отдельной личности, индивида, физического лица. Государство – это союз людей, властвующий самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории. Государство – это орган публичной власти, наделенный исключительным государственным суверенитетом [9].

Большой вклад Е. Н. Трубецкой внес в развитие учения о юридических фактах как основаниях возникновения правовых отношений. По его обоснованному утверждению, юридические факты – это волевые и не волевые жизненные обстоятельства, правомерные и неправомерные действия (поступки), бездействие субъектов права, события, влекущие к жизни возникновение и дальнейшую динамику различных видов правовых отношений [9].

Русский философ и социолог, доктор римского права, профессор Московского университета В. М. Хвостов (1868 – 1920) рассматривал правовые отношения как жизненно важные социальные связи, нуждающиеся в правовом урегулировании и направленные на удовлетворение разумных нравственно обоснованных интересов, ведущие к необходимым правовым последствиям, урегулированные и защищаемые нормами объективного права. Очень важно, что ученый различал: 1) абстрактные (типичные), реально не существующие юридические отношения, выполняющие функции идеальной модели для конкретного правового отношения, и 2) конкретные юридические отношения с присущими им элементами и

признаками, возникающие в конкретной правовой ситуации на основе конкретного юридического факта и признаваемые нормами объективного права с целью достижения субъектами своих законных интересов. Конкретному правоотношению свойственны следующие элементы: субъекты правовой власти; носители корреспондирующих юридических обязанностей; содержание и объекты. К объектам ученый относил: личность субъекта; вещи; действия других лиц, нематериальные блага [10, с. 68].

По нашему мнению, исходя из выводов гениального В. М. Хвостова и сегодняшнего уровня юридической науки и практики, можно сделать вывод о том, что действительно существуют два уровня правовых отношений: 1) правовые отношения, представляющие собой идеальные правовые модели поведения вероятных (потенциальных) субъектов правоотношения, предлагающие последним возможные (дозволительные) или обязательные правила поведения, соответствующие субъективные права и юридические обязанности; 2) конкретное правоотношение, возникшее на основе соответствующего юридического факта (юридического состава), с участием реальных субъектов, наделенных субъективными правами и юридическими обязанностями (юридическое содержание), и обладающее не только юридическим, но и фактическим содержанием, т. е. содержанием фактических действий субъектов правоотношения. Что касается объектов правовых отношений, то к таковым относятся два уровня объектов: 1) действия субъектов правоотношения (управомоченных и обязанных лиц); 2) материальные и нематериальные блага, включая вещи, имущественные права и другие объекты, перечисленные в ст. 128 Гражданского кодекса РФ.

Российский философ права И. А. Ильин (1883 – 1954) подчеркивал, что в процессе своей частной и общественной жизни люди вынуждены вступать друг с

другом в самые различные социальные отношения. Объектом этих отношений и предметом притязаний (требований) одного из субъектов правовой связи являются действия (бездействие) другого субъекта. Не все отношения между людьми являются объектом праворегулирования, подвергаются воздействию со стороны права с помощью обязываний, дозволений и запретов. Правовые отношения возникают там и тогда, где и когда нормы права предусматривают определенные правовые последствия поведения людей (субъектов права). В ходе участия в правовых отношениях люди становятся их субъектами, а их действия приобретают правовой характер, правовое значение и становятся обязательными для исполнителей определенных обязанностей, а для управомоченных лиц – правовым основанием для предъявления определенных претензий (правопритязаний) к другому субъекту правоотношения [11, с. 108–114].

И. А. Ильин гениально заметил, что юридические дозволения, содержащиеся в нормах объективного и субъективного права, позволяют (дозволяют) субъекту правоотношения вести себя по своему усмотрению в предусмотренных законом пределах, согласно своей воле, интересам и предоставленным правомочиям, требовать от других (обязанных) субъектов правоотношения должного поведения, а в необходимых случаях – прибегать к помощи государственной (судебной) защиты. Правовые запреты воспрещают субъекту права под угрозой применения к правонарушителю правовых санкций, мер юридической ответственности совершать противоправные действия, нарушать права и законные интересы других лиц, злоупотреблять своим субъективным правом. Правовые предписания обязывают субъектов правовых связей активно действовать в соответствии с законом и условиями договора, не нарушать права других субъектов правоотношения. Содержание субъективных прав предопределено нормами объективного

(позитивного) права [11, с. 99–108]. Следует также заметить, что И. А. Ильин представил для юридической науки добрую правовую картину статуса субъектов правовых отношений [12, с. 159–174].

Российский теоретик права, юрист, профессор Г. Ф. Шершеневич (1863 – 1912) вполне обоснованно утверждал, что правоотношение – это сторона бытового (жизненного) отношения между заинтересованными людьми, урегулированного нормами объективного права с помощью определенных дозволительных и принудительных (охранительных) мер, обеспечивающих удовлетворение взаимных интересов [13, с. 568–629]. Право разграничивает интересы, нормирует отношения с множеством интересов, поэтому правовая защита и охрана интересов приобретает решающее значение. Не все фактические отношения имеют правовое оформление, отсутствуют правовые отношения между субъектом права и вестью. Для юридических отношений характерно то, что они наделяют конкретные (фактические) отношения общими признаками (правилами), абстрагируясь от социально незначительных, сугубо частных, не имеющих правового значения связей, создают тем самым типичные (правовые) отношения, модели возможного или должного поведения. При этом каждый вид юридических отношений имеет ряд своих особенностей. В отличие от частноправовых в публично-правовых отношениях отсутствуют субъективные права и исполняются юридические обязанности публичного характера. Юридические отношения имеют такие структурные элементы, как субъекты, объекты, права и обязанности. Существуют абсолютные (с абсолютными правами) и относительные (с относительными правами) правоотношения [14, с. 97–194]. Носителям субъективных прав абсолютного типа соответствует (соотносится) неопределенное число обязанных лиц: абсолютно все обязаны уважать права управомо-

ченных лиц. Обладателю относительного субъективного права соответствует конкретное обязанное лицо, зачастую таким является должник в обязательственном правоотношении. В силу относительно-правовой связи управомоченное лицо приобретает право господства над действиями (поведением) обязанного субъекта относительного правоотношения [15, с. 56–112].

По справедливому утверждению проф. Г. Ф. Шершеневича, к абсолютным правам относятся вещные права собственников, сервитуариев, исключительные права авторов художественных, музыкальных и иных произведений, личные неимущественные права. Объектами юридических отношений могут выступать вещи (вещное правоотношение) и действия субъектов права (обязательственные правоотношения). Юридические отношения могут быть прекращены вследствие отречения от права, отчуждения субъективных прав, потери субъективных прав, слияния в одном лице, прекращения прав в узком смысле слова [16].

Представляется, что со многими выводами известного юриста можно согласиться, но с некоторыми оговорками. На наш взгляд, публично-правовые отношения включают в себя не только юридические обязанности, например, обязанности публично-правовых образований (Российская Федерация, её субъекты, муниципальные образования), их государственных и муниципальных органов, должностных лиц, но и права указанных субъектов, предоставленных им в силу служебной компетенции и зачастую сливающихся с юридическими публичными обязанностями, а также публичные права, которыми могут обладать граждане. Таковыми правами являются, например, их конституционные (основные) права и свободы, административные права участников (субъектов) административных правоотношений, права физических лиц – участников финансовых (налоговых), земельных правоотношений и т. д. Другое

дело, что в публично-правовых отношениях наблюдается доминирование (превосходство) публично-правовых обязанностей и прав управляющих субъектов над правами управляемых субъектов, имеют место субординация, соподчинение, властное управление. Публично-правовые отношения «аганжированы» государственными интересами, однако законодатель, правозащитные и правоохранительные органы, правоприменители и сами физические и юридические лица должны стремиться к установлению и обеспечению разумного легального баланса публичных и частных законных интересов из понимания того, что публичные интересы включают в себя частные (не противоречащие закону и смыслу закона) интересы, а частные интересы не должны противостоять публичным интересам. При этом функциональные действия представителей государственных и муниципальных органов должны соответствовать конституционным положениям, принципам и нормам, интересам всего общества и социально значимым, охраняемым законом интересам граждан нашей страны [16, с. 325–523].

Что касается субъектного и объектного составов правоотношений, то, по нашему мнению, вопреки убеждению многих дореволюционных и современных исследователей права, субъекты правовых отношений являются не элементами, а активными участниками этих правовых связей с присущими им субъективными правами и обязанностями, волей, интересами и самостоятельными действиями в рамках правового отношения. Материальные и нематериальные блага также не являются элементами правовых отношений, ибо принадлежат к предметам и явлениям внешнего (материального и нематериального) мира [17, с. 112–286].

Определенный интерес по обсуждаемому вопросу вызывают правовые, философские и социологические выводы известного российского ученого-цивили-

ста, профессора Московского университета Ю. С. Гамбарова (1850 – 1926). Талантливый ученый пришел к обоснованному и значимому для сегодняшнего времени выводу о том, что право и юридическая практика нераздельны. Алгоритм правовых исследований состоит в переходе от изучения содержания права к исследованию жизненных (фактических) отношений, регулирование которых с помощью норм права ведет к правовым последствиям (правовым отношениям). Субъективное право, будучи порождением объективного права, ведет к возникновению соответствующих юридических обязанностей у обязанного лица, а в конечном итоге – к возникновению и реализации правового отношения, защищаемого нормами права и предоставляющего человеку легальную возможность действовать определенным образом, требовать от обязанного лица совершения конкретных действий в интересах управомоченного лица (второго субъекта правоотношения) [19]. Ученый высказал весьма ценные для современной науки суждения о воле и интересах участников правоотношений, сущности и назначении субъективных прав, их видах и защите, о соотношении субъективных прав и интерес-

сов, возможных коллизиях публичного и частного права (публичных и частных интересов), о субъектах и объектах правоотношений. Большое внимание ученый уделил особенностям возникновения, изменения и прекращения правоотношений [20, с. 380–744].

Выводы

Представителями дореволюционной российской юридической науки проделана большая плодотворная работа по формированию учения о правовых отношениях, их юридической природе, содержании, субъектном и объектном составах, субъективных правах и юридических обязанностях. Благодаря их кропотливому научному труду в современной России создано целостное учение об институте правовых отношений, несмотря на продолжающуюся научную дискуссию по некоторым проблемам правовых отношений. Правовое отношение – это юридическая форма фактических отношений, средство реализации норм объективного права, элемент механизма правового регулирования, единство юридического и фактического содержания.

Список литературы

1. Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 380 с.
2. Андреев Ю. Н. Правовые отношения как средство удовлетворения законных интересов: цивилистические аспекты // Современное право. 2023. № 4. С. 21–27.
3. Андреев Ю. Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика. М.: Проспект, 2023. 496 с.
4. Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 636 с.
5. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 т. Т. 2 / под ред. В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2003. 656 с.
6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисловие д-ра юрид. наук, проф. И. Ю. Козлихина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 430 с.
7. Андреев Ю. Н. Субъективные гражданские права: понятие, виды, осуществление и судебная защита. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр, 2022. 408 с.
8. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права / вступ. ст., сост. и примеч. И. И. Евлампиева. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. Гуманит. ин-та, 2001. 540 с.

9. Трубецкой Е. Н. Правовые отношения // Радько Т. Н. Хрестоматия по теории государства и права / под общ. ред. И. И. Лизиковой. 2-е изд. М.: Проспект, 2013. С. 394–409.
10. Хвостов В. М. Система римского права. М.: Спарк, 1996. 521 с.
11. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2003. 400 с.
12. Ильин И. А. О духовности права / предисл. Е. И. Темнова. М.: Русайнс, 2016. 340 с.
13. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. первый. М.: Изд. братьев Башмаковых, 1910. 810 с.
14. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Статут, 2005. 461 с.
15. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / вступ. ст. Е. А. Суханов. М.: Спарк, 1995. 556 с.
16. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. III. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. 700 с.
17. Андреев Ю. Н. Методы правового регулирования: общетеоретические и отраслевые проблемы. М.: Юрлитинформ, 2023. 622 с.
18. Андреев Ю. Н. Правовое регулирование: общетеоретические и цивилистические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2022. 312 с.
19. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Часть особенная. Вещное право. СПб.: лит. Рихтера, 1895. 487 с.
20. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / под ред. и с предисл. В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2003. 796 с.

Reference

1. Vas'kovskij E. V. Uchebnik grazhdanskogo prava [Textbook of civil law]. Moscow, Statut Publ., 2003. 380 p.
2. Andreev Yu. N. Pravovye otnosheniya kak sredstvo udovletvorenija zakonnnyh interesov: civilisticheskie aspekty [Legal relations as a means of satisfying legitimate interests: civil aspects]. Sovremennoe pravo = Modern law, 2023, no. 4, pp. 21–27.
3. Andreev Yu. N. Interesy v sovremennom rossiskom prave: teoriya i praktika [Interests in Modern Russian Law: theory and practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 496 p.
4. Sinajskij V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2003. 636 p.
5. Pobedonoscev K. P. Kurs grazhdanskogo prava [Civil Law Course]; ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, Zercalo Publ., 2003, vol. 2. 656 p.
6. Korkunov N. M. Lekcii po obshchej teorii prava [Lectures on the general theory of law]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2003. 430 p.
7. Andreev Yu. N. Sub"ektivnye grazhdanskie prava: ponyatie, vidy, osushchestvlenie i sudebnaya zashchita [Subjective civil rights: concept, types, implementation and judicial protection]. 2th ed. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Publ., 2022. 408 p.
8. Trubeckoj E. N. Trudy po filosofii prava [Works on the philosophy of law]. St. Petersburg, Izd-vo Rus. Hristian. gumanit. in-ta Publ., 2001. 540 p.
9. Trubeckoj E. N. Pravovye otnosheniya [Legal relations]. Rad'ko T. N. Hrestomatiya po teorii gosudarstva i prava [Radko T. N. Textbook on the theory of State and Law]; ed. by I. I. Lizikova. 2th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2013, 394–409.

10. Hvostov V. M. Sistema rimskogo prava [The system of Roman law]. Moscow, Spark Publ., 1996. 521 p.
11. Il'in I. A. Teoriya prava i gosudarstva [Theory of law and the State]; ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, Zercalo Publ., 2003. 400 p.
12. Il'in I. A. O duhovnosti prava [About the spirituality of law]. Moscow, Rusajns Publ., 2016. 340 p.
13. Szershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Is. 1. Moscow, Izd. brat'ev Bashmakovyh, 1910. 810 p.
14. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2005, vol. 1. 461 p.
15. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 г.) [Textbook of Russian civil law (ed. 1907)]. Moscow, Spark Publ., 1995. 556 p.
16. Shershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Is. 3. Moscow, Izd. Br. Bashmakovykh, 1912. 700 p.
17. Andreev Yu. N. Metody pravovogo regulirovaniya: obshcheteoreticheskie i otrazlye problemy [Methods of legal regulation: general theoretical and sectoral problems]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 622 p.
18. Andreev Yu. N. Pravovoe regulirovanie: obshcheteoreticheskie i civilisticheskie aspekty [Legal regulation: general theoretical and civil aspects]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022. 312 p.
19. Gambarov Yu. S. Grazhdanskoe pravo. Chast' osobennaya. Veshchnoe pravo [Civil law. Part is special. Property law]. St. Petersburg, Lit. Rikhtera, 1898. 487 p.
20. Gambarov Yu. S. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast' [Civil law. The general part]; ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, Zercalo Publ., 2003. 796 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Андреев Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, федеральный судья в почетной отставке, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Yuri N. Andreev, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Professor of Civil Law Department, Southwest State University, Honorary Retired Federal Judge, Kursk, Russian Federation, e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 342

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-20-30>

Национальная политика в России на разных этапах развития государства: историко-правовой аспект

Н. С. Петрищева¹, К. А. Зарубина¹ , С. Ю. Чапчиков¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

e-mail: kris1996z@mail.ru

Резюме

Актуальность. Российская Федерация – это многонациональная и многоконфессиональная страна, имеющая более чем тысячелетний опыт развития. Согласно данным отдельных статистических исследований, в настоящее время в российском государстве проживают представители более 200 народностей, имеющих свою собственную самобытную, уникальную культуру. Полиэтнический состав населения современного российского государства обуславливает необходимость разработки эффективного правового механизма регулирования национального вопроса в стране. Однако без комплексного исследования исторических основ эволюции государственной национальной политики в России достижение данной цели невозможно. В связи с чем представляется актуальным анализ законодательного опыта урегулирования межнациональных отношений в российском государстве, имеющем на всех этапах своего развития статус многоконфессиональной и многонациональной страны.

Цель исследования – историко-правовой анализ эволюции национальной государственной политики в России в контексте изменения общества и государства на разных этапах исторического развития.

Задачи: выявить особенности регулирования межнациональных отношений в России в дореволюционный период; проанализировать правовой опыт решения национального вопроса в СССР; определить основные цели реализации национальной государственной политики и современные законодательные механизмы регулирования межнациональных отношений в России.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались методы синтеза, анализа, обобщения, систематизации, сравнительно-правовой и хронологический методы.

Результаты исследования имеют важное теоретическое и практическое значение. Выводы, полученные в работе, способны обогатить юридическую науку новыми знаниями, а также найти применение в процессе совершенствования отечественной национальной государственной политики.

Вывод. В настоящее время в России сложился системный подход к решению национального вопроса, разработаны правовые механизмы регулирования межнациональных отношений с учётом многовекового опыта истории развития России, имеющей на всех этапах эволюции государственности статус многонациональной страны.

Ключевые слова: национальный вопрос; многонациональное государство; нация; национальная политика; межнациональные отношения.

Финансирование: Работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030».

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Петрищева Н. С., Зарубина К. А., Чапчиков С. Ю. Национальная политика в России на разных этапах развития государства: историко-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 20–30. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-20-30>.

Поступила в редакцию 16.08.2023

Принята к публикации 18.09.2023

Опубликована 30.10.2023

National Policy of Russia at Different Stages of State Development: Historical and Legal Aspect

Natalia S. Petrishcheva¹, Kristina A. Zarubina¹✉, Sergey Yu. Chapchikov¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Abstract

Relevance. The Russian Federation is a multinational and multi-confessional country with more than a thousand years of development experience. According to some statistical studies, currently representatives of more than 200 nationalities live in the Russian state, having their own distinctive, unique culture, linguistic, ethnic characteristics. The multiethnic composition of the population of the modern Russian state necessitates the development of an effective legal mechanism for regulating the national issue in the country. However, it is impossible to achieve this goal without a comprehensive study of the historical foundations of the evolution of state national policy in Russia. In this connection, we consider it relevant to analyze the legislative experience of regulating interethnic relations in the Russian state, which has the status of a multi-confessional and multinational country at all stages of its development.

The purpose of the study is a historical and legal analysis of the evolution of the national state policy of Russia in the context of changes in society and the state at different stages of historical development.

Objectives: to identify the features of the legal regulation of interethnic relations in Russia in the pre-revolutionary period; to analyze the experience of solving the national question in the USSR; to determine the main goals of the implementation of national state policy in the Russian Federation and priorities of legal national policy at the present stage of development of the Russian state.

Methodology. In the process of working on the study, the following methods were used: the method of synthesis, analysis, generalization, systematization, comparative legal and chronological methods.

The results of the study have important theoretical and practical significance. The conclusions obtained in the work are able to enrich the legal science with new knowledge of the sphere, as well as find application in the further improvement of the domestic national state policy.

Conclusion. Currently, Russia has developed a systematic approach to solving the national issue, legal mechanisms for regulating interethnic relations have been developed, taking into account the centuries-old experience of the history of Russia's development, which has the status of a multinational country at all stages of the evolution of statehood.

Keywords: national question; multinational state; nation; national policy; interethnic relations.

Funding. The work was carried out as part of the implementation of the development program of the Southwestern State University of the Priority 2030 project.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zarubina K. A., Petrishcheva N. S., Chapchikov S. Yu. National Policy of Russia at Different Stages of State Development: Historical and Legal Aspect. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 20–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-20-30>

Received 16.08.2023

Accepted 18.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Россия является многонациональным государством, имеющим уникальную самобытную культуру и многовековой путь

развития. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в Российской Федерации проживают предста-

вители более 200 национальностей¹. В ст. 3 Основного Закона страны – Конституции РФ – отмечено, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ². Как справедливо подчёркивают современные исследователи, многонациональность России является основой формирования возможной национальной идеи [1, с. 19–24], уникальностью российского государства, где представители множества национальностей ощущают себя равноправными гражданами страны, единой нацией, сохраняя при этом свою самобытность, уникальность и национальную идентичность [2, с. 13–15].

Особо стоит подчеркнуть, что полигэтническая структура современного российского общества – это результат длительного пути развития российского государства в различных исторических условиях. Издревле Россия аккумулировала в своём составе множество народностей, расширяя территориальные границы с севера на юг и с запада на восток. Однако политика насильтвенной ассимиляции всегда была чужда российскому государству, что не могло не найти отражение в нормативных правовых актах, регулировавших межнациональные отношения в России.

Цель данного исследования – историко-правовой анализ эволюции национальной государственной политики в России в контексте изменения общества и

государства на разных этапах исторического развития.

Методология

Для достижения поставленной цели в ходе исследования использовались принципы объективности и научной достоверности, что позволило всесторонне проанализировать национальную государственную политику России в дореволюционный, советский и современный периоды. В данной работе использовались такие общенаучные и специальные методы, как метод анализа, синтеза, обобщения, систематизации, сравнительно-правовой и хронологический методы. Хронологический метод позволил изучить государственную национальную политику России в исторической ретроспективе. Сравнительно-правовой метод, реализуемый через сопоставление на предмет сходства и различия отдельных нормативных правовых актов, регулировавших межнациональные отношения в России на разных этапах развития государства, помог выявить изменения в направлениях реализации отечественной национальной государственной политики. Методы систематизации, синтеза, анализа, обобщения в представленном исследовании применялись при формулировании выводов исследования.

Результаты и их обсуждение

В дореволюционный период концепция национальной политики российского государства нормативно не была оформлена. Однако именно в этот период (ещё со времён «Повести временных лет» [3, с. 43–51]) Россия становится многонациональной страной, в связи с чем данный вопрос становится объектом исследования учёных. Например, известный русский философ и публицист М. Н. Катов в работе «Значение национальной полити-

¹ Итоги ВПН-2020. Национальный состав и владение языками // Росстат: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 04.08.2023)

² Конституция РФ. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 04.08.2023)

ки для России», опубликованной в газете «Московские ведомости» в 1864 г., пишет: «Когда-то над русским народом тяготело иго монголов. Какою политикой руководствовалось правительство Золотой Орды? Оно высыпало тучи саранчи на подвластные ей страны; ее баскаки наезжали для собирания дани; оно требовало внешней покорности и карало ослушных; оно принимало поклоны и приношения вассальных князей, но оно и понятия не имело о живых силах национальности; оно оставляло подвластные народы при их особых властях, при их языке, при всех условиях их особенного быта; оно не помышляло о национальной политике в отношении к ним, потому что оно не знал и не понимало значения какой бы то ни было национальности <...> Наши предки под игом монголов не утратили своей народной самостоятельности, а напротив, искусно пользуясь этою грубою и дикою силой, успели крепче сплотиться и собрать воедино свою разрозненную землю...» [4].

Позднее Александр II указывал на то, что мощь российского государства основана на его единстве, «...а потому все, что может клониться к потрясению ее единства, к отдельному развитию различных народностей, для нее пагубно и не должно быть допускаемо...» [5, с. 201–208]. Однако стоит подчеркнуть, что известная политика русификации в России в дореволюционный период, представлявшая в современных исследованиях преимущественно в негативном свете, носила не этнический, а национальный характер, и понятие «русский» в это время отождествлялось в первую очередь с понятием «россиянин», в связи с чем все народы, входящие в состав российского государства, имели равные права [6, с. 119–126]. Яркий пример – вхождение в состав России Чечни и Дагестана после

продолжительной Кавказской войны 1817–1864 гг. с сохранением, подчеркнем, не уничтожением (!), а сохранением национальной идентичности народов, населявших эти территории, обеспечением поступательного исторического развития этих регионов [7, с. 90–100; 8, с. 79–88] и даровании местным жителям равных с другими народами России прав.

Так, политика дореволюционного правительства в Российской империи была ориентирована на укрепление общего государственных начал, создание в полиэтнических условиях трансформации российского общества общей нации с сохранением определённой самостоятельности народов, населявших территорию страны, их национальной уникальности и самобытности. Однако нормативно концепция национальной политики России так и не была закреплена.

В советский период национальный вопрос решался иначе. Основной идеей построения нового государства стало создание равноправных по отношению друг к другу «социалистических» наций трудающихся, однородных по своей социальной природе [10, с. 23–25]. После прихода к власти большевиков в 1917 г. была принята «Декларация прав народов России» – первый специальный нормативный правовой акт в отечественной истории, посвященный решению национального вопроса [11, с. 141–151]. В документе отмечалось, что в «эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга», и к этой «позорной политике» Россия больше не вернется. В противовес большевики предлагали создать добровольный, прочный и честный союз народов России [12, с. 148–155]. Совет Народных Комиссаров провозгласил равенство и суверенность народов, их право на свободное самоопределение (вплоть до отделения, образования неза-

висимого государства), отмену всех национальных (национально-религиозных) привилегий и ограничений, а также свободное развитие этнографических групп и национальных меньшинств, населяющих территорию российского государства¹.

В Постановлении Народного комисариата просвещения РСФСР от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств» учреждалось право всех национальностей, населяющих Российскую Федеративную Социалистическую Советскую Республику, вести обучение на своем родном языке². Для содействия упрочению мирного сожительства и братского сотрудничества трудовых масс национальных групп и национальностей РСФСР, обобщения опыта реализации национальной политики советской власти был учреждён Народный комисариат по делам национальностей РСФСР³. В 1923 г. (после образования СССР) народный ко-

мисариат завершил свою деятельность и был ликвидирован⁴.

После ожесточённых споров 1920-х гг. по вопросу будущего национально-государственного устройства союзного государства в советском руководстве было принято решение об объединении советских республик согласно проекту «федерализации», разработанному в противовес плану «автономизации» «вождём» Октябрьской революции 1917 г., председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным [13, с. 6–7]. В результате этого в Советском Союзе объявлялось равенство всех республик, входящих в его состав, с правом свободного выхода. При этом многочисленные административно-территориальные образования в самих союзных республиках преимущественно создавались по национальному признаку.

Действующее в советское время законодательство также свидетельствовало о выстраивании отношений между народами, населявшими территорию СССР, на равноправных началах. Пример – ликвидация Центрального издательства народов Союза ССР как самостоятельного учреждения и передача издания литературы на национальных языках местным национальным издательствам⁵.

¹ Декларация прав народов России от 2 нояб. 1917 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_16.htm (дата обращения: 04.08.2023).

² О школах национальных меньшинств: Постановление Народного комисариата просвещения РСФСР от 31 окт. 1918 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_386.htm (дата обращения: 04.08.2023).

³ Об утверждении «Положения о совете национальностей при Народном комисариате по делам национальностей» и Постановления «О национальных представительствах и подъотделах при Народном комисариате по делам национальностей»: постановление от 21 апр. 1921 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_923.htm (дата обращения: 04.08.2023).

⁴ О народном комисариате по делам национальностей: постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета от 7 июля 1923 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1723.htm (дата обращения: 04.08.2023).

⁵ Об издании литературы на языках национальных меньшинств: постановление Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 21 сент. 1931 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3787.htm (дата обращения: 04.08.2023).

Так, в советский период, по справедливому замечанию отдельных исследователей, национальная политика рассматривалась как важнейшая парадигма построения социалистического общества. И несмотря на отдельные «чёрные пятна» советской истории (например, политика депортации народов в Сталинский период [14, с. 315–328; 15, с. 4–20]), в целом национальный вопрос решался достаточно демократично. Отмечалось развитие национальной культуры, создание благоприятных условий для укрепления национальной идентичности народов, населявших территорию СССР.

При этом особо стоит сказать о том, что, несмотря на положительные стороны решения национального вопроса в СССР, на протяжении всего периода существования Советского государства межнациональные отношения в стране оставались достаточно напряжёнными, и особенно остро, по справедливому замечанию отдельных исследователей, это ощущалось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [16, с. 25–37]. Так, успешное решение национального вопроса в Советском государстве, декларируемое на XXVII съезде КПСС в 1986 г., было поспешным [17, с. 62–66], и просчёты в реализации национальной государственной политики, реализуемой в СССР, имели место быть [18, с. 120–131; 19, с. 321–328].

После распада СССР национальный вопрос не утратил своей актуальности. Российское государство по-прежнему является многонациональной страной. При этом именно в 1990-е гг., когда отдельные регионы России, «отвоёвывая» свой суверенитет у государства, объявляли о своей независимости, проблема выстраивания межнациональных отношений приобрела ещё большую злободневность.

Важным достижением в области национальной политики 1990-х гг. можно

считать разработку и утверждение Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (далее – Концепция) [20, с. 32–48; 21, с. 97–103]. В данном нормативном правовом акте устанавливалась необходимость обеспечения целостности и единства российского государства в новых исторических условиях, согласования общегосударственных интересов и интересов всех населяющих ее народов, налаживания их всестороннего сотрудничества, развития национальных языков и культур. В Концепции подчёркивалось, что Россия является одним из крупнейших в мире многонациональных стран. Основной целью государственной национальной политики РФ установлено обеспечение условий для полноправного национального, социального и культурного развития всех народов России, упрочение общероссийской духовно-нравственной и гражданской общности на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина и признания этих прав и свобод высшей ценностью¹. В настоящее время данный нормативный правовой акт утратил юридическую силу.

В 2012 г. утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.², в 2016 г. – государственная программа

¹ Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации: [утв. Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909] // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571/page/1> (дата обращения: 04.08.2023).

² Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: [утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666] // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 04.08.2023).

Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (с изменениями и дополнениями)¹. На федеральном и региональном уровнях принято множество иных нормативных правовых актов, регулирующих национальный вопрос в стране, созданы различные структуры органов государственной власти, отвечающие за совершенствование национальной политики российского государства (например, Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ). И даже в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ) установлено, что традиционные ценности Российской Федерации как основа российского общества позволяют защищать и укреплять суверенитет РФ, осуществлять сбережение народа России, а также обеспечивать единство многоконфессиональной и многонациональной страны (ст. 7), притом что отрицание российской самобытности, ослабление единства многонационального народа России, создание условий для межрелигиозных и межнациональных конфликтов названо одной из угроз современности (п. «ж» ст. 17 Указа)².

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»: постановление Правительства РФ от 29 дек. 2016 г. № 1532: [ред. от 27.07.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ (дата обращения: 04.08.2023)

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Гарант: сайт.

Заключение

Таким образом, государственная национальная политика России прошла длительный эволюционный путь развития. Начиная с дореволюционного периода и заканчивая современностью, её основной целью было создание единой российской нации, включающей в свой состав множество народов, имеющих свою собственную уникальную, самобытную культуру. Векторы развития национальной государственной политики в России были различными, что обусловлено разными социально-экономическими, политическими и культурными процессами, протекающими на том или ином этапе исторического развития страны. При этом механизмы правового регулирования национального вопроса в России были разработаны только в советское время (начиная с принятия Декларации прав народов России в ноябре 1917 г.). Основными задачами национальной политики современной России, ориентированной на упрочение основ общероссийской государственности, являются: укрепление гражданского самосознания и единства, сохранение уникальности и самобытности его многонационального народа, языкового и этнокультурного многообразия РФ, гармонизация межнациональных отношений, упрочение межнационального мира. Так, в настоящее время в России сложился системный подход к решению национального вопроса, разработаны правовые механизмы регулирования межнациональных отношений с учётом многовекового опыта истории развития России, имеющей на всех этапах эволюции государственности статус многоконфессиональной и многонациональной страны.

URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 04.08.2023).

Список литературы

1. Кочергина М. Г. Современная Россия: поиск оптимальной идеологии // *Pro nunc*. 2017. №1 (17). С. 19–24
2. Макоева Е. Р., Курашинова А. Х. Российская нация – единое целое // Право и управление. 2022. №10. С. 13–15
3. Минеева Е. Н. Национально-территориальные образования и историческая обусловленность межэтнических отношений в Российской Федерации на современном этапе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 4. С. 43–51
4. Катков М. Н. Значение национальной политики для России // Московские ведомости. 1864. № 174. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_znachenie_nacionalnoy_politiki.html (дата обращения: 04.08.2023).
5. Мюллер А. М., Рябова А. Л., Саблина М. А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 201–208.
6. Данилюк М. Ю., Волощенко И. И., Данилюк А. А. Эволюция концептуальных подходов в разработке национальной политики России: исторический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 2. С. 119–126.
7. Гапуров Ш. А., Бугаев А. М., Черноус В. В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // Научная мысль Кавказа. 2014. №4 (80). С. 90–100.
8. Гапуров Ш. А., Акаев В. Х., Черноус В. В. Кавказская политика России в начале XIX века: император и наместники // Научная мысль Кавказа. 2015. № 2 (82). С. 79–88.
9. Высочайше утверждённое Положение о правах кавказских туземцев, поступающих по добровольному желанию на службу в регулярные войска от 5 апреля 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. 1864. Т. 39, ст. 40743.
10. Кульшанова А. А. К проблеме теории и практики национального вопроса в СССР // Проблемы Науки. 2017. № 11 (93). С. 23–25.
11. Алфимцев В. Н. Основные этапы конституционно-правового регулирования национального вопроса в России // *Lex Russica*. 2016. № 8 (117). С. 141–151.
12. Хамхоев Р. М. Национальная политика в РСФСР // Социология власти. 2011. № 4. С. 148–155.
13. Буканова Р. Г. Основной принцип государственного единства РСФСР и СССР // Аграрное и земельное право. 2022. № 11 (215). С. 6–7.
14. Сикевич З. В. Противоречия советской национальной политики: размышления эксперта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. № 3. С. 315–328.
15. Бугай Н. Ф. Основы национальной политики России в 1920 – второй половине 1980-х годов: трансформация, реализация, приоритеты // Архонт. 2019. № 1 (10). С. 4–20.
16. Голдин В. И., Гагкуев Р. Г. 100 лет СССР и 30 лет без СССР: уроки истории и современность (обзор) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 6. С. 25–37.
17. Шорова М. Б. Актуализация национального вопроса в СССР в условиях общественно-политических преобразований второй половины 1980-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 62–66.

18. Козьменко В. М., Цай В. И. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х – 1991 г. // Вестник РУДН. История России. 2012. № 2. С. 120–131.
19. Мякшев А. П. Национальные элиты в позднем СССР (1985–1991 годы): от кризиса межэтнического доверия к развалу единого государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. № 3. С. 321–328.
20. Мусаелян Л. А. Национальный вопрос в России: опыт прошлого и некоторые аспекты его современного политico-правового решения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 32–48.
21. Бекирова Ф. С. Конституционно-правовое регулирование национального вопроса в России и международном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 3. С. 97–103.

References

1. Kochergina M. G. Sovremennaya Rossiya: poisk optimal'noj ideologii [Modern Russia: search for optimal ideology]. *Pro nunc*, 2017, no. 1 (17), pp. 19–24.
2. Makoeva E. R., Kurashinova A. H. Rossiyskaya naciya edinoe celoe [The Russian nation is a single whole]. *Pravo i upravlenie = Law and Management*, 2022, no. 10, pp. 13–15.
3. Mineeva E. N. Nacional'no-territorial'nye obrazovaniya i istoricheskaya obuslovленnost' mezhjetnicheskikh otnoshenij v Rossiijskoj Federacii na sovremennom etape [National-territorial formations and historical conditionality of interethnic relations in the Russian Federation at the present stage]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*, 2013, no. 4, pp. 43–51.
4. Katkov M. N. Znachenie nacional'noj politiki dlya Rossii [The significance of national policy for Russia]. Moskovskie vedomosti, 1864, no. 174. Available at: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_znachenie_nacional-noy_politiki.html (accessed 04.09.2023).
5. Myuller A. M., Ryabova A. L., Sablina M. A. Nacional'naya politika Aleksandra III [The national policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire = Russia in the global world*, 2017, no. 11 (34), pp. 201–208.
6. Danilyuk M. Ju., Voloshhenko I. I., Danilyuk A. A. Evolyuciya konceptual'nyh podhodov v razrabotke nacional'noj politiki Rossii: istoricheskij aspekt [Evolution of conceptual approaches in the development of national policy of Russia: historical aspect]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal administration. Scientific notes*, 2017, no. 2, pp. 119–126.
7. Gapurov Sh. A., Bugaev A. M., Chernous V. V. K 150-letiyu okonchaniya Kavkazskoj vojny: o hronologii, prichinah i soderzhanii [To the 150th anniversary of the end of the Caucasian War: on chronology, causes and content]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*, 2014, no. 4 (80), pp. 90–100.
8. Gapurov Sh. A., Akaev V. H., Chernous V. V. Kavkazskaya politika Rossii v nachale XIX veka: imperator i namestniki [Caucasian policy of Russia at the beginning of the XIX century: the emperor and the governors]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific thought of the Caucasus*, 2015, no. 2 (82), pp. 79–88.
9. Vysochajshe utverzhdyonnoe Polozhenie o pravah kavkazskih tuzemcev, postupayushchih po dobrovol'nomu zhelaniyu na sluzhbu v regularyarnye vojska ot 5 aprelya 1864 g. [The most highly approved Regulation on the rights of Caucasian natives who voluntarily enter the

service in the regular troops of April 5, 1864]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2, 1864, vol. 39, st. 40743.

10. Kul'shanova A. A. K probleme teorii i praktiki nacional'nogo voprosa v SSSR [To the problem of theory and practice of the national question in the USSR]. *Problemy nauki = Problems of Science*, 2017, no. 11 (93), pp. 23–25.

11. Alfimcev V. N. Osnovnye etapy konstitucionno-pravovogo regulirovaniya nacional'nogo voprosa v Rossii [The main stages of constitutional and legal regulation of the national question in Russia]. *Lex Russica*, 2016, no. 8 (117), pp. 141–151.

12. Hamhoev R. M. Nacional'naya politika v RSFSR [National policy in the RSFSR]. *Sociologiya vlasti = Sociology of Power*, 2011, no. 4, pp. 148–155.

13. Bukanova R. G. Osnovnoj princip gosudarstvennogo edinstva RSFSR i SSSR [The basic principle of state unity of the RSFSR and the USSR]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2022, no. 11 (215), pp. 6–7.

14. Sikevich Z. V. Protivorechiya sovetskoy nacional'noj politiki: razmyshleniya eksperta [Contradictions of Soviet national policy: reflections of an expert]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 2017, no. 3, pp. 315–328.

15. Bugaj N. F. Osnovy nacional'noj politiki Rossii v 1920 – vtoroj polovine 1980-h godov: transformaciya, realizaciya, prioritety [Fundamentals of Russia's national policy in the 1920s – the second half of the 1980s: transformation, implementation, priorities]. *Arhont*, 2019, no. 1 (10), pp. 4–20.

16. Goldin V. I., Gagkuev R. G. 100 let SSSR i 30 let bez SSSR: uroki istorii i sovremennost' (obzor) [100 years of the USSR and 30 years without the USSR: lessons of history and modernity (review)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2022, no. 6, pp. 25–37.

17. Shorova M. B. Aktualizaciya nacional'nogo voprosa v SSSR v usloviyah obshhestvenno-politicheskikh preobrazovanij vtoroj poloviny 1980-h gg [Actualization of the national question in the USSR in the conditions of socio-political transformations of the second half of the 1980s]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2018, no. 55, pp. 62–66.

18. Koz'menko V. M., Tsaj V. I. Evolyuciya mezhnatsional'nyh otnoshenij i natsional'noj politiki v SSSR v 1920-h – 1991 g. [Evolution of interethnic relations and national policy in the USSR in the 1920s – 1991]. *Vestnik RUDN. Iстория России = Bulletin of the RUDN. The history of Russia*, 2012, no. 2, pp. 120–131.

19. Myakshev A. P. Natsional'nye elity v pozdnem SSSR (1985–1991 gody): ot krizisa mezhnatsional'nogo doveriya k razvalu edinogo gosudarstva [National elites in the late USSR (1985–1991): from the crisis of interethnic trust to the collapse of a single state]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Серия История. Mezhdunarodnye otnosheniya = Proceedings of the Saratov University. A new series. History series. International relations*, 2017, no. 3, pp. 321–328.

20. Musaelyan L. A. Natsional'nyj vopros v Rossii: opyt proshlogo i nekotorye aspekty ego sovremennoj politiko-pravovogo resheniya [The national question in Russia: the experience of the past and some aspects of its modern political and legal solution]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2010, no. 4, pp. 32–48.

21. Bekirova F. S. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie natsional'nogo voprosa v Rossii i mezhdunarodnom prave [Constitutional and legal regulation of the national question in Russia and international law]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 2017, no. 3, pp. 97–103.

Информация об авторах / Information about the Authors

Петрищева Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: petrishceva_nc@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5336-9253

Зарубина Кристина Александровна, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kris1996z@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2725-6906

Чапчиков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: chapchikov@pochta.ru,
ORCID: 0009-0008-1785-1019

Natalia S. Petrishcheva, Candidate of Sciences Historical, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: petrishceva_nc@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5336-9253

Kristina A. Zarubina, Lecturer of Departments of Theory and History of State and Law, Southwest state University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906

Sergey Y. Chapchikov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: chapchikov@pochta.ru, ORCID: 0009-0008-1785-1019

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.237:347.7

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-31-42>

Семейный бизнес в Объединенных Арабских Эмиратах: опыт правового регулирования

В. В. Богдан¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: KurskPravo@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Семейное предпринимательство – один из главных трендов современного развития предпринимательской деятельности. Цивилистическая наука за последние пять лет достигла значимых результатов в исследовании этого многоаспектного сложного феномена. Находясь на межотраслевом стыке (гражданское, семейное, предпринимательское, трудовое, административное право), семейная предпринимательская деятельность призвана решать многие государственные задачи, что позволяет говорить о вхождении этой разновидности предпринимательской деятельности в экосистему российского предпринимательства на постоянной основе. Вместе с тем российский законодатель никак не реагирует на масштабное развитие семейного бизнеса, что порождает неразрешимые трудности при его осуществлении, защите прав участников. При таких обстоятельствах опыт правового регулирования отношений, возникающих из семейного предпринимательства, в зарубежных странах, которые пошли по пути принятия специального закона, представляется актуальным. Одним из таких государств являются Объединенные Арабские Эмираты.

Цель состоит в установлении содержания специального закона о семейном бизнесе в Объединенных Арабских Эмиратах.

Задачи исследования: определить состояние развития семейного предпринимательства за рубежом; установить необходимость изучения опыта правового регулирования семейного бизнеса в ОАЭ; раскрыть содержание норм закона ОАЭ о семейном бизнесе.

Методология. Статья выполнена на основе методов анализа, дедукции, описания, обобщения, формально-юридического, сравнительно-правового.

Результаты. В ходе проведенного исследования было установлено, что подход ОАЭ к правовому регулированию отношений семейного бизнеса основан на внутренне непротиворечивом специальном законодательном акте, в основу которого положен симбиоз семейных ценностей и передовых достижений предпринимательской деятельности.

Вывод. Опыт правового регулирования семейной предпринимательской деятельности ОАЭ является одним из прогрессивных в настоящее время. Представляется, что при создании концепции российского закона о семейном предпринимательстве, его структуры, заложении принципов необходимо учесть достижения арабского законодателя.

Ключевые слова: семейный бизнес; семейная предпринимательская деятельность; законодательство; зарубежные страны; гражданское законодательство; семейные ценности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Богдан В. В. Семейный бизнес в Объединенных Арабских Эмиратах: опыт правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 31–42. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-31-42>.

Поступила в редакцию 22.08.2023

Принята к публикации 22.09.2023

Опубликована 30.10.2023

Family Business in the United Arab Emirates: Legal Experience

Varvara V. Bogdan¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation
 e-mail: KurskPravo@yandex.ru

Abstract

Relevance. Family entrepreneurship is one of the main trends in the modern development of entrepreneurial activity. Over the past five years civilistic science has achieved significant results in the study of this multidimensional complex phenomenon. Being at an intersectoral junction (civil, family, entrepreneurial, labor, administrative law), family entrepreneurial activity is designed to solve many government tasks, which allows us to talk about the entry of this type of entrepreneurial activity into Russian entrepreneurship ecosystem on a permanent basis. At the same time, Russian legislator does not react to large-scale development of family business in any way, which creates insoluble difficulties in its implementation, protection of participants rights. Under such circumstances, the experience of legal regulation of relations arising from family entrepreneurship in foreign countries that have followed the path of adopting a special law seems relevant. The United Arab Emirates is one of such states.

The purpose is to set the content of a special law on family business in the United Arab Emirates.

The objectives of the study: to determine the state of family entrepreneurship development abroad; establish the need to study the experience of legal regulation of family business in the UAE; disclose the content of the UAE family business law.

Methodology. The article is based on analysis methods, deduction, description, generalization, formal-legal, comparative-legal methods.

Results. The study found that the UAE's approach to legal regulation of family business relations is based on an internally consistent special legislative act based on a symbiosis of family values and advanced business achievements.

Conclusion. The experience of legal regulation of family entrepreneurial activities of the UAE is one of the progressive at present. It seems that it is necessary to consider the achievements of the Arab legislator when creating the concept of Russian law on family entrepreneurship, its structure, laying down the principles.

Keywords: family business; family entrepreneurship; legislation; foreign countries; civil legislation; family values.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bogdan V. V. Family Business in the United Arab Emirates: Legal Experience. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 31–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-31-42>

Received 22.08.2023

Accepted 22.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Правовое исследование семейной предпринимательской деятельности относится к весьма непростой научной задаче, поскольку эффективность ее разрешения во многом зависит от оптимального выстраивания составляющих ее компонентов: норм различной отраслевой принадлежности. Семейное предпринимательство, его структуру, особенности, гармонизацию правовых отношений не-

возможно исследовать без всестороннего научного анализа гражданского, предпринимательского, семейного, наследственного, трудового права и законодательства. Отвечая на сложные вызовы и требования экономического развития нашего государства, в условиях жесткого давления, санкций, поиска наиболее действенных способов импортовытеснения, оценки рисков ученым необходимо подходить к этим вопросам комплексно, не

ограничиваясь только одной отраслью права и/или законодательства, потому что одно изменение неизбежно влечет за собой модификацию или коррекцию взаимосвязанных норм.

Многогранность сферы предопределена ее комплексностью, «завязанной» не только на правовом регулировании, экономической составляющей, но и личных (родственных) отношениях. До настоящего времени российская цивилистическая наука не пришла к единому мнению о правовой природе семейного предпринимательства. Исследования российских ученых непрерывно ведутся на протяжении нескольких лет. В частности, основоположниками создания теоретических основ семейного предпринимательства являются: И. В. Ершова [1; 2], А. Н. Левушкин [3; 4; 5]. В работах Л. А. Барковой раскрыты многие аспекты семейной предпринимательской деятельности, в том числе через призму социального предпринимательства [6; 7; 8; 9].

Систематизации полученных результатов и созданию собственного научного представления о семейном бизнесе посвящена диссертационная работа Д. А. Пономарева [10]. Не будучи согласным с автором об отсутствии необходимости принятия специального закона [11], регулирующего отношения, возникающие из семейного бизнеса, тем не менее в исследовании четко прослеживается взаимосвязь и взаимообусловленность двух отраслей права: семейного и гражданского. Это имеет особое значение, поскольку в настоящее время существует методологическая проблема определения первичности основополагающих норм семейного предпринимательства.

Зарубежный опыт развития правового регулирования семейного бизнеса представлен в трудах Т. Г. Касьяновенко, А. М. Воротилкина [12], А. Н. Левушкина, Г. А. Писарева [13], Л. А. Емелиной [14], В. В. Тельшева [15], К. С. Тишинскас [16]. Среди трудов, посвященных семейному предпринимательству в

нашем государстве и зарубежных странах, следует выделить монографию авторского коллектива ведущих российских ученых в сфере семейного бизнеса «Легализация социального предпринимательства в России и за рубежом: тенденции и перспективы развития» [17], в которой представлены сравнительно-правовые результаты осуществления семейного предпринимательства в отдельных зарубежных странах, сделаны выводы о позитивных и негативных тенденциях развития данного правового феномена, а также работу «Семейные отношения и бизнес-процессы в условиях реформирования российского законодательства» [18].

В силу абсолютной новизны законодательства о семейном бизнесе Объединенных Арабских Эмираторов оно не становилось предметом изучения, но, вместе с тем, это государство стало одним из первых в мире, которые пошли по пути принятия самостоятельного законодательного акта, регулирующего рассматриваемые отношения, в отличие от многих западноевропейских стран. Например, в Италии, где доля семейного бизнеса в экономике страны очень велика, рассматриваемые отношения регулируются Гражданским кодексом. Аналогичная ситуация складывается и во Французской Республике: несмотря на долговременные традиции ведения семейного бизнеса, легального определения «семейное предприятие» в стране нет, а отношения регулируются отдельными положениями Торгового кодекса¹.

В Германии также отсутствует консолидированный акт. Как пишет М. Хаберсак, немецкое законодательство о семейном бизнесе «не предусматривает конкретной правовой формы для семейных компаний и для их деятельности не имеет значения ни размер, ни юридическая форма юридического лица» [19,

¹ L'entreprise familiale : quelles formalités de création lui sont associées ? // LegalPlace. URL: <https://www.legalplace.fr/guides/entreprise-familiale/> (дата обращения: 15.08.2023).

с. 17], оно включает в себя нормы корпоративного, гражданского и налогового права. Вместе с тем профессор с сожалением отмечает, что и законодатель, и судебная практика полагаются больше на правосознание собственников семейных предприятий («эти общества найдут подходящие для них рамки в рамках общих правил»), что не всегда соответствует действительности, приводя несколько примеров законодательных положений, которые с точки зрения семейных предприятий не являются удачными [19, с. 17].

Отсутствие закона в Чешской Республике объясняется тем, что в стране еще недостаточен опыт функционирования семейных предприятий, но работа по созданию правовой базы активно ведется ни один год: в частности, разработан проект «Национальной стратегии семейного бизнеса», введены на уровне нормативных актов правительства республики понятия «семейная бизнес-корпорация», «семейная торговля», а также определен круг лиц, которые для целей семейного бизнеса будут считаться членами одной семьи¹.

На сегодняшний день только одна страна, кроме ОАЭ, имеет закон о семейном предпринимательстве: 9 сентября 2016 г. Президент Республики Мальта подписал закон (ACT № XLVIII 2016) о семейном бизнесе, в котором были закреплены основные принципы его осуществления².

Объединенные Арабские Эмираты, выбрав путь самостоятельной правовой идентификации семейного предпринима-

тельства, заложили фундаментальный принцип его осуществления: эффективное сочетание семейных ценностей и ведение бизнеса. По сути, закон о семейном бизнесе ОАЭ можно назвать первой успешной попыткой восполнить пустоту на пересечении границ предпринимательства и семейного права: как продолжение семейной жизни семейный бизнес определяется более широкими экономическими целями и более тесными связями.

Методология

В основу проведения исследования положен всеобщий диалектический метод научного познания. Для получения достоверных результатов и выводов использовались общенаучные методы анализа, описания, обобщения, дедукции, позволившие получить знания о специфике законодательства ОАЭ о семейном бизнесе, выделить его основные признаки. Использование системного метода привело к структурированному изложению материала, позволило сформулировать положения о совокупности особенностей возникновения и развития правоотношений. Формально-юридический метод заключался в изучении положений Федерального декрета-закона ОАЭ о семейном предпринимательстве. В рамках сравнительно-правового метода сопоставлены подходы различных государств к вопросу легализации семейной предпринимательской деятельности.

Результаты и их обсуждение

Важность экономической роли семейных предприятий в ОАЭ сложно переоценить. В 2022 г. группа ученых опубликовала результаты исследований корпоративного управления и планирования преемственности в семейных компаниях в Объединенных Арабских Эмиратах, приходя к выводу, что одной из самых больших проблем для семейного бизнеса остается планирование преемственности, обеспечение прозрачности и подотчетности для его устойчивости, ко-

¹ Česká republika definovala, co je rodinné podnikání // BusinessINFO.cz. URL: <https://www.businessinfo.cz/clanky/ceska-republika-definovala-co-je-rodinne-podnikani/> (дата обращения: 15.08.2023)

² Marie-Louise Coleiro Preca President. ACT No. XLVIII of 2016. URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/104432/127381/F-651372693/MLT104432.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).

торая зависит от многих аспектов (национальные правила, корпоративные системы и процесс преемственности) [20]. Ранее, в 2017 г. была проведена большая работа по анализу функционирования семейного бизнеса, итогом которой стали следующие выводы:

- подавляющее большинство семейных предприятий, базирующихся в ОАЭ, предпочитают диверсифицировать свои бизнес-риски, работая в различных отраслях;

- большинство семейных предприятий, вошедших в выборку, являлись либо крупными (в 37% компаний работало более 2000 человек), либо малыми (в 29% – менее 500 сотрудников); только в 6% фирм работало от 1500 до 2000 человек. Остальные были распределены поровну между двумя категориями сотрудников – по 500–1000 и 1000–1500 человек;

- только 33% семейных компаний открыто заявили о своей идентичности (истории) на своих сайтах; более 60% воздержались от описания подробностей истории семейного бизнеса;

- управление в семейных компаниях в соответствии с их молодым возрастом осуществлялось в 30% и 45% представителями первого поколения и первых двух поколений соответственно; остальные: 5% управлялись первыми тремя поколениями, 10% – вторым поколением, 8% – вторым и третьим поколениями и 2% – представителями второго, третьего и четвертого поколений; около 80% фирм, включенных в выборку, полностью принадлежали членам одной семьи;

- средний размер совета директоров в семейных фирмах, базирующихся в ОАЭ, составлял 3,7 человека, что варьировалось от всего лишь 1 члена до максимум 10 членов [21].

Таким образом, проводимые исследования показали, что комплексный и современный подход к планированию преемственности необходим в ОАЭ для обеспечения стабильности в этих предприятиях и экономике страны в целом.

Федеральный декрет-закон ОАЭ № (37) о семейных компаниях был принят в октябре 2022 г. (далее – Закон о семейном бизнесе ОАЭ) для обеспечения роста и устойчивости семейных предприятий в соответствии с передовой международной практикой.

Анализ доступных публикаций о правовом регулировании семейного бизнеса в Объединенных Арабских Эмиратах показал, что законодатель этой страны отнесся к этому вопросу очень внимательно, установив, что семейная компания – это не новая форма коммерческих компаний, а любая компания, которая создана в соответствии с положениями Закона ОАЭ о коммерческих компаниях и в которой большая часть ее капитала или акций принадлежит членам одной семьи, зарегистрированная в Реестре в качестве таковой. Такой подход заслуживает поддержки. Российскому законодателю следует учитывать, что введение новой организационно-правовой формы предпринимательской деятельности повлечет за собой массовые изменения в гражданское и предпринимательское законодательство.

Цели принятия Закона о семейном бизнесе ОАЭ задекларированы в ст. 2 и направлены как на развитие семейного предпринимательства, так и самого государства: разработка всеобъемлющей и простой правовой базы для регулирования собственности и управления семейным бизнесом в стране и облегчить их передачу из поколения в поколение; поддержка преемственности семейного бизнеса и повышение роли частного сектора в экономическом росте и вкладе общества в стране; обеспечение механизмов для разрешения споров, связанных с семейным бизнесом; повышение вклада семейного бизнеса в экономику страны и ее конкурентоспособность.

Действие Закона о семейном бизнесе ОАЭ распространяется на семейные компании, которые существовали на момент его вступления в силу и созданные после.

Особо оговаривается, что его применение к семейным предприятиям, созданным в свободных зонах, возможно в той мере, в какой они не противоречат законодательству соответствующей свободной зоны.

Закон о семейном бизнесе ОАЭ имеет в основном диспозитивный характер, оставляя участникам свободу в выборе организационно-правовой формы (за исключением публичных акционерных обществ и полных товариществ), особенностей управления.

Понятие семейного предприятия

Под семейной компанией понимается любая компания, в том числе образованная одним человеком, созданная в соответствии с положениями Федерального декрета-закона о коммерческих компаниях № (32) от 2021 г., в которой большая часть ее капитала или акций принадлежит лицам, относящимся к одной семье, и зарегистрированная в Реестре в качестве семейного предприятия в соответствии с Законом о семейном бизнесе ОАЭ. Семейная компания не является новой организационно-правовой формой, поэтому она создается в тех формах коммерческих компаний, которые упомянуты в вышенназванном законе.

Указанный реестр формируется Министерством экономики ОАЭ по согласованию с местным органом, занимающимся корпоративными делами в соответствующем эмиратае, включая свободные зоны. Министерство экономики выдает документ, подтверждающий регистрацию предприятия в реестре, оно же вносит в него изменения, если таковые возникнут в ходе осуществления семейного бизнеса (ст. 4).

Министерству экономики отводится большая роль при организации и регистрации семейного предприятия, а в дальнейшем и его функционировании. Каждое семейное предприятие должно иметь учредительный договор (меморандум об ассоциации семейного бизнеса) и Устав (семейная хартия), а также его участники вправе заключить частный до-

говор. Учредительный договор и Устав готовит министерство, копия устава сдается в реестр, а министр издает решение о порядке, контроле и условиях сдачи его на хранение.

Устав семейного предприятия (ст. 6) содержит в себе правила, касающиеся права собственности, цели бизнеса, семейные ценности, порядок оценки акций и распределения прибыли, образовательной квалификации, необходимой членам семьи для присоединения к бизнесу, механизмов разрешения споров, утверждения и внесения изменений в устав, иные правила и положения. В случае, если возникнут противоречия между Учредительным договором и Уставом, применяются положения Устава, и любое положение, противоречащее ему или Закону о семейном бизнесе ОАЭ, должно быть исключено из Учредительного договора.

Основы формирования капитала и управления семейным бизнесом

Капитал семейного бизнеса состоит из акций, которые дают их владельцам равные или дифференцированные права на прибыль компании в соответствии с тем, что согласовано в Уставе. Семейная компания вправе выпускать два класса акций: акции, которые дают право их владельцу получать прибыль и голосовать на общем собрании компании, и акции, которые дают право на получение прибыли без права голоса. Закон о семейном бизнесе ОАЭ предоставляет право партнерам предусмотреть в Уставе условия, регулирующие конвертацию одних акций в другие, а также допускает их разделение на категории в соответствии с количеством голосов или распределенной прибыли. Сумма этих акций должна равняться общему количеству акций компании. Кроме того, Устав может предусматривать и другие категории акций, которые различаются по стоимости, количеству голосов, прибыли, преимущественным правам, и другие права или привилегии.

Порядок передачи акций регламентируется исключительно Законом о семейном бизнесе ОАЭ и не может быть изменен соглашением партнеров. Так, если партнер желает распорядиться своей долей в семейном бизнесе, он должен предварительно предложить ее оставшимся участникам для выкупа. Преимущественное право покупки не возникает, если участник долю передает с компенсацией или безвозмездно своей супруге или кому-либо из родственников до первой степени. Это положение применяется постольку, поскольку иное не предусмотрено Уставом или учредительным договором.

Передача доли в семейном предприятии иностранному лицу допускается исключительно с согласия партнеров, владеющих не менее чем тремя четвертями капитала, если учредительным договором не предусмотрен другой процент. Но это могут быть только не голосующие акции, поэтому если продаваемые акции были с правом голосования на общем собрании, они подлежат конвертации.

Закон не запрещает владеть долями в семейном предприятии лицам, не являющимся членами семьи, но предусматривает, что доля владения членами семьи должна быть не меньше большинства акций.

Закон установил набор механизмов управления семейным бизнесом, с разъяснением наиболее важных полномочий и обязанностей. Органами управления семейной компанией может являться единоличный (директор) или коллегиальный (совет директоров). Кроме того, в семейной компании может быть управляющий, который назначается в Учредительном договоре, а при отсутствии в нем положения об этом, он может быть назначен последующим решением от партнеров, владеющих не менее 51% акций, представленных на собрании Общего собрания, если Учредительным договором не предусмотрен другой процент. Управляющим может быть одно лицо

или несколько из числа самих партнеров, других лиц, а также это может быть юридическое лицо. При этом если управляющих несколько, то хотя бы один из них должен быть физическим лицом.

Создание Совета директоров допускается в семейных обществах с ограниченной ответственностью, члены которого указываются в Учредительном договоре. Для Совета директоров устанавливаются полномочия, срок членства, вознаграждение, увольнение, назначение замещающих лиц, механизм принятия решений и др. Совет директоров возглавляется председателем, и управляющий в этом случае подотчетен председателю правления в качестве представителя совета, если учредительным договором не предусмотрено иное.

Директор семейной компании обладает весьма широкими полномочиями, в том числе исполнительное руководство семейной компании, распределение прибыли в порядке, установленном общим собранием компании и предусмотренным в Учредительном договоре, осуществление представительских функций и др. (ст. 15). Наряду с правами директор несет широкий круг обязанностей (ст. 16), при исполнении которых он должен исходить исключительно из интересов семейного предприятия, проявляя должную осмотрительность. В частности, директору, если иное не предусмотрено в учредительном договоре, запрещено владеть или управлять, прямо или косвенно, за свой собственный счет или за счет других лиц какой-либо экономической деятельностью, конкурирующей с деятельностью семейного бизнеса или его дочерних компаний.

Кроме непосредственных органов управления самим семейным бизнесом, в рамках семейного предприятия может устанавливаться режим управления семейными делами, для чего могут быть созданы такие советы и комитеты, как Семейная ассоциация, Семейный совет и Семейный офис. На данные органы воз-

лагается решение не столько бизнес-задач, сколько социальных, стоящих перед конкретным семейным предприятием. В частности, Закон о семейном бизнесе ОАЭ возлагает на них задачи управления делами семьи, легализации отношений с семейной компанией, включая образование и обучение ее членов, их работу в семейной компании и ее дочерних компаниях, предпринимательские инициативы, контроль инвестиций семьи, организацию благотворительной работы и др.

Урегулирование споров

Значительное место отведено в Законе о семейном бизнесе ОАЭ порядку урегулирования споров. Так, в семейной компании может быть создан совет партнеров, членов семьи или третьих лиц, целью которого является рассмотрение споров, возникающих как между партнерами, так и между ними и членами семьи, и между ними и семейным бизнесом, и примирение сторон. Срок рассмотрения споров и примирение – три месяца с даты передачи спора – может быть продлен на аналогичный период по мотивированному запросу заинтересованных сторон.

Кроме того, в каждом эмирате должен быть создан Комитет по разрешению семейных споров, возглавляемый судьей, по решению министра юстиции или главы местного судебного органа, в зависимости от обстоятельств, с указанием его формирования и системы работы при разрешении семейных дел. Решения комитета могут быть обжалованы в компетентном суде страны.

Прекращение деятельности семейного предприятия

Поскольку в основу семейного бизнеса в ОАЭ положено в первую очередь понятие «семья», то статус «семейный бизнес» прекращается, если лица, не являющиеся членами семьи, владеют большинством ее акций, и которые имеют право голоса в соответствии с положени-

ями Закона о семейном бизнесе ОАЭ. Кроме того, партнеры, владеющие не менее чем тремя четвертями капитала семейной компании, вправе обратиться в Министерство экономики с заявлением об исключении семейной компании из реестра.

Вместе с тем семейный бизнес не прекращается со смертью, банкротством или неплатежеспособностью одного из партнеров, если иное не предусмотрено в Учредительном договоре. В этих случаях оставшимся партнерам предоставляется право в течение трех месяцев изменить статус компании. Наследник имеет право участвовать в семейном предприятии в качестве партнера в пределах унаследованной доли или распорядиться ею при соблюдении требований закона.

Выводы

Семейная предпринимательская деятельность, находясь в авангарде современной экономики ввиду наличия большого потенциала для решения многих социально-экономических задач, имеет все шансы стать самой востребованной формой ведения бизнеса. Опыт правового регулирования семейного бизнеса в ОАЭ, выбравших путь создания самостоятельного закона о семейном бизнесе, основанного на сочетании норм семейного и предпринимательского права, весьма удачно может быть реализован в нашей стране. Так, при создании концепции российского закона о семейном предпринимательстве, его структуры, заложении принципов необходимо учесть достижения арабского законодателя. Представляется, что наиболее удачными являются положения о законодательном определении семейного бизнеса, порядке управления им, запрет на участие иностранных граждан, обеспечение наследственной преемственности, специальной форме защиты прав участников семейного бизнеса.

Список литературы

1. Ершова И. В. Семейный бизнес – явление уникальное и не до конца изученное // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 44–55.
2. Ершова И. В. Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 22–26.
3. Левушкин А. Н. Гражданско-правовое регулирование и развитие семейного предпринимательства как вида социального предпринимательства в Российской Федерации // Гражданское право. 2019. № 2. С. 6–10.
4. Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство в системе малого и среднего предпринимательства: правовая природа и пути развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). С. 19–25.
5. Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3 (43). С. 206–217.
6. Баркова Л. А. Организационно-правовые формы «семейных» объединений как субъектов семейного предпринимательства // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 39–46.
7. Баркова Л. А. Правовые средства реализации семейной политики обеспечения гармонизации интересов семьи в предпринимательской сфере // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 3. С. 340–351.
8. Баркова Л. А. Система правовых средств обеспечения гармонизации интересов семьи как основа правовой модели семейного предпринимательства // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 5. С. 24–28.
9. Баркова Л. А. Совершенствование российской правовой модели семейного предпринимательства с учетом зарубежного опыта правоприменения // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 6–9.
10. Пономарев Д. А. Семейное предпринимательство: частноправовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2023. 246 с.
11. Пономарев Д. А. Правовое регулирование предпринимательства в Российской Федерации: некоторые тенденции развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 53–63.
12. Касьяненко Т. Г., Воротилкина А. М. Эволюция понятия «семейный бизнес» по исследованиям российских и зарубежных ученых // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 2, № 2. С. 36–43.
13. Левушкин А. Н., Писарев Г. А. Семейный бизнес и семейное предпринимательство в Российской Федерации и зарубежных государствах: современная модель функционирования и перспективы правового регулирования // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: в 4-х т. Т. 1. М.: Проспект, 2020. С. 127–139.
14. Емелина Л. А. Влияние семейного законодательства на регулирование семейного бизнеса за рубежом // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессио-

нальной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 526–527.

15. Телышев В. В. Зарубежный опыт семейного предпринимательства // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: в 4-х т. Т. 1 / отв. ред. С. Д. Могилевский [и др.]. М.: Проспект, 2020. С. 455–467.

16. Тишинская К. С. Понятие и признаки семейного предпринимательства (семейного бизнеса) в России и за рубежом // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 106–116.

17. Легализация социального предпринимательства в России и за рубежом: тенденции и перспективы развития / А. В. Барков, Я. С. Гришина, О. А. Золотова [и др.] // SSRN. 2020. June 29. URL: <https://ssrn.com/abstract=3619025> (дата обращения: 15.08.2023). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3619025>.

18. Семейные отношения и бизнес-процессы в условиях реформирования российского законодательства / О. А. Золотова, Ю. Г. Лескова, Г. А. Писарев // SSRN. 2021. June 24. URL: <https://ssrn.com/abstract=3860381> (дата обращения: 15.08.2023). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3860381>.

19. Habersack M. Gesetzesfolgen für Familienunternehmen abschätzen. Ein Familienunternehmen-Test für Deutschland und die EU. München, 2020. 41 p.

20. Mohamed J., Naimat Vllah Khan, Barghathi Y. Theory of corporate governance and succession planning in family businesses of UAE: Views of the owners // SSRN. 2022. Oct. 11. URL: <https://ssrn.com/abstract=4224007> (accessed 15.08.2023).

21. Dupuis D., Spraggon M., Bodolica V. Family business identity and corporate governance attributes: evidence on family-owned enterprises in the UAE (June 14, 2017) // Corporate Ownership and Control. 2018. Vol. 14. P. 122–131. URL: <https://ssrn.com/abstract=3125593> (accessed 15.08.2023).

Reference

1. Ershova I. V. Semejnyj biznes – yavlenie unikal'noe i ne do konca izuchennoe [Family business is a unique phenomenon and not fully studied]. Semejnyj biznes v pravovom prostanstve Rossii [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020. P. 44–55.

2. Ershova I. V. Special'nyj pravovoij rezhim deyatel'nosti sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva: doktrinal'nye i zakonodatel'nye podhody [Special legal regime of activity of small and medium-sized businesses: doctrinal and legislative approaches]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*, 2016, no. 2, pp. 22–26.

3. Levushkin A. N. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie i razvitiye semejnogo predprinimatel'stva kak vida social'nogo predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii [Civil law regulation and development of family entrepreneurship as a type of social entrepreneurship in the Russian Federation]. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, 2019, no. 2, pp. 6–10.

4. Levushkin A. N. Semejnoe predprinimatel'stvo v sisteme malogo i srednego predprinimatel'stva: pravovaya priroda i puti razvitiya [Family entrepreneurship in the system of small and medium-sized enterprises: legal nature and ways of development]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2018, no. 11 (96), pp. 19–25.

5. Levushkin A. N. Semejnoe predprinimatel'stvo i semejnyj biznes: ponyatie, pravovaya priroda i perspektivy razvitiya [Family entrepreneurship and family business: concept, legal na-

ture and development prospects. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*, 2018, no. 3 (43), pp. 206–217.

6. Barkova L. A. Organizacionno-pravovye formy "semejnyh" ob"edinenij kak sub"ektov semejnogo predprinimatel'stva [Organizational and legal forms of "family" associations as subjects of family entrepreneurship]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2014, no. 2, pp. 39–46.

7. Barkova L. A. Pravovye sredstva realizacii semejnoj politiki obespecheniya garmonizacii interesov sem'i v predprinimatel'skoj sfere [Legal means of implementing family policy to ensure the harmonization of family interests in the business sphere]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Tver State University. Series: Law*, 2014, no. 3, pp. 340–351.

8. Barkova L. A. Sistema pravovyh sredstv obespecheniya garmonizacii interesov sem'i kak osnova pravovoj modeli semejnogo predprinimatel'stva [The system of legal means to ensure the harmonization of family interests as the basis of the legal model of family entrepreneurship]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal = Business in law. Economic and Legal Journal*, 2013, no. 5, pp. 24–28.

9. Barkova L. A. Sovershenstvovanie rossijskoj pravovoj modeli semejnogo predprinimatel'stva s uchetom zarubezhnogo opyta pravoprimeneniya [Improving the Russian legal model of family entrepreneurship, taking into account the foreign experience of law enforcement]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2014, no. 5, pp. 6–9.

10. Ponomarev D. A. Semejnoe predprinimatel'stvo: chastnopravovoe issledovanie. Diss. kand. yurid. nauk [Family Entrepreneurship: Private Law Research. Cand. legal sci. diss.]. Kursk, 2023. 246 p.

11. Ponomarev D. A. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii: nekotorye tendencii razvitiya [Legal regulation of entrepreneurship in the Russian Federation: some development trends]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 53–63.

12. Kas'yanenko T. G., Vorotilkina A. M. Evolyuciya ponyatiya "semejnyj biznes" po issledovaniyam rossijskih i zarubezhnyh uchenyh [The evolution of the concept of "family business" according to the research of Russian and foreign scientists]. *Ekonomika i upravlenie: problem, resheniya = Economics and management: problems of solution*, 2017, vol. 2, no 2, pp. 36–43.

13. Levushkin A. N., Pisarev G. A. Semejnyj biznes i semejnoe predprinimatel'stvo v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh gosudarstvah: sovremennaya model' funkcionirovaniya i perspektivy pravovogo regulirovaniya [Family business and family entrepreneurship in the Russian Federation and foreign countries: modern model of functioning and prospects of legal regulation]. *Pravo i biznes: pravovoe prostranstvo dlya razvitiya biznesa v Rossii [Law and Business: legal space for business development in Russia]*. Moscow, Prospekt Publ., 2020, vol. 1, pp. 127–139.

14. Emelina L. A. Vliyanie semejnogo zakonodatel'stva na regulirovanie semejnogo biznesa za rubezhom [The impact of family legislation on the regulation of family business abroad]. *Semejnyj biznes & LegalTech: nauchnye resheniya dlya professional'noj predprinimatel'skoj deyatel'nosti [Family Business & LegalTech: scientific solutions for professional entrepreneurial activity]*; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 526–527.

15. Telyshev V. V. Zarubezhnyj opyt semejnogo predprinimatel'stva [Foreign experience of family entrepreneurship]. *Pravo i biznes: pravovoe prostranstvo dlya razvitiya biznesa v Rossii [Law and Business: legal space for business development in Russia]*; ed. by S. D. Mogilevskij, eds. Moscow, Prospekt Publ., 2020, vol. 1, pp. 455–467.

16. Tishinskas K. S. Ponyatie i priznaki semejnogo predprinimatel'stva (semejnogo biznesa) v Rossii i za rubezhom [The concept and signs of family entrepreneurship (family business) in Russia and abroad]. Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 106–116.
17. Barkov A. V., Grishina Ya. S., Zolotova O. A., eds. Legalizaciya social'nogo predprinimatel'stva v Rossii i za rubezhom: tendencii i perspektivy razvitiya [Legalization of social entrepreneurship in Russia and abroad: trends and prospects of development]. SSRN, 2020, June 29. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3619025>. (accessed 05.09.2023) <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3619025>
18. Zolotova O. A., Leskova Yu. G., Pisarev G. A. Semejnye otnosheniya i biznes-processy v usloviyah reformirovaniya rossijskogo zakonodatel'stva [Family relations and business processes in the context of reforming Russian legislation]. SSRN, 2021, June 24. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3860381>. (accessed 05.09.2023) <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3860381>
19. Habersack M. Gesetzesfolgen für Familienunternehmen abschätzen. Ein Familienunternehmen-Test für Deutschland und die EU. München, 2020. 41 p.
20. Mohamed J., Naimat Vllah Khan, Barghathi Y. Theory of corporate governance and succession planning in family businesses of UAE: Views of the owners. SSRN, 2022, Oct. 11. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4224007>. (accessed 05.09.2023)
21. Dupuis D., Spraggan M., Bodolica V. Family business identity and corporate governance attributes: evidence on family-owned enterprises in the UAE (June 14, 2017). Corporate Ownership and Control, 2018, vol. 14, pp. 122-131. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3125593>. (accessed 05.09.2023)

Информация об авторе / Information about the Author

Богдан Варвара Владимировна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kurskpravo@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9686-4687

Varvara V. Bogdan, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Head of Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: KurskPravo@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9686-4687

Оригинальная статья / Original article

УДК 346.21

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-43-53>

Цифровые возможности реализации сделок с жилыми помещениями

Аман Арман¹

¹ Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
ул. Татищева, д. 20 а, г. Астрахань, 414056, Российская Федерация

 e-mail: arman.aman30@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Процессы цифровизации охватили многие области жизнедеятельности современного человека, информационно-коммуникативные технологии формируют новую реальность – цифровую. Цифровые технологии широко внедряются и в правовую сферу, в том числе в оборот недвижимого имущества, оформление сделок с ним. Реализация сделок с жилыми помещениями находится среди проблем, не теряющих своей значимости на протяжении десятилетий, имеющих принципиально важное социальное и экономическое значение, цифровизация сделок с жилыми помещениями повышает уровень актуальности. Цифровая модернизация порождает и целый ряд проблем, одной из главных выступает не готовность государства к системному преобразованию правового регулирования общественных отношений, что во многом обусловлено отсутствием законодательства, необходимого для регуляции цифровизации, отсутствие единого дефинитивного аппарата; перечисленное в полной мере относится к сделкам с жилыми помещениями.

Цель статьи заключается в привлечении внимания научного сообщества к вопросам цифровых возможностей реализации сделок с жилыми помещениями, ознакомление с результатами исследования автора в обозначенной сфере.

Задачи: рассмотрение подходов к понятию «цифровизация», представленным в современной юридической науке; рассмотрение процедуры заключения сделок с жилыми помещениями с использованием цифровых технологий; формирование предложений для совершенствования действующего российского законодательства.

Методология. Основу методологии предпринятого исследования составляют достижения общей теории права, частноправовой и публично-правовой науки, позволяющие систематизировать имеющиеся теоретические и эмпирические данные о цифровых возможностях реализации сделок с жилыми помещениями.

Результаты. В процессе предпринятого исследования выявлены риски, с которыми сталкиваются участники гражданско-правовых отношений (в частности, при реализации сделок с жилыми помещениями), разработан ряд перспективных предложений, направленных на совершенствование нормативной базы.

Вывод. Цифровизация сделок с жилыми помещениями свидетельствует о корреляции соответствующих юридических процедур уровню и требованиям развития информационно-коммуникативных технологий. Авторами обоснованы перспективы цифровых возможностей реализации сделок с жилыми помещениями.

Ключевые слова: цифровизация; сделки; недвижимость; жилые помещения; регистрация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Аман Арман. Цифровые возможности реализации сделок с жилыми помещениями // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 43–53.
<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-43-53>.

Поступила в редакцию 29.08.2023

Принята к публикации 27.09.2023

Опубликована 30.10.2023

Digital Opportunities for the Implementation of Transactions with Residential Premises

Aman Arman¹

¹ Astrakhan Tatishchev State University
20a Tatishcheva Str., Astrakhan 414056, Russian Federation

 e-mail: arman.aman30@yandex.ru

Резюме

Relevance. Digitalization processes have covered many areas of modern human life, information and communication technologies are forming a new reality – digital reality. Digital technologies are also being widely introduced into the legal sphere, including the turnover of real estate, the execution of transactions with it. The implementation of transactions with residential premises is among the problems that have not lost their significance for decades, having fundamentally important social and economic significance, digitalization of transactions with residential premises increases the level of relevance. Digital modernization also generates a number of problems, one of the main problems is the state's unwillingness to systematically transform the legal regulation of public relations, which is largely due to the lack of legislation necessary to regulate digitalization, the absence of a single definitive apparatus; the above fully applies to transactions with residential premises.

The purpose of the article is to attract the attention of the scientific community to the issues of digital opportunities for the implementation of transactions with residential premises, to familiarize with the results of the author's research in the designated area.

Objectives: consideration of approaches to the concept of "digitalization" presented in modern legal science; consideration of the procedure for concluding transactions with residential premises using digital technologies; formation of proposals for improving the current Russian legislation.

Methodology. The methodology of the undertaken research is based on the achievements of the general theory of law, private law and public law science, which make it possible to systematize the available theoretical and empirical data on the digital possibilities of implementing transactions with residential premises.

Results. In the course of the undertaken research, the risks faced by participants in civil law relations (in particular, when implementing transactions with residential premises) were identified, a number of promising proposals aimed at improving the regulatory framework were developed.

Conclusion. Digitalization of transactions with residential premises indicates the correlation of relevant legal procedures to the level and requirements of the development of information and communication technologies. The authors substantiate the prospects of digital opportunities for the implementation of transactions with residential premises.

Keywords: digitalization; transactions; real estate; residential premises; registration.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Aman Arman. Digital Opportunities for the Implementation of Transactions with Residential Premises. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 43–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-43-53>

Received 29.08.2023

Accepted 27.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

В процессе цифровых преобразований в юридической сфере важно разумно оценить уровень развития технологий и возможности их применения. Представляется актуальным, основываясь на тео-

ретических разработках и положениях соответствующих нормативных правовых актов, рассмотреть цифровые возможности реализации гражданско-правовых сделок на примере сделок с жилыми помещениями. Сделки относятся к числу

важнейших элементов в системе гражданского права. Акцентируем внимание, что гражданско-правовые обязанности, а также права, как правило, возникают, прекращаются и подлежат изменению в результате осуществления сделок, что обуславливает необходимость детальной правовой регламентации. Фундаментом правового регулирования сделок в современном российском государстве являются конституционные положения, находящие продолжение на уровне отраслевого законодательства, прежде всего гражданского. Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ)¹ посвятил целую главу (гл. 9) раскрытию понятия и классификаций сделок, все положения актуальны для гражданско-правовых сделок с недвижимостью. Официальная дефиниция сделки представлена в ст. 153 ГК РФ. Под сделкой отечественный законодатель признает действия субъектов (граждан, а также юридических лиц), которые имеют целью установить, изменить или прекратить гражданские права и обязанности. Законодатель регламентирует форму сделок – устная и письменная, при этом письменная форма сделки подразделяется на письменную простую и письменную нотариальную (ст. 158–163).

Методология

В целях получения достоверных выводов и результатов в процессе исследования были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, позволившие обосновать положения о цифровых возможностях реализации сделок с жилыми помещениями. Применение системного метода обеспечило возможность структурированного изложения эмпирического материала. Формально-юридический метод заключался в исследовании российского зако-

¹ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ: [ред. от 14.04.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.07.2023).

нодательства, направленного на регуляцию рассматриваемых отношений. Научные задачи требуют не только теоретического осмысливания модернизации гражданско-правовых сделок, но и выявление перспектив дальнейшей эволюции соответствующих юридических регуляторов.

Результаты и их обсуждение

Современное государство внедряет цифровые технологии во все сферы. В научной литературе много внимания уделено дефиниции «цифровизация». Комплексный подход к понятию применила группа авторов (Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко), разграничив сразу несколько понятийных значений:

– первый подход предполагает, что цифровизация – это переход с аналоговой формы на цифровую форму передачи информации;

– второй подход предполагает, что цифровизация – это перевод информации (материалов) для дальнейшего хранения/использования/распространения в цифровой формат («оцифровывание информации»);

– третий подход предполагает, что цифровизация – это целостный комплекс процессов социального, управляемого, экономического характера, связанный с использованием/распространением собственно электронных, компьютерных, цифровых технологий, а также систем искусственного интеллекта [1, с. 29].

Еще один представитель современной юридической науки И. И. Литвин отмечает, что под цифровизацией понимается процесс укоренения в деятельности государственных органов, а также негосударственных организаций современных технологических решений, дающих возможность получать/обрабатывать информацию в цифровом формате [2, с. 103].

Цифровизация юридической сферы – процесс относительно новый. Реализация гражданско-правовых сделок с использованием цифровых элементов стала действительностью совсем недавно. Однако

современная наука свидетельствует о формировании теоретического фундамента. Анализ публикаций последних лет позволяет выявить основные направления научных изысканий в данной сфере:

- нормативные основы гражданско-правовых сделок с использованием цифровых технологий (В. А. Гереев, А. Р. Кусяева [3], М. А. Зеленская [4], Т. А. Коновалова [5], М. М. Кошелева, А. Р. Полкова [6]);

- особенности цифровых сделок, проблемы, возникающие при их реализации (Л. Ю. Василевская [7], М. В. Вронская [8], Н. А. Волкова, Л. Л. Королева [9], И. В. Гусаим [10], А. В. Должикова, Д. С. Макарова [11], Р. А. Курбанов, А. С. Никулин, А. В. Гурко, В. В. Храмушин, В. А. Свечников [12], Д. А. Разумков [13], Ш. Н. Рузиназаров, Л. И. Ачилова [14]);

- цифровые технологии при осуществлении государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (Л. Л. Лобачев, Ф. В. Куцаков [15], Л. Н. Сморчкова [16], И. С. Уханов [17]);

- проверка юридического статуса контрагента по электронной сделке (О. В. Белая [18], Н. Н. Курова [19]).

Сделки с жилыми помещениями как наиболее активный институт гражданско-права находятся в состоянии постоянной динамики, реализуемой посредством модернизации нормативных правовых актов. В настоящее время актуальность совершенствования правовых конструкций в указанной сфере не исчерпала себя и требует принятия новых регуляторов.

В настоящее время формирование процесса цифровых следов имеет ключевое значение, что объяснимо социально-экономическими потребностями общества и принятыми актами, направленными на цифровизацию правового и экономического пространства. В рамках указанного направления и в соответствии с регламентацией правовых установок

гражданского¹ и жилищного² законодательства была принята программа «Цифровая экономика РФ»,³ направленная на достижение целей, определенных Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁴.

Программы были приняты очень своевременно, т. к. «цифровой» оборот в сделках с жилыми помещениями становится актуальным не только на внутрен-

¹ Гражданский кодекс РФ (часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 № 51-ФЗ: [ред. от 14.04.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.07.2023); Гражданский кодекс РФ (часть вторая): федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: [ред. от 01.07.2021] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 28.07.2023); Гражданский кодекс РФ (часть третья): федер. закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ: [ред. от 14.04.2023 г.] Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 28.07.2023).

² Жилищный кодекс РФ: федер. закон от 29 дек. 1994 г. № 188-ФЗ: [ред. от 28.04.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 28.07.2023).

³ О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»): постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234: [ред. от 13.05.2022] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/ (дата обращения: 28.07.2023).

⁴ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204: [ред. от 21.07.2020] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43027/ (дата обращения: 28.07.2023).

нем российском пространстве, но и в мировой экономике [20, с. 601].

В настоящее время флагманом в системе цифровизации оборота жилых помещений в России является Росреестр (Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии¹). Органом ведется интернет-портал, представляющий возможность цифрового использования ресурсов, подачи заявлений на регистрацию недвижимости и т. д.²

Довольно активно пользуется достижениями цифровизации ресурсов Росреестра нотариат, реализация деятельности которого уходит в информационную среду.

Цифровизация открывает возможности и для организации регистрации жилых помещений в электронном виде посредством использования усиленной квалифицированной электронной подписи [21, с. 21]. Однако в данном случае необходимо предоставить предварительное согласие на совершение сделок в цифровом виде. В обратном случае сделка будет приостановлена. Такая манипуляция организована с целью предотвратить покушения на незаконное приобретение

жилых помещений. Тем не менее в настоящее время вступили в силу положения, которые позволяют нотариусу использовать подобные механизмы (т. е. подавать на регистрацию удостоверенные им документы по недвижимости в электронной форме), а также возможность подачи документов кредитной организацией.

Цифровая форма в практике право-применения получила активный отзыв среди лиц, реализующих право на жилье, однако в основном в нотариальной форме, т. к. в этом случае имеется возможность путем одного обращения гарантированно составить документ и приложения к нему, подлежащие правовой экспертизе на регистрации³.

Пандемия показала необходимость развития данной сферы регистрационного процесса, почувствовав положительный эффект от цифровизации в различных сферах, законодательство требует дальнейших трансформаций [22, с. 87].

Росреестр, проанализировав использование процесса цифровизации, акцентировал внимание на том, что 40% документов по ипотеке и регистрации долевики⁴ оформляются в электронном виде, при этом прогресс с предыдущими двумя

¹ О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии: указ Президента РФ от 25 дек. 2008 г. № 1847 [ред. от 21.05.2021] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83009/ (дата обращения: 28.07.2023); О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии: постановление Правительства РФ от 1 мая 2009 г. № 457 (вместе с «Положением о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии»): [ред. от 30.06.2022] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88583/ (дата обращения: 28.07.2023).

² О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 мая 2015 г. № 218-ФЗ: [ред. от 13.06.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 28.07.2023).

³ «Электронный нотариат» в цифрах и фактах: актуальная статистика от первых лиц нотариата на встрече с ведущими российскими СМИ // Федеральная нотариальная палата: сайт. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/el-ektronnyj-notariat-v-cifrah-ifaktah-aktualnaya-statistika-ot-pervyh-lic-notariatana-vstreche-s-vedushimi-rossijskimi-smi> (дата обращения: 13.06.2023).

⁴ Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2004 г. № 214-ФЗ: [ред. от 28.12.2022] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 28.07.2023).

годами составил прирост в полтора-два раза¹.

В 2022 г. полноценно заработал Единый информационный ресурс о земле и недвижимости, который одновременно включил работу одиннадцати органов исполнительной власти.

Об интересной разработке в 2019 г. заявила компания «Дом.рф», являющаяся государственной компанией, принадлежащей Правительству России в лице Агентства по управлению государственным имуществом. Компания «Дом.рф» сообщила о запуске сервиса для электронной регистрации сделок, проводимых с жилыми объектами².

С 2019 г. в закон «Об участии в долевом строительстве...» внесены изменения, позволяющие оформлять договорные конструкции по регулируемым правоотношениям в электронном виде.

В настоящее время разрабатывается проект создания «виртуальной комнаты сделок», объединяющей участников рынка недвижимости на единой доверенной цифровой платформе. Сами сделки будут зарегистрированы Росреестром, преддоговорный этап и контроль сделок также будет реализован с учетом использования искусственного интеллекта и под надзором должностных лиц Росреестра.

Отметим, что электронная регистрация значительно упрощает сделки с недвижимостью, в том числе с жилыми помещениями (подобная форма позволяет экономить время, стороны сделки могут находиться в разных городах и даже разных странах и т. д.). Внедрение информационно-коммуникативных технологий положительно влияет на оборот жилых

помещений гражданско-правового характера.

Выводы

Подводя итоги, необходимо акцентировать внимание на том, что цифровизация относится к ряду междисциплинарных проблем. Юридическая наука и практика все большее внимание уделяют информационно-коммуникативным технологиям и их возможностям.

Цифровизация все активнее будет проникать в гражданский оборот сделок с недвижимостью в целом и жилыми помещениями в частности. Это неизбежный процесс, который в настоящее время содержит ряд рисков, с которыми могут столкнуться участники рынка. К числу таковых можно отнести:

- незащищенность информации о жилых объектах, незаконного вмешательства в электронный документ;
- цифровое совершение сделки не позволяет оценить свободу воли заявителей (влияние других лиц, состояние алкогольного или наркотического опьянения и пр.);
- ограниченная распространенность цифровых возможностей на всей территории РФ, т. к. в труднодоступных местах проблемы с интернет-обеспечением до сих пор не решены, что приводит к неравномерному развитию цифровизации оборота жилых помещений и реализации сделок с ними;
- проблемы с обеспечением информационной безопасности владельцев электронных подписей;
- консервативное восприятие процесса совершения гражданских сделок с жилыми объектами, склонность к необходимости бумажного оборота.

По представленным проблемам в рамках исследования предлагается ряд перспектив по совершенствованию нормативной правовой базы. В первую очередь, это создание комплексного набора правовых актов, позволяющих не просто урегулировать процесс, но и одновре-

¹ Росреестр планирует развивать цифровые платформы с учетом лучших международных практик // Росреестр: сайт. URL: <https://rosreestr.gov.ru> (дата обращения: 13.06.2023).

² Запущен сервис для электронной регистрации сделок с недвижимостью – дом.рф. // Дом.рф: сайт. URL: <https://дом.рф/> (дата обращения: 13.06.2023).

менно сформировать базу для организации правовой защиты от покушений на цифровые ресурсы и права участников гражданского оборота жилья. Для этой цели предлагается:

- сформировать единство стандартов и требований к электронным документам;
- обеспечить единство и функционирование электронных систем;
- улучшить взаимодействие между различными государственными и негосударственными органами. Акцент в работе нотариата должен быть проставлен в связи с тем, что именно нотариусам позволительно использовать электронный, смешанный и бумажный оборот документов.

Отдельная авторская гипотеза о модернизации правовых конструкций свя-

зана с тем, что предлагается ужесточить требования к удостоверяющим центрам, предоставляющим услуги по формированию и выпуску электронных подписей.

Наряду с указанным предложением необходимо ужесточить ответственность и сформировать квалифицированный вид ответственности за мошеннические действия в области цифрового оборота недвижимости в целом и жилья в частности.

Представленные вариации трансформации законодательства позволяют повысить эффективность функционирования института сделок с жилыми помещениями и обезопасить его участников от незаконных покушений на их права.

Список литературы

1. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Правовая парадигма. 2019. № 18 (4). С. 27–34.
2. Литвин И. И. Системный характер преобразования государства и права в процессе цифровизации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2 (38). С. 103–108.
3. Гереев В. А., Кусаева А. Р. Гражданско-правовое регулирование сделок, совершаемых в электронном виде, в условиях цифровой экономики // Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система: материалы VI Международного научного конгресса / под науч. ред. А. В. Шарковой, О. Н. Васильевой, Б. Отоловой. М.: Дашков и К, 2018. С. 281–282.
4. Зеленская М. А. Гражданско-правовое регулирование сделок, совершаемых в электронном виде в условиях цифровой экономики // Цифровизация как новая парадигма развития: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Новая парадигма (ИП Ивановская И. И.), 2022. С. 115–120.
5. Коновалова Т. А. Цифровые сделки: современное правовое регулирование и применение // Интернет-мобильная экономика: сборник научных статей научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов и студентов. М.: Изд-во Ипполитова, 2022. С. 13–18.
6. Кошелева М. М., Полкова А. Р. Правовые особенности применения цифровых технологий при заключении сделки купли-продажи недвижимости // Mendeleev. New Generation: сборник материалов научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2020. С. 176–178.

7. Василевская Л. Ю. Электронная форма сделок в условиях развития цифровых технологий: проблемы определения и толкования // Хозяйство и право. 2019. № 9 (512). С. 15–30.
8. Вронская М. В. Трансформация формы сделки в условиях цифровых технологий: актуальные проблемы и перспективы развития // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13, № 4. С. 138–147.
9. Волкова Н. А., Королева Л. Л. Инновационный подход к сделкам с недвижимостью с применением цифровых технологий // Вестник МГСУ. 2022. Т. 17, № 7. С. 954–963.
10. Гусаим И. В. Мошенничество при сделках по распоряжению недвижимым имуществом с использованием электронно-цифровой подписи // Вестник Академии права и управления. 2023. № 2 (72). С. 193–197.
11. Должикова А. В., Макарова Д. С. Основные вопросы цифровизации в юридической среде: заключение сделок в цифровой среде // Молодые ученые России: сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза: Наука и Пропаганда (ИП Гуляев Г. Ю.), 2021. Ч. 2. С. 181–184.
12. Электронная форма сделки и цифровые права / Р. А. Курбанов, А. С. Никулин, А. В. Гурко [и др.]. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2023. 143 с.
13. Разумков Д. А. Регулирование цифровых прав и электронных сделок // Наука XXI века: вызовы, становление, развитие: сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука» (ИП Ивановская И. И.), 2023. С. 100–104.
14. Рузиназаров Ш. Н., Ачилова Л. И. Электронные сделки и проблемы их применения в условиях цифрового гражданского оборота // Развитие общества и науки в условиях цифровой экономики, Петрозаводск. МЦНП «Новая наука», 2020. С. 4–25.
15. Лобачев Л. Л., Куцаков Ф. В. Цифровая регистрация сделок с недвижимостью // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 11 (63). С. 297–301.
16. Сморчкова Л. Н. Цифровые технологии при осуществлении государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Право цифровой среды / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. С. 539–545.
17. Уханов И. С. Применение цифровых технологий при регистрации сделок с недвижимостью // Гражданские правоотношения в цифровой среде: вопросы теории и практики: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2022. С. 106–110.
18. Белая О. В. Цифровой нотариат: новые тренды в установлении личности участников сделок // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы Международной научно-практической конференции / Калининградский филиал С.-Петербург. ун-та МВД России. Калининград, 2020. С. 20–21.
19. Курова Н. Н. Проверка юридического статуса контрагента по сделке в эпоху цифровых технологий // Седьмые юридические чтения: государство и право в эпоху информатизации: Всероссийская научно-практическая конференция. Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т им. Питирима Сорокина, 2020. С. 65–70.
20. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0 / A. O. Inshakova, E. E. Frolova, E. P. Rusakova, S. I. Kovalev // Journal of Intellectual Capital. 2020. Vol. 21 (4). P. 601–622.

21. Архипов А. Р. Государственная регистрация права собственности посредством ЭЦП (Электронной цифровой подписи) // Трансформация национальной социально-экономической системы России: материалы II Международной научно-практической конференции. М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2020. С. 20–23.
22. Балтутите И. В. Правовое регулирование оборота недвижимого имущества в условиях цифровизации российской экономики // Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 1. С. 86–93.

References

1. Gajvoronskaya Ya. V., Miroshnichenko O. I. Pravovye problemy cifrovizacii: teoretiko-pravovoij aspekt [Legal problems of digitalization: theoretical and legal aspect]. *Pravovaya paradigma = Legal paradigm*, 2019, no. 18 (4), pp. 27–34.
2. Litvin I. I. Sistemnyj harakter preobrazovaniya gosudarstva i prava v processe cifrovizacii [The systemic nature of the transformation of state and law in the process of digitalization]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2 (38), pp. 103–108.
3. Gereev V. A., Kusaeva A. R. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie sdelok, sovershaemyh v elektronnom vide, v usloviyah cifrovoj ekonomiki [Civil law regulation of transactions made in electronic form in the digital economy]. *Teoriya i praktika razvitiya predprinimatel'stva: sovremennye konцепции, cifrovye tekhnologii i effektivnaya Sistema. Materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Theory and practice of entrepreneurship development: modern concepts, digital technologies and an effective system. Proceedings of the VI International Scientific Congress]; ed. by A. V. Sharkova, O. N. Vasil'eva, B. Otorova. Moscow, Dashkov i K Publ., 2018, pp. 281–282.
4. Zelenskaya M. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie sdelok, sovershaemyh v elektronnom vide v usloviyah cifrovoj ekonomiki [Civil law regulation of transactions made electronically in the digital economy]. *Cifrovizaciya kak novaya paradigma razvitiya. Sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Digitalization as a new paradigm of development. Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference]. Petrozavodsk, Novaya paradigma (IP Ivanovskaya I. I.), 2022, pp. 115–120.
5. Konovalova T. A. Cifrovye sdelki: sovremennoe pravovoe regulirovanie i primenie [Digital transactions: modern legal regulation and application]. *Internet-mobil'naya ekonomika. Sbornik nauchnyh statej nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov, aspirantov, magistrantov i studentov* [Internet-mobile economy. Collection of scientific articles by scientific and pedagogical workers, graduate students, undergraduates and students]. Moscow, Ippolitov Publ., 2022, pp. 13–18.
6. Kosheleva M. M., Polkova A. R. Pravovye osobennosti primeneniya cifrovyh tekhnologij pri zaklyuchenii sdelki kupli-prodazhi nedvizhimosti [Legal features of the use of digital technologies when concluding a real estate purchase and sale transaction]. *Mendeleev. New Generation. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh* [Mendeleev. New Generation. Collection of materials of the scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists]. Kirov, Mezhregional'nyj centr inovacionnyh tekhnologij v obrazovanii, 2020, pp. 176–178.
7. Vasilevskaya L. Yu. Elektronnaya forma sdelok v usloviyah razvitiya cifrovyh tekhnologij: problemy opredeleniya i tolkovaniya [Electronic form of transactions in the context of the development of digital technologies: problems of definition and interpretation]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2019, no. 9 (512), pp. 15–30.

8. Vronskaya M. V. Transformaciya formy sdelki v usloviyah cifrovyh tekhnologij: aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya [Transformation of the transaction form in the digital environment: current problems and development prospects]. *Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa = The territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 138–147.
9. Volkova N. A., Koroleva L. L. Innovacionnyj podhod k sdelkam s nedvizhimost'yu s primeneniem cifrovyh tekhnologij [Innovative approach to real estate transactions with the use of digital technologies]. *Vestnik MGSU = Vestnik MGSU*, 2022, vol. 17, no. 7, pp. 954–963.
10. Gusaim I. V. Moshennichestvo pri sdelkah po rasporyazheniyu nedvizhimym imushchestvom s ispol'zovaniem elektronno-cifrovoj podpisi [Fraud in transactions involving the disposal of real estate using an electronic digital signature]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin of the Academy of Law and Management*, 2023, no. 2 (72), pp. 193–197.
11. Dolzhikova A. V., Makarova D. S. Osnovnye voprosy cifrovizacii v yuridicheskoy srede: zaklyuchenie sdelok v cifrovoj srede [The main issues of digitalization in the legal environment: making deals in the digital environment]. *Molodye uchenye Rossii. Sbornik statej VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Young Scientists of Russia. Collection of articles of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference]. Penza, Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.), 2021, pt. 2, pp. 181–184.
12. Kurbanov R. A., Nikulin A. S., Gurko A. V., eds. Elektronnaya forma sdelki i cifrovye prava [Electronic form of the transaction and digital rights]. Moscow, REU im. G. V. Plekhanova Publ., 2023. 143 p.
13. Razumkov D. A. Regulirovanie cifrovyh prav i elektronnyh sdelok [Regulation of digital rights and electronic transactions]. *Nauka XXI veka: vyzovy, stanovlenie, razvitiye. Sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Science of the XXI century: challenges, formation, development. Collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference]. Petrozavodsk MCNP "Novaya nauka" (IP Ivanovskaya I. I.), 2023, pp. 100–104.
14. Ruzinazarov Sh. N., Achilova L. I. Elektronnyye sdelki i problemy ih primeneniya v usloviyah cifrovogo grazhdanskogo oborota [Electronic transactions and problems of their application in the conditions of digital civil turnover]. *Razvitie obshchestva i nauki v usloviyah cifrovoj ekonomiki* [Development of society and science in the digital economy]. Petrozavodsk, MCNP "Novaya nauka" (IP Ivanovskaya I. I.), 2020, pp. 4–25.
15. Lobachev L. L., Kucakov F. V. Cifrovaya registraciya sdelok s nedvizhimost'yu [Digital registration of real estate transactions]. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki = Skif. Questions of student science*, 2021, no. 11 (63), pp. 297–301.
16. Smorchkova L. N. Cifrovye tekhnologii pri osushchestvlenii gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim [Digital technologies in the implementation of state registration of rights to real estate and transactions with it]. *Pravo cifrovoj sredy* [The right of the digital environment]; ed. by T. P. Podshivalov, E. V. Titova, E. A. Gromova. Moscow, Prospekt Publ., 2022, pp. 539–545.
17. Uhanov I. S. Primenenie cifrovyh tekhnologij pri registraciiji sdelok s nedvizhimost'yu [The use of digital technologies in the registration of real estate transactions]. *Grazhdanskie pravootnosheniya v cifrovoj srede: voprosy teorii i praktiki. Sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Civil legal relations in the digital environment: issues of theory and practice. Collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, S.-Peterb. un-t MVD Rossii Publ., 2022, pp. 106–110.

18. Belya O. V. Cifrovoj notariat: novye trendy v ustanovlenii lichnosti uchastnikov sdelok [Digital notary: new trends in the identification of participants in transactions]. VIII Baltijskij yuridicheskij forum "Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii". Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [VIII Baltic Legal Forum "Law and Order in the third Millennium". Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Kaliningrad, Kaliningradskij filial Sankt-Peterburgskogo Univ. MVD Rossii Publ., 2020, pp. 20–21.
19. Kurova N. N. Proverka yuridicheskogo statusa kontragenta po sdelke v epohu cifrovych tekhnologij [Verification of the legal status of the counterparty to the transaction in the digital age]. *Sed'mye yuridicheskie chteniya: gosudarstvo i pravo v epohu informatizacii. Vse-rossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* [Seventh Legal readings: State and Law in the Era of Informatization: All-Russian Scientific and Practical Conference]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin, Syktyvkar St. Univ. Publ., 2020, pp. 65–70.
20. Inshakova A. O., Frolova E. E., Rusakova E. P., Kovalev S. I. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0. *Journal of Intellectual Capital*, 2020, vol. 21 (4), pp. 601–622.
21. Arhipov A. R. Gosudarstvennaya registraciya prava sobstvennosti posredstvom ECP (Elektronnoj cifrovoj podpisi) [State registration of property rights by means of EDS (Electronic digital signature)]. *Transformaciya nacional'noj social'no-ekonomicheskoy sistemy Rossii. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Transformation of the national socio-economic system of Russia. Materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Russian St. Univ. of Justice Publ., 2020, pp. 20–23.
22. Baltutite I. V. Pravovoe regulirovanie oborota nedvizhimogo imushchestva v usloviyah cifrovizacii rossijskoj ekonomiki [Pravovoe regulirovanie oborota nedvizhimogo imushchestva v usloviyah cifrovizacii rossijskoj ekonomiki]. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 86–93.

Информация об авторе / Information about the Author

Аман Арман, аспирант, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация,
e-mail: arman.aman@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-5515-6262

Aman Arman, Post-Graduate Student, Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation,
e-mail: arman.aman@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-5515-6262

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.65

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-54-64>**Формирование концепции наследования аккаунтов (учетных записей) в социальных сетях в Российской Федерации****А. А. Базаров¹**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

e-mail: xoocki@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях активной информатизации и цифровизации увеличивается количество действующих информационных систем, применяемых пользователем для удовлетворения различных культурных и (или) экономических потребностей, возрастает ценность аккаунтов, технологического решения, позволяющего накапливать информацию и данные в определенной информационной системе. Автором рассматривается проблематика возможности наследования аккаунтов в информационных системах, способах их решений. Предлагается концепция рассмотрения аккаунта в качестве цифрового актива – нового объекта гражданско-правового оборота, объекта наследования.

Целью работы является разработка концепции наследования аккаунтов (учетных записей) в социальных сетях в Российской Федерации, определения их правовой природы.

Задачи: проанализировать действующее законодательство и судебную практику Российской Федерации в области правового регулирования аккаунтов (учетных записей), их наследования, исследовать доктрину частного права и сформировать концепцию наследования аккаунтов (учетных записей) в социальных сетях в Российской Федерации.

Методология. В данной работе использовались такие методы научного исследования, как: логический, сравнительно-правовой, формально-юридический, а также некоторые другие.

Результаты. Определено отсутствие нормативно-правовой базы, раскрывающей правовую природу аккаунтов (учетных записей), их место в системе объектов гражданского оборота. Определена экономическая значимость аккаунта (учетной записи) для конкретного пользователя социальной сети и (или) его наследников. Обозначена правовая проблема наследования аккаунтов (учетных записей).

Выводы. Проведенное исследование дает основание для однозначного вывода об отсутствии необходимых правовых механизмов наследования аккаунтов (учетных записей), отсутствии нормативного определения правовой сущности указанного явления. Обоснована необходимость осуществления правовой модернизации гражданского законодательства в условиях актуализации проблемы наследования аккаунтов.

Ключевые слова: данные; аккаунт; учётная запись; наследование; правообладатель; результат интеллектуальной деятельности; цифровой актив.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Базаров А. А. Формирование концепции наследования аккаунтов (учетных записей) в социальных сетях в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 54–64. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-54-64>.

Поступила в редакцию 17.08.2023

Принята к публикации 18.09.2023

Опубликована 30.10.2023

Formation of the Concept of Inheritance of Accounts (Accounts) in Social Networks in the Russian Federation

Andrej A. Bazarov¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: xoocki@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the conditions of active informatization and digitalization, the number of operating information systems used by the user to meet various cultural and (or) economic needs increases, the value of accounts, a technological solution that allows accumulating information and data in a certain information system increases. The author considers the problems of the possibility of inheritance of accounts in information systems, methods of their solutions. The concept of considering an account as a digital asset is proposed – a new object of civil turnover, an object of inheritance.

The purpose of the work is to develop the concept of inheritance of accounts (accounts) in social networks in the Russian Federation, to determine their legal nature.

Objectives: to analyze the current legislation and judicial practice of the Russian Federation in the field of legal regulation of accounts (accounts), their inheritance, to investigate the doctrine of private law and to form the concept of inheritance of accounts (accounts) in social networks in the Russian Federation.

Methodology. In the process of working on the research, general scientific research methods and methods inherent in modern private law science were used. We are talking about the use of methods of analysis and synthesis of information, data interpretation. The analysis of the current legislation in the field of commercial turnover of information is made.

Results. The absence of a regulatory framework revealing the legal nature of accounts (accounts), their place in the system of objects of civil turnover is determined. The economic significance of the account (account) has been determined for a specific user of the social network and (or) his heirs. The legal problem of inheritance of accounts (accounts) is indicated.

Conclusion. The conducted research provides the basis for an unambiguous conclusion about the absence of the necessary legal mechanisms for the inheritance of accounts (accounts), the absence of a normative definition of the legal essence of this phenomenon. The necessity of implementing the legal modernization of civil legislation in the context of the actualization of the problem of account inheritance is substantiated.

Keywords: data; account; account; inheritance; copyright holder; result of intellectual activity; digital asset.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bazarov A. A. Formation of the Concept of Inheritance of Accounts (Accounts) in Social Networks in the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 54–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-54-64>

Received 17.08.2023

Accepted 18.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Результатом происходящих процессов информатизации и цифровизации общества и государства является появление всё большего числа информационных систем различного отраслевого и целевого назначения, применяемых лицами для

удовлетворения собственных потребностей.

Информационные системы как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств (п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ

«Об информации, информационных технологиях и о защите информации», далее – ФЗ «Об информации») представляют одну из движущих сил развития нового экономического направления – цифровой экономики, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг (подп. «р» п. 4. ч. I Указа Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»).

Для удобного накопления, пользования, распространения данных и информации в информационных системах (социальных сетях, стриминговых сервисах, блогах, форумах, порталах и многих других) широко распространено применение технологии учетных записей (аккаунтов), позволяющих закреплять полученные и распространяемые данные и информацию за конкретным лицом. Аккаунты являются основополагающим инструментом, обеспечивающим взаимодействия лица с информационной системой, и в случае его отсутствия пользователь не всегда обладает возможностью продолжать пользоваться информационной системой. Например, социальная сеть Instagram¹ не позволяет свободно взаимодействовать с информационной системой до тех пор, пока пользователь не пройдет процедуру регистрации аккаунта (авторизации), аналогичный подход можно встретить в «ВКонтакте», Facebook и многих других.

Методология

В настоящей статье использовались общенаучные методы исследования ана-

¹ Признана в России экстремистской организацией 21.03.2022 г.

лиза и синтеза. Проанализированы результаты, размещенные в научных статьях исследователей постиндустриальной эпохи развития общества, а именно вопросов наследования аккаунтов (учетных записей). Использован метод правового анализа в целях оценки уровня законодательства и правоприменительной практики.

Результаты и их обсуждение

Развитие современных технологий позволяет создавать и реализовывать результаты интеллектуальной деятельности или иную информацию и данные, применивая информационные системы для их коммерческого распространения, формировать аудиторию, клиентскую базу. Таким образом, информационные системы становятся площадками для реализации лицами собственных коммерческих интересов путем распространения данных, информации, результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), и не ограничиваются использованием информационных систем, в частности социальных сетей, исключительно для коммуникации с другими лицами. Следовательно, аккаунты являются в настоящий момент не только инструментом получения доступа к информационной системе для удовлетворения информационных и культурных потребностей, но и средством накопления данных, информации, РИД, представляющих коммерческий интерес для их владельца.

Стоит сразу акцентировать внимание на том, что аккаунт и учетная запись являются тождественными понятиями, исходя из сложившейся практики делового оборота в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в связи с чем дополнительная правовая конкретизация каждого из понятий не требуется ни со стороны законодателя, ни со стороны доктрины частного права.

Современное гражданское законодательство не имеет чёткого правового определения понятия «аккаунт» или «учетная запись», не устанавливается

возможность рассмотрения указанной сущности в качестве объекта права (в ст. 128 ГК РФ не содержится упоминания аккаунта).

Ясного ответа правовой природы аккаунта как объекта правоотношений и объекта наследования не удается обнаружить и в судебной практике. На основании нескольких судебных решений можно обнаружить диаметрально противоположные точки зрения:

1) аккаунт (учетная запись) приравнен к имуществу лица (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 № 13АП-30540/2017 по делу № А21-6695/2017);

2) аккаунт (учетная запись) – результат интеллектуальной деятельности человека (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2019 № 07АП-5465/2019 по делу № А27-29639/2018).

Дополнительно возникают вопросы при попытке рассмотрения аккаунта в качестве самостоятельного единого объекта гражданских правоотношений в процессе анализа судебной практики по наследованию доменных имён, которые рассматриваются в судебных актах отдельно от аккаунта, за которым они закреплены. Например:

1) за гражданином признаны права собственности на доменное имя, в порядке наследования после смерти наследодателя (об аккаунте отсутствуют упоминания) (Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.11.2019 по делу № 88-210/2019);

2) правовое обоснование невозможности признания доменного имени в качестве имущества или имущественных прав, в отрыве от анализа технической взаимосвязи доменного имени и учетной записи (Апелляционное определение Московского городского суда от 02.03.2020 по делу № 33-9821/2020).

Таким образом, текущая правоприменительная практика не только не даёт ответа на вопрос правовой квалификации

природы аккаунта в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, но, наоборот, предлагает взаимопротиворечие выводы, а в некоторых случаях и вовсе рассматривает отдельные составные элементы аккаунта в отрыве от неё в качестве самостоятельных объектов гражданских правоотношений.

Проблематика вопроса наследования аккаунта формируется в результате наличия нескольких факторов: 1) отсутствует ясное понимание правовой природы аккаунта, как наследовать такой специфический объект правоотношений; 2) малочисленная и противоречивая судебная практика по вопросу наследования аккаунта; 3) отсутствие прямых указаний о возможности наследования аккаунта в лицензионных договорах, заключаемых пользователем и правообладателем информационной системы.

В «политике конфиденциальности» многих электронных площадок ничего не сказано о возможности передачи аккаунтов кому-то в случае смерти пользователя. Так, об этом не говорит «Яндекс». Почтовый ящик «Яндекс. Почта» просто удаляется, если никто не пользовался им более 24 месяцев¹. Аккаунт Mail.ru может автоматически исчезнуть, если им не пользовались шесть месяцев². Социальная сеть «ВКонтакте» прямо указывает, что доступ к аккаунту умерших не предоставляется, наследники могут лишь изъять аккаунт или закрыть профиль от внешнего воздействия со стороны других пользователей. Аналогичные правовые положения содержались и в лицензионном соглашении компании Apple³, Google передаёт данные учетной записи умершего

¹ Ваш Яндекс ID. URL: <https://yandex.ru/support/passport/> (дата обращения: 28.07.2023).

² Пользовательское соглашение сервисов Mail.ru. URL: <https://help.mail.ru/legal/terms/common/ua> (дата обращения: 28.07.2023).

³ Legal – iCloud – Apple. URL: <https://www.apple.com/legal/internet-services/icloud/ru/terms.html> (дата обращения: 28.07.2023).

го пользователя только после предоставления решения суда Соединённых Штатов Америки¹, Facebook², а вместе с ним и Instagram предоставляют возможность назначения хранителя аккаунта, но не наследника³.

Вопросы предоставления правовых механизмов защиты коммерческих интересов владельца аккаунтов являются в настоящий момент в научной сфере дискуссионными, в особенности возможность наследования аккаунтов, что можно заметить исходя из множества работ ученых: Р. Э. Де Роза [1], С. И. Суслова [2], Л. Ю. Мхитарян [3] Т. С. Яценко [4], И. А. Корючина [5] и др. Некоторые авторы и вовсе отрицают необходимость предоставления правовых гарантий владельцам аккаунтов в информационных системах, например, А. В. Гапанович утверждает, что аккаунт не представляет собой юридическую ценность, а «виртуальное имущество» на таких аккаунтах может рассматриваться в качестве иного имущества и включаться в наследственную массу [4, с. 40-43].

Как справедливо отмечается В. В. Богдан, исходной проблемой цивилистического характера является определение правовой природы аккаунта (персональной страницы пользователя), в котором аккумулируется вся информация (контент), представляющая собой коммерческий/некоммерческий интерес для пользователя [7].

В доктрине выработано несколько подходов к определению того, что подразумевается под словом аккаунт (учетная запись):

¹ Запрос на доступ к аккаунту умершего пользователя. URL: <https://support.google.com/accounts/troubleshooter/6357590?hl=ru#ts=6357650> (дата обращения: 28.07.2023).

² Признана в России экстремистской организацией 21.03.2022 г.

³ Кто такой хранитель и что он может делать с моим аккаунтом Facebook? URL: <https://www.facebook.com/help/1568013990080948> (дата обращения: 28.07.2023).

1) личная информация, хранящаяся в компьютерной системе, о пользователе, находящаяся под контролем этого пользователя, включая имя пользователя, пароль, права доступа, личные файлы, находящиеся в системе в публичном или частном доступе, и настройки [8];

2) Т. В. Ярошенко [9] и О. Г. Лазаренко [10] предлагают схожие по отношению к друг другу правовые позиции рассмотрения аккаунта в качестве нового объекта гражданского оборота: цифровым активом или цифровой учетной записью соответственно;

3) Е. С. Гринь в большинстве случаев предлагает рассматривать аккаунт в качестве интернет-сайта, поскольку, по сути, на страничке аккаунта есть подбор и расположение различных результатов творческого труда и, как правило, однородных, которые образуют единое произведение [11];

4) наиболее широкое рассмотрение правовой природы аккаунта (учетная запись) обнаруживается в работе М. М. Панариной [12], что указанное понятие имеет смешанную природу по следующим причинам:

а) учетная запись является средством технического подтверждения и средством получения доступа;

б) учетная запись – это уникальный идентификатор пользователя, зарегистрированного в информационной системе;

в) учетная запись – совокупность материалов, база данных, закрепленная за определенным идентификатором;

г) учетная запись – это совокупность прав и обязанностей, зафиксированных за конкретным пользователем.

Существуют и иные идеи касательно правовой квалификации аккаунта (учетной записи) в качестве объекта гражданских правоотношений, в свою очередь, такие многочисленные дискуссионные предложения отражают самую главную особенность аккаунтов: указанное явление сочетает в себе не только права до-

ступа к информационной системе, права и обязанности её пользователя, но и иные объекты гражданских правоотношений, например: результаты интеллектуальной деятельности, которые принадлежат как самому владельцу аккаунта, так и третьим лицам; информация; персональные данные; данные.

С правовой точки зрения аккаунт представляет сложную структуру из следующих взаимосвязанных элементов:

1) права пользователя учетной записи на её применение в конкретной информационной системе и обязательства правообладателя информационной системы предоставлять техническую возможность реализации вышеуказанных прав, вытекающих из лицензионного договора, заключенного в момент регистрации пользователя в информационной системе;

2) иные права и обязанности пользователя и правообладателя информационной системы, вытекающие из лицензионного договора, касающиеся правил взаимодействия и работы с информационной системой;

3) исключительные и иные права пользователя на результаты интеллектуальной деятельности, информацию и данные, закрепленные за указанной учетной записью.

Такая сложная и комплексная структура элементов лишь подчеркивает важность рассмотрения и восприятия аккаунта (учетной записи) в качестве единого объекта гражданского оборота, а следовательно, и единого объекта наследования. Дополнительно это подчеркивает невозможность применения научных выводов о том, что аккаунт не имеет юридической ценности, а его «виртуальное имущество» можно рассматривать отдельно в качестве объектов наследования. Необходимость рассмотрения аккаунта в качестве единого, самостоятельного объекта также исходит из следующего:

1) в случае если аккаунт был максимально персонифицирован, т. е. деятель-

ность и материалы были тесно связаны с определенной личностью, например текстовый, аудио, видеоблог, изъятие материалов из такого аккаунта и размещение их в другом не просто снижает стоимостную характеристику первоначального аккаунта, но и разрывает персонифицированную взаимосвязь материалов;

2) даже при наличии возможности перемещения результатов интеллектуальной деятельности, информации и данных из одного аккаунта в другой в процессе наследования аккаунт как техническое явление также имеет свои особые характеристики:

а) уникальный идентификатор (логин, никнейм), имеющий определенный уровень узнаваемости в информационной системе;

б) количественные характеристики аккаунта (просмотры, подписчики, лайки и др.), отражающие частоту взаимодействия иных пользователей с конкретным аккаунтом информационной системы;

в) качественные характеристики аккаунта (дополнительные права и (или) обязанности, дополнительные технические возможности, предоставленные правообладателем информационной системы конкретному аккаунту пользователя, например, возможность осуществления модерации материалов в информационной системе и др.).

В связи с этим очень трудно проводить аналогии между аккаунтом и существующими объектами гражданского-правового оборота, которые обладали бы схожей структурой.

Наиболее близкой по своей сути к аккаунту является база данных как совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ) (ст. 1260 ГК РФ). Однако, исходя из нормативно-правового смысла, зало-

женного в данной правовой норме, основным и единственным элементом базы данных может быть исключительно информация и (или) данные, обладающие определенным информационным наполнением [13], в том числе результаты интеллектуальной деятельности, но не отдельные права, обязанности в информационных системах, иные характеристики аккаунта.

Аналогично достаточно близким, но спорным решением является рассмотрение аккаунта в качестве сложного объекта (ст. 1240 ГК РФ), т. к. в составе аккаунта могут содержаться данные (слова, словосочетания, цифры, символы), которые по своей природе не являются результатом интеллектуальной деятельности ни фактически, ни с правовой точки зрения; в том числе права доступа к самому аккаунту не могут в таком случае быть включены в состав такого сложного объекта.

Невозможно рассматривать аккаунт и в качестве сайта, как это предлагает Е. С. Гринь [11], т. к. основные критерии отнесения конкретных страниц в информационно-телекоммуникационных сетях к интернет-сайту определены в самом определении сайта в сети Интернет, закрепленном п. 13 ч. 2 ФЗ «Об информации»: сайт в сети Интернет – совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – сеть Интернет) по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети Интернет. Аккаунт не является самостоятельным элементом сети «Интернет», доступ к которому обеспечивается посредством доменных имен и (или) сетевым адресам, т. к. аккаунт является составным элементом самого интернет-сайта, его про-

граммного обеспечения, информационной системы, он не является совокупностью программ для электронных вычислительных машин, не может рассматриваться только в качестве информации, содержащейся в информационной системе. Исходя из чего следует, что правовая квалификация аккаунта лежит в совсем иной плоскости.

Развивая идеи Т. В. Ярошенко [9] и О. Г. Лазаренко [10], рассматривая аккаунт в качестве нового, самостоятельного объекта гражданских прав, возможно, стоит и вовсе рассматривать аккаунт в качестве цифрового актива, о чем в том числе и заявляет Федеральная нотариальная палата Российской Федерации¹. Аналогичную точку зрения высказывает Е. Е. Кирсанова отмечая, что аккаунт требует самостоятельного регулирования в качестве «цифрового имущества или актива» [14], в качестве одного из видов цифровых активов онлайн-аккаунт упоминается Т. В. Ярошенко [9], Е. А. Кирилловой [15] и другими авторами.

Исследованием проблематики цифровых активов, определением их правовой природы занимаются такие авторы, как Л. Ю. Василевская [16], Е. Е. Кирсанова [14], А. М. Лаптева [17], О. В. Машевская [18], А. А. Навальный [19] и др. В настоящий момент в цивилистической доктрине можно обнаружить следующие определения цифрового актива:

1) цифровой актив – это виртуальный объект гражданского оборота, обладающий реальной финансовой стоимостью и обращающийся в распределенном реестре в виде уникального идентификатора [9];

2) цифровой актив – это код, созданный с помощью криптографии, который

¹ Порядок наследования цифровых активов: мнение экспертов нотариата. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/poryadok-nasledovaniya-cifrovyyh-aktivov-mnenie-ekspertov-notariata> (дата обращения: 28.07.2023).

может быть воспроизведен только с помощью технических средств, он обладает самостоятельной экономической ценностью не как код, а как удостоверенное им право на определенный объект [9];

3) цифровой актив – разнообразные объекты, имеющие электронную форму и экономическую ценность, которые не обязательно легально включены в число объектов гражданских прав [20].

Как можно заметить, исследователи отмечают несколько единых закономерностей цифрового актива, которые применимы в том числе к аккаунту: 1) цифровой актив виртуален, существует только в технических системах и может быть воспроизведен только с их применением; 2) он обладает собственной экономической ценностью. Дополнительно стоит обратить внимание, что Е. А. Кириллова акцентирует внимание на том, что цифровой актив «обладает экономической ценностью не как код, а как удостоверенное им право на определенный объект» [15], а в нашем случае – удостоверение на совокупность объектов, которые закреплены в аккаунте в той или иной информационной сети. Исходя из чего следует, что аккаунт – это вид цифровых активов, включающий в себя право доступа к информационной системе, в которой зафиксирована совокупность результатов интеллектуальной деятельности, информация, данные самого пользователя и (или) третьих лиц в соответствии с действующими соглашениями пользователя, обладающий самостоятельной экономической ценностью.

Выводы

Исходя из вышеизложенного следует, что в результате информатизации и цифровизации аккаунты (учетные записи) получают свое широкое распространение среди населения в качестве основополагающего инструмента для работы с информационными системами для поиска,

хранения, обработки и распространения информации, данных, распространения и (или) приобретения результатов интеллектуальной деятельности. Таким образом, аккаунт приобретает огромное по своему объему наполнение из различных вышеописанных структурных элементов, в том числе включая права и обязанности пользователя информационной системы, права доступа к такой системе в целом. Дальнейшая защита, в том числе передача аккаунта по наследству, представляет определенную правовую трудность, сформировавшуюся в связи со сложной структурой аккаунта как объекта правоотношений, который не имеет в настоящий момент аналогий с существующими объектами гражданских прав. Дополнительно ситуация усугубляется лицензионными договорами, на основании которых не ясно, может ли аккаунт передаваться по наследству или нет, а некоторые договоры и вовсе ограничивают выполнение подобной процедуры.

Судебная практика по-разному рассматривает правовую природу аккаунта, по-разному воспринимает важность наличия аккаунта в процессе наследования, рассматривает содержание аккаунта в качестве самостоятельных объектов правоотношений. В связи с чем необходимо закрепление единого, систематизированного подхода к определению аккаунта в качестве одного из видов цифровых активов, включающего в себя право доступа к информационной системе, в которой зафиксирована совокупность результатов интеллектуальной деятельности, информация, данные самого пользователя и (или) третьих лиц в соответствии с действующими соглашениями пользователя, обладающий самостоятельной экономической ценностью. Именно такой подход к реформированию гражданского законодательства позволит нивелировать отрицательное воздействие от вышеописанных правовых проблем.

Список литературы

1. Де Роза Р. Э. Что станет с моим «цифровым наследием», когда я умру? // Право и цифровая экономика. 2022. № 1. С. 30–40; № 2. С. 16–26.
2. Суслова С. И. Непоименованность в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 322–347.
3. Мхитарян Л. Ю. Развитие института наследования в России: к вопросу о необходимости включения цифровых активов в наследственную массу // Пермский юридический альманах. 2019. № 1. С. 283–289.
4. Яценко Т. С. Наследственное право в цифровую эпоху: вызовы и тенденции развития // Наследственное право. 2020. № 2. С. 7–10.
5. Корючина И. А. Наследственная трансмиссия: проблемы правового регулирования // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 3. С. 253–266.
6. Гапанович А. В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. 2020. № 2. С. 40–43.
7. Богдан В. В. Право социальных сетей (частноправовой аспект) // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 133–147.
8. Правиков А. WM Keeper Mini: электронный бумажник, доступный каждому // Наука и жизнь. 2009. № 8. С. 102–103.
9. Ярошенко Т. В. Гражданско-правовая характеристика цифровых активов: актуальные вопросы // Нотариус. 2022. № 8. С. 23–26.
10. Лазаренкова О. Г. К вопросу о цифровых правах, а также цифровой учетной записи в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2019. № 3. С. 24–27.
11. Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 128–134.
12. Панарина М. М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. 2018. № 3. С. 29–30.
13. Базаров А. А. Правовая природа данных и информации в контексте понятия «самостоятельные материалы» // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 5 (150). С. 56–64.
14. Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. С. 44–48.
15. Кириллова Е. А. Основные проблемы наследования цифровых активов // Наследственное право. 2020. № 2. С. 37–39.
16. Васильевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 18–21
17. Лаптева А. М. Правовой режим токенов // Гражданское право. 2019. № 2. С. 15–17.
18. Машевская О. В. Цифровые технологии как основа цифровой трансформации современного общества // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 37–44.
19. Навальный А. А., Алексеева Е. В. Понятие и виды цифровых активов // Новый юридический вестник. 2021. № 4(28). С. 10–12.
20. Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.py. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 28.07.2023).

References

1. De Roza R. E. Chto stanet s moim «cifrovym naslediem», kogda ya umru? [What will become of my "digital legacy" when I die?]. *Pravo i cifrovaya ekonomika = Law and Digital Economy*, 2022, no. 1, pp. 30–40; no. 2, pp. 16–26.
2. Suslova S. I. Nepoimenovannost' v grazhdanskem prave [Non-naming in civil law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Perm University. Legal sciences*, 2020, no. 2, pp. 322–347.
3. Mhitaryan L. Yu. Razvitiye instituta nasledovaniya v Rossii: k voprosu o neobhodimosti vklucheniya cifrovyh aktivov v nasledstvennyu massu [Development of the institute of inheritance in Russia: on the need to include digital assets in the inheritance mass]. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac*, 2019, no. 1, pp. 283–289.
4. Yacenko T. S. Nasledstvennoe pravo v cifrovyyu epohu: vyzovy i tendencii razvitiya [Inheritance law in the digital age: challenges and development trends]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2020, no. 2, pp. 7–10.
5. Koryuchina I. A. Nasledstvennaya transmissiya: problemy pravovogo regulirovaniya [Hereditary transmission: problems of legal regulation]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*, 2022, no. 3, pp. 253–266.
6. Gapanovich A. V. K voprosu o nasledovanii virtual'nogo imushchestva v social'nyh setyah [On the issue of inheritance of virtual property in social networks]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*, 2020, no. 2, pp. 40–43.
7. Bogdan V. V. Pravo social'nyh setej (chastnopravovoj aspekt) [The law of social networks (private law aspect)]. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac*, 2022, no. 5, pp. 133–147.
8. Pravikov A. WM Keeper Mini: elektronnyj bumazhnik, dostupnyj kazhdomu [WM Keeper Mini: an electronic wallet accessible to everyone]. *Nauka i zhizn' = Science and Life*, 2009, no. 8, pp. 102–103.
9. Yaroshenko T. V. Grazhdansko-pravovaya harakteristika cifrovyh aktivov: aktual'nye voprosy [Civil and legal characteristics of digital assets: current issues]. *Notarius = Notary*, 2022, no. 8, pp. 23–26.
10. Lazarenkova O. G. K voprosu o cifrovyh pravah, a takzhe cifrovoj uchetnoj zapisi v nasledstvennyh pravootnosheniyah [On the issue of digital rights, as well as a digital account in hereditary legal relations]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2019, no. 3, pp. 24–27.
11. Grin' E. S. Nasledovanie akkauntov v social'nyh setyah: rossijskij i zarubezhnyj opyt [Inheritance of accounts in social networks: Russian and foreign experience]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2022, no. 2, pp. 128–134.
12. Panarina M. M. Nasledovanie akkaunta v social'nyh setyah i voprosy cifrovogo nasledovaniya: pravovoe issledovanie [Inheritance of an account in social networks and issues of digital inheritance: legal research]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*, 2018, no. 3, pp. 29–30.
13. Bazarov A. A. Pravovaya priroda dannyh i informacii v kontekste ponyatiya "samostoyatel'nye materialy" [The legal nature of data and information in the context of the concept of "independent materials"]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2023, vol. 18, no. 5 (150), pp. 56–64.
14. Kirsanova E. E. Aktaunt kak ob'ekt grazhdanskikh prav [Account as an object of civil rights]. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki = Bulletin of Arbitration practice*, 2020, no. 2, pp. 44–48.
15. Kirillova E. A. Osnovnye problemy nasledovaniya cifrovyh aktivov [The main problems of inheritance of digital assets]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*, 2020, no. 2, pp. 37–39.
16. Vasilevskaya L. Yu. Token kak novyj ob'ekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikacii cifrovogo prava [Token as a new object of civil rights: problems of legal

qualification of digital law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2019, no. 5, pp. 18–21

17. Lapteva A. M. Pravovoj rezhim tokenov [Legal regime of tokens]. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, 2019, no. 2, pp. 15–17.

18. Mashevskaya O. V. Cifrovye tekhnologii kak osnova cifrovoj transformacii sovremennoj obshchestva [Digital technologies as the basis of digital transformation of modern society]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnyh nauk = Bulletin of the Polessky State University. Social Sciences and Humanities Series*, 2020, no. 1, pp. 37–44.

19. Naval'nyj A. A., Alekseeva E. V. Ponyatie i vidy cifrovyh aktivov [The concept and types of digital assets]. *Novyj yuridicheskij vestnik = New Legal Bulletin*, 2021, no. 4(28), pp. 10–12.

20. Rozhkova M. A. Cifrovye aktivy i virtual'noe imushchestvo: kak sootnositysya virtual'noe s cifrovym [Digital assets and virtual property: how the virtual correlates with the digital]. *Zakon.ru*, 2018, June 13. Available at: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositysya_virtualnoe_s_cifrovym (accessed 28.07.2023).

Информация об авторе / Information about the Author

Базаров Андрей Андреевич, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: xoocki@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9282-4001

Andrej A. Bazarov, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: xoocki@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9282-4001

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LEGAL SCIENCE

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.59

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-65-74>

Общественная опасность реабилитации нацизма

П. В. Пошелов¹

¹Сибирский юридический университет
ул. Короленко, д. 12, г. Омск 644010, Российская Федерация

✉ e-mail: poshelov@bk.ru

Резюме

Актуальность статьи заключается в том, что преступление, предусмотренное статьей 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, до настоящего времени вызывает вопросы с точки зрения целесообразности криминализации. Динамика количества осужденных за последние два года показывает резкое увеличение по сравнению с предыдущими годами, что свидетельствует об активизации лиц, пропагандирующих нацизм, а также об активизации работы правоохранительных органов. Знание о том, в чем заключается общественная опасность реабилитации нацизма, поможет как законодателю (в части криминализации новых, смежных составов преступлений), так и правопримениителю (в части уяснения правильности применения данной нормы).

Цель статьи – раскрыть вопросы общественной опасности реабилитации нацизма, обозначить важность криминализации данного деяния для сохранения мира, стабильности и справедливости не только в современном российском государстве, но и в мировом сообществе.

Задачи: изучить предпосылки криминализации реабилитации нацизма, провести осмысление механизма причинения вреда общественным отношениям реабилитацией нацизма.

Методология. Основу данного исследования составляет совокупность различных методов познания, включающих в себя как диалектический метод, так и методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты исследования носят как теоретический, так и прикладной характер. Автор рассмотрел вопросы характера и степени общественной опасности реабилитации нацизма, что может быть использовано законодателем при совершенствовании нормы (в части пенализации и депенализации).

Выводы. Обсуждение рассмотренных вопросов позволит обратить внимание законодателя на разработку решений по дальнейшему совершенствованию регламентации преступления, предусмотренного статьей 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: реабилитация нацизма; экстремизм; уголовная ответственность; общественная опасность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Пошелов П. В. Общественная опасность реабилитации нацизма // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 65–74.
<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-65-74>.

Поступила в редакцию 15.08.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Опубликована 30.10.2023

© Пошелов П. В., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(5): 65-74

The Public Danger of the Rehabilitation of Nazism

Pavel V. Poshelev¹

¹Siberian Law University
12, Korolenko Str., Omsk 644010, Russian Federation

 e-mail: poshelev@bk.ru

Abstract

The relevance of the article lies in the fact that the crime provided for in Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation still raises questions from the point of view of the expediency of criminalization. The dynamics of the number of convicts over the past two years shows a sharp increase compared to previous years, which indicates the activation of persons promoting Nazism, as well as the intensification of the work of law enforcement agencies. Knowing what the social danger of the rehabilitation of Nazism is will help both the legislator (in terms of criminalizing new, related crimes) and the law enforcement officer (in terms of clarifying the correctness of the application of this norm).

The purpose of the article is to reveal the issues of the social danger of the rehabilitation of Nazism, to identify the importance of criminalization of this act for the preservation of peace, stability and justice not only in the modern Russian state, but also in the world community.

Objectives: to study the prerequisites for criminalizing the rehabilitation of Nazism, to analyze and comprehend the mechanism of harming public relations by the rehabilitation of Nazism.

Methodology. The basis of this research is a set of various methods of cognition, including both the dialectical method and methods of analysis and synthesis, induction and deduction, formal legal and comparative legal.

The results of the study are both theoretical and applied. The author considered the issues of the nature and degree of social danger of the rehabilitation of Nazism, which can be used by the legislator when improving the norm (in terms of penalization and depenalization).

Conclusions. The discussion of the issues considered will draw the attention of the legislator to the development of solutions for further improvement of the regulation of the crime provided for in Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: rehabilitation of Nazism; extremism; criminal responsibility; public danger.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Poshelev P. V. The Public Danger of the Rehabilitation of Nazism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoryya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 65–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-65-74>

Received 15.08.2023

Accepted 19.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Криминализация преступления, предусмотренного статьей 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), породила дискуссию по поводу целесообразности и обоснованности такого нововведения.

Традиционно одним из критериев криминализации является общественная опасность того или иного деяния, под которой понимается способность его при-

чинять вред либо создавать угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Попробуем в рамках нашего исследования рассмотреть общественную опасность реабилитации нацизма и ответить на вопрос: обоснованно ли законодатель решил криминализировать данное деяние?

Методология

В качестве основного метода исследования выступил диалектический метод.

В ходе решения поставленных задач также использовались методы анализа и синтеза (что позволило, в частности, получить представление о качественном составе экстремистских организаций). Кроме того, использовались формально-юридический метод (в части изучения текста уголовного закона, иных нормативных актов).

Результаты и их обсуждение

Противодействие проявлениям экстремизма в России – одна из важнейших задач в сфере обеспечения национальной безопасности. Одним из этапов ее реализации является принятие Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ, внесшего в УК РФ ст. 354.1 «Реабилитация нацизма», которая призвана предотвратить распространение нацистской идеологии на территории Российской Федерации. Принятие данной статьи породило дискуссии как в общественной среде, так и в научном сообществе. В частности, до сих пор ставится под сомнение целесообразность криминализации и научная обоснованность данной нормы. Некоторыми исследователями ст. 354.1 УК РФ названа первой статьей, предусматривающей ответственность сугубо в идеологической сфере [1, с. 69]. Таким образом, рассмотрение вопросов, касающихся общественной опасности реабилитации нацизма, может внести свой вклад в имеющуюся дискуссию.

Так, в теории есть мнения о том, что общественной опасностью обладают только насилистственные преступления экстремистской направленности. В частности, Ю. А. Королев отмечает следующее: «Ненасильственные проявления экстремизма не обладаюткой степенью и характером общественной опасности, позволяющими признать их преступными действиями. ...Общественно опасными, а значит, и уголовно наказуемыми следует признавать лишь такие действия экстремистской направленности, которые наносят наиболее существенный, значимый

вред основополагающим социальным ценностям. Именно таковыми и являются насилистственные экстремистские деяния» [2, с. 57].

Однако с такой позицией сложно согласиться. Об опасности ненасильственного экстремизма говорится в Указе Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»: «Экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, основных прав и свобод человека и гражданина, подрывает государственную и общественную безопасность, создает реальную угрозу суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации, сохранению основ конституционного строя Российской Федерации, а также межнациональному (межэтническому) и межконфессиональному единению, политической и социальной стабильности». Как видим, в этом документе прямо указано на опасность всех проявлений экстремизма, а не только его отдельных разновидностей (терроризма, насилистенного экстремизма, общественная опасность которых очевидна).

В юридической литературе выделяются несколько мнений относительно того, что именно подтолкнуло законодателя к криминализации реабилитации нацизма:

1) кризис в международных отношениях, повсеместные русофобские настроения и дискредитация Российской Федерации [3, с. 12];

2) современные условия социокультурного кризиса, идеологический вакуум, духовное обеднение и рост числа последователей радикальных насилистических методов самореализации [4, с. 149];

3) ослабление традиционных духовных ценностей в обществе ввиду того, что значимость истории и последствий Великой Отечественной войны для молодого поколения уменьшается по мере отдаления событий во времени [5, с. 159];

4) угроза переоценки места и роли СССР во Второй мировой войне, которые повлекут за собой желание трансформировать созданную в 1945 г. систему международной безопасности [6, с. 129];

5) консолидация неонацистских группировок и случаев фальсификации истории [7, с. 72] на постсоветском пространстве, что отразилось на радикализации настроений внутри российского общества [8, с. 166].

Так или иначе, распространение экстремистской идеологии ведет к понижению уровня доверия граждан к институтам государственной власти, что может привести в ближайшем будущем к катастрофическим последствиям: самосуд, повышение уровня латентной преступности, увеличение количества лиц, навсегда выезжающих из страны, массовые беспорядки и т. д. Это ли не свидетельствует об общественной опасности ненасильственных преступлений экстремистской направленности (включая реабилитацию нацизма)?

На основании анализа списка экстремистских организаций из 95 организаций, признанных экстремистскими на территории РФ, около 40% составляют организации националистической либо прямо национал-социалистической направленности, что, безусловно, составляет значительную долю запрещенных организаций. В этой связи следует согласиться с тем, что тенденции «закрывания глаз» на надлежащее реагирование на появление такого рода группировок «долгое время не только не замечались Российским государством, а, напротив, едва ли не поддерживались его отдельными институтами, особенно теми, которые отвечали за нравственное и идеологическое состояние общества» [9, с. 98]. В настоящее время в целях сохранения государственности Российской Федерации себе такого позволить не может.

С учетом того, что количество таких запрещенных организаций зачастую состоит из как минимум нескольких десят-

ков (а иногда и сотен) человек, общее количество лиц, состоящих в организациях крайней националистической направленности, не может не вызывать опасения. Еще большую озабоченность, и тем более потребность государства в реагировании на такую ситуацию, вызывает социально-демографический состав таких организаций: большинство из участников составляет молодежь, которой, согласно исследованиям в области гуманитарных наук, в большей степени присуща контраверсивность [10, с. 25]. Молодежь, как известно, является «будущим» любого государства. К тому же, как верно отмечают К. В. Шевелева и Н. Е. Честнов, «геополитические противники России в лице специальных служб и организаций отдельных государств, нацистские идеологи и лидеры экстремистских структур ориентируются в своей деятельности преимущественно на молодежь (спортивная и студенческая среда, неформальные объединения националистов и другие) в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, провоцирования на совершение преступлений и правонарушений, дестабилизации внутриполитической и социальной обстановки» [11, с. 60].

В похожем плане высказывается А. Л. Бредихин: «Заинтересованы в фальсификации истории чаще всего лидеры недружественных государств, желающие ослабления позиции России на мировой арене. Воздействие при этом оказывается на нестабильную и наиболее уязвимую в психологическом отношении социальную группу – несовершеннолетних. ...Неправильное восприятие исторических фактов разрушает преемственность поколений, которая всегда была характерна для нашей страны. Сохранение памяти о предках обеспечивает во многом единство общества, способствуя, таким образом, социальной стабильности и устойчивости государства. Невозможно представить развитие какой бы то ни было си-

стемы, если её элементы находятся в разобщённом состоянии» [12, с. 70].

Молодежь достаточно отдалена во времени от трагических событий середины XX в., и может быть восприимчивой к идеям пересмотра итогов Нюрнбергского процесса, осудившего главных военных преступников. В этой связи нельзя не согласиться с Е. И. Скороделовой в том, что «время, прошедшее с момента разгрома фашизма и Международного трибунала, как показывает ситуация сегодняшнего дня, изрядно нивелировало в памяти граждан многих государств, в том числе ставших его жертвами, те уроки, которые должны были быть усвоены навсегда» [13, с. 123].

Повышенная опасность использования сети Интернет в противоправных целях неоднократно отмечалась исследователями в различных сферах. Так, Д. В. Мун отмечает решающую роль сети Интернет в формировании протестных настроений, а также в координации незаконных массовых мероприятий [14, с. 67]. Еще большую актуальность уголовно-правовое регулирование деяний, совершаемых в сети Интернет, приобретает в периоды пандемий, подобных «коронавирусу». Сложно не согласиться с И. Ю. Сундиевым и А. А. Смирновым в том, что «свыше 1,5 млрд детей в мире из-за распространения нового коронавируса не ходят в школу и много времени проводят в Интернете, что увеличивает риск их радикализации и вербовки экстремистскими группировками. Тем самым информационная война в условиях пандемии не только не стихает, но и приобретает новые, более изощренные формы» [15, с. 37].

О распространности реабилитации нацизма свидетельствует тот факт, что следственная и судебная практика по этой статье (на начало 2023 г.) присутствует уже в пятидесяти трех регионах Российской Федерации. При этом, как верно отмечается в юридической литературе, нередки случаи, когда деяние, подпадающее под признаки реабилитации

нацизма, квалифицируется по другим нормам [16, с. 23]. Кроме того, статистика экстремистских преступлений в целом свидетельствует об увеличении числа преступлений, которые совершаются посредством каких-либо высказываний, постов в социальных сетях и т. д. Не является исключением и ст. 354.1 УК РФ. На основании анализа судебной и следственной практики было выявлено, что 89% всех выявленных преступлений, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ, были совершены в сети Интернет.

С учетом изученных критических замечаний, высказанных в теории уголовного права, а также анализа следственной и судебной практики следует согласиться с законодателем в части выделения отдельной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за реабилитацию нацизма. Безусловно, введенная статья не лишена недостатков как технико-юридического, так и логического характера, и требует корректировки, в связи с чем достаточно спорной представляется позиция о том, что «в исключительных случаях несоответствие нормы положениям юридической техники и сложившимся в доктрине принципам криминализации меркнет перед ценностью охраняемого законом блага» [17, с. 147]. Однако следует констатировать обоснованность и своевременность криминализации рассматриваемой нормы.

Безразличное или нейтральное отношение к нацизму приводит к тому, что многие начинают воспринимать это явление как естественную часть нашей жизни, как что-то, имеющее право на существование в условиях демократического государства. Это особенно опасно по причине того, что вырастает поколение, которое лично Великая Отечественная война никак не затронула. К тому же с каждым годом, к сожалению, становится все меньше и меньше тех, кто может рассказать об этих трудных годах, собственным примером и опытом наставить подрастающее поколение на верный путь.

Совершенствование уголовного законодательства путем принятия подобных норм, принятие разъяснений по спорным вопросам квалификации позволяют правопримениителю эффективнее бороться с такими преступлениями, что с учетом превентивной роли ст. 354.1 УК РФ будет способствовать нивелированию более тяжких негативных последствий. Результаты проведенного анализа свидетельствуют об общественной опасности такого противоправного деяния, как реабилитация нацизма. Характеристика общественной опасности реабилитации нацизма, как и любого другого преступления, включает в себя качественную (характер) и количественную (степень) оценку.

Характер общественной опасности реабилитации нацизма зависит от нарушений общественных отношений, которым причиняется вред в результате этого преступления. В первую очередь реабилитация нацизма направлена на причинение вреда исторической памяти, основам конституционного строя и безопасности государства.

Степень общественной опасности реабилитации нацизма зависит от конкретных обстоятельств содеянного, в частности, от способа и обстановки совершения преступления, личности виновного и т. д. При определении степени общественной опасности также учитываются обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий).

Общественная опасность реабилитации нацизма имеет следующие особенности:

1) реабилитация нацизма имеет широкую распространность и (в силу того, что преступниками зачастую использу-

ются средства анонимизации, не позволяющие установить причастное лицо; в силу широкой распространенности сети Интернет в целом, что не всегда позволяет оперативно среагировать на преступные посягательства; в силу трудностей ограничения от смежных составов, когда деяние, фактически подпадающее под ст. 354.1 УК РФ, квалифицируется по другим статьям) высокий уровень латентности;

2) преступление характеризуется публичностью, поскольку преступник в качестве «слушателей», в силу особенностей социальных сетей, не выбирает конкретный круг лиц, ознакомиться с распространяемой информацией может неограниченный круг лиц;

3) распространение подобной информации создает благоприятные условия не только для «популяризации» нацизма, но и для восприятия этого явления как «обыденного», «привычного», как неотъемлемой части нашей жизни. В этой связи следует согласиться с А. В. Дяченко в том, что «как таковое отрицание того или иного исторического факта на деле может и не являть собой реабилитацию нацизма как идеологии в буквальном смысле и героизацию его сторонников, а лишь "проливать свет" на общую картину событий прошлого, подвергать её критическому анализу, но в целом же без умысла сформировать положительный образ нацизма в целом» [18, с. 877].

Также стоит заметить, что, помимо отечественного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за преступления, формирующие положительный образ нацизма, имеются предписания международных документов, направленных на противодействие распространению идеологии нацизма.

В то же время следует отметить расхождение требований международного права и деятельности отдельных государств и их должностных лиц, поскольку здесь себя проявляют особенности внешнеполитических отношений

между иностранными государствами и Российской Федерации. Так, нельзя не согласиться с Е. Д. Ветошкиной в том, что «должностные лица высших органов государственной власти иностранных государств допускают высказывания, направленные на умаление роли Российской Федерации в борьбе с международными преступлениями. Происходит замещение негативного образа нацистских преступников позитивным, патриотическим, осуществляется некая героизация действий, признанных преступными по решению международных трибуналов и национальных судов» [19, с. 130].

Закрепление в отдельной законодательной норме уголовной ответственности за реабилитацию нацизма обосновано общественной опасностью данного действия. Фактически, уголовно-правовой запрет действий, формирующих положительный образ нацизма, имелся и до введения ст. 354.1 УК РФ, однако такие дей-

ствия квалифицировались по другим статьям Уголовного кодекса (например, ст. 282, наказывающая за возбуждение ненависти либо вражды). В то же время, как верно отмечается в юридической литературе, «общирность и неоднозначность формулировок современного уголовного, административного и антиэкстремистского законодательства дает правоприменителям возможность привлечь к ответственности любое лицо, не согласное с политикой государства» [20, с. 17], а значит, статья нуждается в совершенствовании.

Вывод

Таким образом, полагаем, что введенный в 2014 г. уголовно-правовой запрет является закономерной реакцией законодателя на активизацию роста явления нацизма и неонацизма, показывающие рост распространенности в обществе.

Список литературы

1. Бредихин А. Л. Уголовно-правовые средства в системе осуществления идеологической функции государства // Юристъ-Правоведъ. 2021. №3 (98). С. 69–72.
2. Королёв Ю. А. Общественная опасность преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука. 2020. № 8. С. 54–57.
3. Агапов П. В., Шевелева К. В. Уголовно-правовые меры противодействия фальсификации исторических фактов о деятельности СССР в ходе Второй мировой войны // Вестник Самарского юридического института. 2023. №1 (52). С. 11–15.
4. Пащенко Е. А., Саребекян А. Г. Манипуляторное вовлечение в совершение насильственных преступлений и преступлений террористической направленности как признак социокультурного кризиса общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 149–153.
5. Шевелева К. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как объект уголовно-правовой охраны // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2 (68). С. 152–159.
6. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн: опыт социологического исследования / С. Х. Шамсунов, В. В. Меркульев, П. В. Агапов [и др.] // Пенитенциарная наука. 2022. № 2 (58). С. 127–145.
7. Акопьянц А. С. Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: гуманистические исследования. 2020. № 2 (8). С. 71–78.

8. Советова М. В. О содержании понятия «реабилитация нацизма»: фактический, социально-правовой и уголовно-правовой аспекты // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 164–171.
9. Бельский В. Ю. У нас должна быть своя правда. Формирование активной и аргументированной позиции по вопросам сохранения исторической памяти о Великой победе // Военно-исторический журнал. 2022. №11. С. 96–102.
10. Гришай Е. В., Шубакин А. А. Радикализация молодежи по средствам влияния деструктивного контента сети Интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6. С. 24–27.
11. Шевелева К. В., Честнов Н. Е. О противодействии фальсификации истории Великой Отечественной войны: правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 58–63.
12. Бредихин А. Л., Викторов А. В., Симончук Е. Р. Сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне как задача государства // Экономика. Социология. Право. 2022. № 2 (26). С. 70–78.
13. Скороделова Е. И. Реабилитация нацизма как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 3. С. 123–131.
14. Мун Д. В. Социальные сети сегодня: протестное участие молодежи в интернете // Обзор. НЦПТИ. 2020. № 4 (23). С. 67–71.
15. Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. Токсичный контент в сети Интернет и его влияние на радикализацию молодежи // Научный портал МВД России. 2020. № 4 (52). С. 35–44.
16. Вердиханова А. Н., Голубкова Н. И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2022. № 4 (40). С. 21–32.
17. Макеева И. С. Социальная обусловленность введения уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. №1. С. 144–147.
18. Дяченко А. В. Обоснованность криминализации реабилитации нацизма в свете ограничения права на свободу слова // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 872–890.
19. Ветошкина Е. Д. Отрицание Холокоста: социальная обусловленность и сравнительный анализ уголовно-правового запрета // Lex Russica. 2020. № 11 (168). С. 129–138.
20. Синцов Г. В., Феоктистов Д. Е. Свобода мысли и слова в контексте противодействия информационному экстремизму // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. №4 (48). С. 15–21.

References

1. Bredihin A. L. Ugolovno-pravovye sredstva v sisteme osushchestvleniya ideologicheskoy funktsii gosudarstva [Criminal-legal means in the system of implementation of the ideological function of the state]. *Yurist"-Pravoved"* = Jurist-Pravoved, 2021, no. 3 (98), pp. 69–72.
2. Korolyov Yu. A. Obshchestvennaya opasnost' prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti [Public danger of extremist crimes]. *Yuridicheskaya nauka* = Legal Science, 2020, no. 8, pp. 54–57.
3. Agapov P. V., Sheveleva K. V. Ugolovno-pravovye mery protivodejstviya fal'sifikacii istoricheskikh faktov o deyatel'nosti SSSR v hode Vtoroj mirovoj vojny [Criminal legal measures to counteract the falsification of historical facts about the activities of the USSR during the Second

World War]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2023, no. 1 (52), pp. 11–15.

4. Pashchenko E. A., Saribekyan A. G. Manipulyatornoe vovlechenie v sovershenie nasil'stvennyh prestuplenij i prestuplenij terroristicheskoy napravленности как признак sociokul'turnogo krizisa obshchestva [Manipulative involvement in the commission of violent crimes and terrorist crimes as a sign of the sociocultural crisis of society]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 2021, no. 2, pp. 149–153.

5. Sheveleva K. V. Istoricheskaya pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne kak ob'ekt ugolovno-pravovojo ohrany [Historical memory of the Great Patriotic War as an object of criminal law protection]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = Legal state: theory and practice*, 2022, no. 2 (68), pp. 152–159.

6. Shamsunov S. H., Merkur'ev V. V., Agapov P. V., eds. Ugolovno-pravovaya ohrana istoricheskoy pamyati narodov Rossijskoj Federacii o sobtyiyah Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj vojn: opyt sociologicheskogo issledovaniya [Criminal and legal protection of the historical memory of the peoples of the Russian Federation about the events of the Second World War and the Great Patriotic War: the experience of sociological research]. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, no. 2 (58), pp. 127–145.

7. Akop'yanc A. S. Sovremennye fal'sifikacii istorii Velikoj Otechestvennoj vojny [Modern falsifications of the history of the Great Patriotic War]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya: gumanitarnye issledovaniya = Bulletin of the Siberian State University of Railway Transport: Humanitarian Studies*, 2020, no. 2 (8), pp. 71–78.

8. Sovetova M. V. O soderzhanii ponyatiya "reabilitaciya nacizma": fakticheskij, social'no-pravovoij i ugolovno-pravovoij aspekty [About the content of the concept of "rehabilitation of Nazism": factual, socio-legal and criminal-legal aspects]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (65), pp. 164–171.

9. Bel'skij V. Yu. U nas dolzhna byt' svoya pravda. Formirovanie aktivnoj i argumentirovannoj pozicii po voprosam sohraneniya istoricheskoy pamyati o Velikoj pobede [We must have our own truth. Formation of an active and reasoned position on the preservation of the historical memory of the Great Victory]. *Voenno-istoricheskij zhurnal = Military Historical Journal*, 2022, no. 11, pp. 96–102.

10. Grishaj E. V., Shubakin A. A. Radikalizaciya molodezhi po sredstvam vliyaniya destruktivnogo kontenta seti Internet [Radicalization of youth by means of the influence of destructive content on the Internet]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2021, no. 6, pp. 24–27.

11. Sheveleva K. V., Chestnov N. E. O protivodejstvii fal'sifikacii istorii Velikoj Otechestvennoj vojny: pravovoij aspekt [On countering the falsification of the history of the Great Patriotic War: the legal aspect]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and order: history, theory, practice*, 2022, no. 3 (34), pp. 58–63.

12. Bredihin A. L., Viktorov A. V., Simonchuk E. R. Sohranenie istoricheskoy pravdy o Velikoj Otechestvennoj vojne kak zadacha gosudarstva [Preservation of the historical truth about the Great Patriotic War as a task of the state]. *Ekonomika. Sociologiya. Pravo = Economy. Sociology. Right*, 2022, no. 2 (26), pp. 70–78.

13. Skorodelova E. I. Reabilitaciya nacizma kak ob'ekt kriminalisticheskogo issledovaniya [Rehabilitation of Nazism as an object of forensic research]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*, 2022, no. 3, pp. 123–131.

14. Mun D. V. Social'nye seti segodnya: protestnoe uchastie molodezhi v internete [Social networks today: protest participation of young people on the Internet]. *Obzor. NCPTI = Review. CPTI*, 2020, no. 4 (23), pp. 67–71.
15. Sundiev I. Yu., Smirnov A. A. Toksichnyj kontent v seti Internet i ego vliyanie na radikalizaciyu molodezhi [Toxic content on the Internet and its impact on the radicalization of youth]. *Nauchnyj portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (52), pp. 35–44.
16. Verdihanova A. N., Golubkova N. I. Reabilitaciya nacizma i rasprostranenie neonacistikih vzglyadov kak formy ekstremistskoj deyatel'nosti v sovremennyh usloviyah [Rehabilitation of Nazism and the spread of neo-Nazi views as a form of extremist activity in modern conditions]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Nauka. Society. State*, 2022, no. 4 (40), pp. 21–32.
17. Makeeva I. S. Social'naya obuslovленность введения уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в России [Social conditionality of the introduction of criminal responsibility for the rehabilitation of Nazism in Russia]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1, pp. 144–147.
18. Dyachenko A. V. Obosnovannost' kriminalizacii reabilitacii nacizma v svete ograni-cheniya prava na svobodu slova [The validity of the criminalization of the rehabilitation of Nazism in the light of restrictions on the right to freedom of speech]. *Voprosy rossijskoj yusticij = Issues of Russian justice*, 2020, no. 9, pp. 872–890.
19. Vetoshkina E. D. Otricanie Holokosta: social'naya obuslovленность i sravnitel'nyj analiz ugolovno-pravovogo zapreta [Holocaust Denial: Social conditionality and comparative analysis of the criminal law prohibition]. *Lex Russica*, 2020, no. 11 (168), pp. 129–138.
20. Sincov G. V., Feoktistov D. E. Svoboda mysli i slova v kontekste protivodejstviya informacionnomu ekstremizmu [Freedom of thought and speech in the context of countering information extremism]. *Izvestiya vuzov. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki = Izvestiya vuzov. Volga region. Social sciences*, 2018, no. 4 (48), pp. 15–21

Информация об авторе / Information about the Author

Пошелов Павел Викторович, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, Сибирский юридический университет, г. Омск, Российская Федерация, e-mail: poshelov@bk.ru, ORCID: 0000-0002-5233-9116

Pavel V. Poshevov, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation, e-mail: poshelov@bk.ru, ORCID: 0000-0002-5233-9116

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.01

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-75-86>

Персональные данные в механизме уголовно-правовой охраны

Е. А. Русскевич¹✉

¹Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: russkevich@mail.ru

Резюме

Актуальность. Обеспечение действенной защиты личных данных человека обладает высокой и не-прекращающей значимостью. Несмотря на предпринимаемые усилия, в России с каждым годом ситуация в этом отношении ухудшается – все чаще возникают инциденты с утечкой персональных данных миллионов граждан. Все это не только порождает недоверие к усилиям государства по построению цифровой экономики и электронного правительства, но и выступает мощной детерминантой целого ряда иных преступлений (прежде всего против собственности).

Целью является получение нового научного знания об особенностях, проблемах и перспективах уголовно-правовой охраны персональных данных личности.

Задача исследования состоит в выявлении проблем реализации механизма уголовно-правовой охраны персональных данных граждан.

Методология. Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания действительности, такие как анализ, синтез, индукция, формально-юридический, абстрактно-логический и другие.

Результаты. Автором проанализированы статистические данные о динамике посягательств на персональные данные в России, имеющаяся в открытом доступе правоприменимая практика, исследованы доктринальные источники и аналитические материалы, проведено интервьюирование специалистов. В совокупности это позволило сформулировать оригинальные положения, развивающие отечественную теорию уголовного права, выработать рекомендации, направленные на преодоление проблем правоприменения по делам о посягательствах на персональные данные.

Выводы. Цифровизация обусловила повышение социальной толерантности к нарушениям в сфере неприкосновенности персональных данных и частной жизни. Представляется перспективным реализовать модель дифференциации уголовной ответственности в зависимости от числа потерпевших от разглашения персональных данных. Механизм уголовно-правовой охраны требует совершенствования и с точки зрения развития технологий биометрических данных. Значимость подобной информации о личности требует дифференцированного подхода к установлению ответственности за неправомерные действия в отношении биометрии.

Ключевые слова: персональные данные; нарушение неприкосновенности частной жизни; биометрические данные; преступления; компьютерная информация.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках госзадания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)», регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Русскевич Е. А. Персональные данные в механизме уголовно-правовой охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 75–86. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-75-86>.

Поступила в редакцию 30.08.2023

Принята к публикации 28.09.2023

Опубликована 30.10.2023

© Русскевич Е. А., 2023

Personal Data in the Mechanism of Criminal Law Protection

Evgeny A. Russkevich¹

¹Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125993, Russian Federation

 e-mail: russkevich@mail.ru

Abstract

Relevance. Ensuring the effective protection of an individual's personal data is of high and enduring importance. Despite the efforts made, in Russia the situation in this regard is deteriorating every year - more and more incidents with the leakage of personal data of millions of citizens occur. All this not only generates distrust in the efforts of the state to build a digital economy and e-government, but also acts as a powerful determinant of a number of other crimes (primarily against property).

The purpose is to obtain new scientific knowledge about the features, problems and prospects of the criminal law protection of personal data of an individual.

The objectives of the study is to identify the problems of implementing the mechanism of criminal law protection of personal data of citizens.

Methodology. The methodological base of the research is made up of general scientific and particular scientific methods of cognition of reality, such as analysis, synthesis, induction, formal-legal, abstract-logical and others.

Results. In the course of the study, statistical data on the dynamics of infringement on personal data in Russia, law enforcement practice available in the public domain, doctrinal sources and analytical materials were analyzed, interviews were conducted with specialists. Taken together, this made it possible to formulate original provisions that develop the domestic theory of criminal law, to develop recommendations aimed at overcoming the problems of law enforcement in cases of infringement of personal data.

Conclusions. Digitalization has led to an increase in social tolerance for violations in the field of inviolability of personal data and privacy. It seems promising to implement a model of differentiation of criminal liability depending on the number of victims of the disclosure of personal data. The mechanism of criminal law protection requires improvement in terms of the development of biometric data technologies. The significance of such personal information requires a differentiated approach to establishing responsibility for illegal actions in relation to biometrics.

Keywords: personal data; violation of privacy; biometric data; crimes; computer information.

Funding: The article was prepared within the framework of the state assignment "The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)", Registration number 1022040700002-6-5.5.1.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Russkevich E. A. Personal Data in the Mechanism of Criminal Law Protection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 75–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-75-86>

Received 30.08.2023

Accepted 28.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Задача охраны персональных данных личности при всей своей непрекращающей значимости в современном теоретическом дискурсе оставляет ощущение какой-то общей капитуляции и разочарования в возможности перемены ситуации к лучшему. С технической точки зрения

отстаивается представление о несовершенстве любого нынешнего и будущего программно-аппаратного решения защиты данных – обнаружение уязвимости всегда вопрос времени. Помимо этого, специалисты резюмируют, что, даже если система и будет эффективна перед внешними атаками, нельзя исключить риск

утечки информации изнутри. На основе проведенного анализа средств защиты мобильных устройств Д. А. Изергин делает неутешительный вывод, что их основное предназначение в обеспечении работоспособности самой системы, не учитывая риски компрометации личности владельца устройства различными приложениями либо набором сервисов [1, с. 5].

В правовом контексте довольно распространен тезис о бесперспективности преследования кого бы то ни было в условиях, когда сам пользователь ежедневно распространяет свои персональные данные самыми разными способами. Конечно, всегда остается шанс «поймать за руку» злоумышленника, но это не может изменить ситуацию принципиально. Безысходность.

В то же время, по данным Роскомнадзора, в России наблюдается беспрецедентно негативная тенденция в сфере защиты чувствительной информации о личной жизни человека: в 2021 г. было зафиксировано четыре крупных инцидента с персональными данными, когда в открытый доступ попало 2,7 млн записей, 2022 г. – более 140 случаев, когда утекло около 600 млн записей о гражданах, и только за семь месяцев 2023 г. зафиксировали свыше 150 подобных случаев¹. Конечно же, приведенные показатели отражают динамику посягательств на персональные данные не в чистом виде, поскольку здесь же учтены факты распространения закрытой информации о переписке, статистике телефонных соединений, медицинских анализах, покупках и т. п. Вместе с тем понятно, что все это имеет ценность и привлекает интерес при возможности прямой или опосредованной персонификации. Поэтому, полагаем, можно уверенно опираться на статистику

¹ Личное делят: в РФ в 40 раз выросло количество утечек персональных данных // Известия. 2023. 7 августа. URL: <https://iz.ru/1554402/alena-nefedova/lichnoe-deliat-v-rf-v-40-raz-vyroslo-kolichestvo-utechek-personalnykh-danniyh> (дата обращения: 16.08.2023).

Роскомнадзора в оценке состояния защищенности персональных данных в России.

Здесь важно также задаться вопросом о том, насколько современный человек терпим к современной «цифровой прозрачности». Скептики небезосновательно пеняют на то, что рядовой пользователь сети Интернет не только не прибегает к элементарной цифровой гигиене в обращении с чувствительной информацией, но и сам, используя социальные сети и мессенджеры, гигабайтами ее распространяет. Действительно, онлайн-жизнь напоказ стала нормой для миллионов. В связи с этим вполне уверенно можно допустить повышение социальной толерантности к инцидентам утечки данных. Так, в личной беседе автора с одним из представителей ИТ-отрасли было сформулировано по этому поводу примерно следующее соображение: «Будет ли возмущен пользователь фактом открытости своих персональных данных, принимая во внимание, что в течение только прошедшего месяца он их указал на сайте знакомств, при доставке пиццы, оформляя карту лояльности в магазине, проходя онлайн-тест «Какое животное лучше всего описывает ваш характер» или «Каково древнее значение вашего имени (фамилии)? Ответ очевиден». Некоторые исследователи в своих выводах заходят еще дальше и уже напрямую заявляют о том, что право на частную жизнь, на неприкосновенность персональных данных и современные технологии (например, Big Data) несовместимы между собой [2, с. 70; 3].

Сказанное может быть и имеет под собой реальные основания, но не отменяет главного – независимо от наблюдавших изменений в сфере социальных коммуникаций на фоне процессов цифровизации человек имеет неотъемлемое право на обеспечение неприкосновенности сведений о себе [4; 5; 6; 7]. Изъятия возможны и должны быть четко определены законом. В остальном требуется эффектив-

ная реакция государства на инциденты неправомерного завладения и распространения чувствительной информации о личности. Кроме того, при заявлении росте терпимости пользователей к тому, что их персональные данные находятся в открытом доступе (тезис этот еще требует верификации)¹, в судебной практике можно обнаружить примеры, когда граждане активно защищают свои права в сфере оборота персональных данных, требуя соответствующих компенсаций от компаний, допустивших утечку чувствительной информации².

Методология

Исследование проведено на основе общепринятой методологии. В процессе подготовки представленных выводов и рекомендаций (каждое из которых отражает субъективный взгляд автора на проблему и не претендует на истинность) были задействованы анализ, синтез, формально-юридический и др. Использовались исключительно открытые источники: статьи, монографии, диссертации и иная литература по исследуемой проблематике. Материалы судебной практики были обобщены и изучены посредством обращения к базам справочных правовых систем. Отдельные положения работы обсуждались с представителями ИТ-отрасли, учеными и правоприменителями.

Результаты и их обсуждение

Персональные данные относятся к разряду той информации, значимость охраны которой всегда имела неоспоримый характер ввиду известного стремле-

¹ Здесь надо пояснить, что конкретные исследования в этой области автором обнаружены не были.

² К «Яндекс.Еде» подан коллективный иск из-за утечки персональных данных // Ведомости. 2022. 29 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2022/03/29/915773-yandeksede-kollektivnii-isk?ysclid=lluo80foyl735074134> (дата обращения: 16.08.2023).

ния человека к приватности [8; 9]. Не будет преувеличением утверждать о том, что в этом отношении неприкосновенность и защищенность персональных данных выступает неким обязательным элементом свободы человека в целом. Действительно, можно ли говорить о свободе «reg se» в условиях, когда «не спрятаться, не скрыться» от неотступного общественного контроля либо еще более неуместного интереса отдельных лиц?

Предварительно следует также указать, что уголовно-правовое обеспечение защищенности оборота персональных данных является важным, но не основным и, конечно же, не первичным механизмом. В этом смысле прежде всего необходимо указать на совершенствование отечественного регулятивного законодательства и института ответственности компаний-операторов персональных данных. В этом отношении заслуживает внимания инициатива о введении оборотных штрафов за утечку данных³.

Известным и показательным примером здесь выступает Общий регламент Европейского союза о защите персональных данных (General Data Protection Regulation – GDPR)⁴. Новый стандарт без преувеличения изменил само отношение бизнеса к защите чувствительной информации своих клиентов, заставил разработать либо принципиально усовершенствовать юридические и технические механизмы работы с персональными данными [10]. Убедительным стимулом к неукоснительному исполнению требований GDPR явились колоссальные штрафы: British Airways – 204 600 000 €, Mar-

³ Бизнес предложили штрафовать до 500 млн за утечку данных россиян // РБК. 2023. 27 июля. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/07/2023/64c15e069a79474102dac8b0?ysclid=llupgnmw2p69303543 (дата обращения: 18.08.2023).

⁴ Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза // GDPRTEXT. URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 18.08.2023).

riott International, Inc. – 110 390 200 €, Googl LLC – 50 000 000 € и др.¹

Надо признать, что в современных условиях развития информационных технологий проблема защиты персональных данных крайне осложнилась. Объясняется это всепроникающей природой цифровизации, при которой человеку, вступающему во взаимодействие с компонентами виртуальной среды, каждый раз приходится расставаться с данными о себе [11]. В результате сведения о нашей личности довольно быстро переходят в распоряжение многих субъектов. Почти одновременно с этим информация о пользователе сети Интернет приобретает статус товара, пользующегося высоким спросом на рынке.

Не является секретом, что существование программируемой (контекстной) рекламы, так или иначе, основывается на тщательно организованном механизме слежения за поведением личности в цифровом пространстве. Современный бизнес желает знать, что мы с высокой долей вероятности хотим купить в конкретное время и в конкретном месте. Это определит содержание баннеров, видеороликов, прерывающих трансляции в сети и др. [12, с. 219–268]

Как справедливо замечает Н. И. Пикуров: «Технологические прорывы в средствах коммуникации ставят человека перед выбором: либо решать многочисленные проблемы с помощью новейших средств общения, соглашаясь при этом на значительные риски разглашения сведений о себе, либо отказываться от достижений науки и техники. Этот выбор с давних времен знаком человечеству, и как всегда он делается в пользу новых

¹ Самые крупные многомиллионные штрафы за нарушения GDPR в 2019 году // Медиацентр. URL: <https://www.cloudav.ru/mediacenter/security/gdpr-fines-summary/?ysclid=llusf9ema6333349009> (дата обращения: 18.08.2023).

технологий, даже при необходимости принесения в жертву прежних привычек и привязанностей» [13, с. 201].

Как известно, легальное определение персональных данных представлено в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Вместе с тем указанная дефиниция имеет настолько общий характер, что говорить о возможности ее непосредственного использования для конкретизации предмета преступного посягательства крайне затруднительно. Надо отметить, что это системная проблема, которая отмечается большинством специалистов. Так, например, И. Ю. Павлова указывает на отсутствие на законодательном уровне внятного соотношения между сведениями о клиенте, составляющими банковскую тайну, и персональными данными гражданина [14, с. 47]. С учетом этого закономерно, что защита персональных данных средствами отечественного уголовного закона до настоящего времени решается неоднозначно. В зависимости от конкретных обстоятельств могут быть задействованы разные статьи УК РФ.

Изучение материалов правоприменения позволяет выделить следующие подходы к квалификации общественно опасных посягательств на персональные данные:

– оценка содеянного в соответствии с нормами об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни и (или) тайны переписки либо переговоров (ст. 137, 138 УК РФ)²;

– квалификация действий, связанных с неправомерным использованием персональных данных личности для внесения в единый государственный реестр юриди-

² Приговор Ленинского районного суда города Пензы от 7 июня 2023 г. по делу № 1-53/2023 // Ленинский районный суд г. Пензы. URL: leninsky--pnz.sudz.ru/ (дата обращения: 18.08.2023).

ческих лиц сведений о подставном лице (ст. 173.2 УК РФ)¹;

– квалификация посягательств на персональные данные как незаконного получения или разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ)²;

– оценка содеянного как злоупотребления полномочиями (ст. 201, 285 УК РФ). В судебно-следственной практике подобное, как правило, имеет место в случаях распространения персональных данных личности из служебных баз данных. Так, Е., действуя из иной личной заинтересованности, вопреки интересам службы, используя свое служебное положение, находясь в помещении служебного кабинета, при помощи служебного компьютера, применив цифровой ключ, находящийся в его распоряжении, осуществил вход в ФИС «ГИБДД-М», откуда скопировал на принадлежащий ему мобильный телефон посредством фотографирования информацию в отношении В., а именно паспортные данные, сведения о месте ее жительства, номере мобильного телефона, адрес проживания В., сведения о принадлежащем В. паспорте гражданина Российской Федерации³;

– квалификация посягательств на персональные данные, хранимые в цифровой форме, как преступлений в сфере компьютерной информации (ст. 272, 274.1 УК РФ)⁴.

Такое многообразие форм реакции уголовного закона на инциденты с персональными данными объясняется отсутствием в УК РФ специальной нормы об ответственности за соответствующие посягательства. В отечественной доктрине уголовного права обосновываются предложения о криминализации нарушений в сфере оборота персональных данных. Так, В. А. Чукреев предлагает предусмотреть в ст. 137.1 УК РФ ответственность за незаконное изготовление, собирание, фальсификацию, хранение, уничтожение, распространение персональных данных, повлекшее тяжкие последствия [15]. В целом следует поддержать инициативу, направленную на установление самостоятельного уголовно-правового запрета за совершение посягательства на персональные данные. Однако же использование тяжких последствий в качестве криминообразующего признака представляется весьма спорным. Причин тому множество, главная из которых заключается в крайней неопределенности его содержания и известной ввиду этого непоследовательности правоприменения.

Регулятивное законодательство в сфере персональных данных устанавливает ряд фундаментальных ограничений: не допускается обработка персональных данных, несовместимая с целями их сбора; не допускается объединение баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой; обрабатываемые персональные данные не

¹ Апелляционное постановление Аннинского районного суда Воронежской области от 22 марта 2021 г. по делу № 10-1/2021 // Аннинский районный суд Воронежской области. URL: anninsky--vzh.sudrf.ru / (дата обращения: 18.08.2023).

² Приговор Володарского районного суда города Брянска от 12 августа 2022 г. по делу № 1-176/2022 // Судебные решения РФ. URL: http://www.судебныерешения.рф/70094325?ysclid=lo46gurfpb679035552 (дата обращения: 18.08.2023).

³ Приговор Никулинского районного суда города Москвы от 9 декабря 2022 г. по делу № 01-0627/2022 // Судебные решения РФ. URL: http://www.судебныерешения.рф/72679871?ysclid=lo46gwqy2076231617 (дата обращения: 18.08.2023).

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(5): 75–86

⁴ Приговор Кировского городского суда Мурманской области от 8 августа 2022 г. по делу № 1-53/2022 // Кировский городской суд Мурманской области. URL: http://ww.kir.mrm.sudrf.ru/ (дата обращения: 18.08.2023).

должны быть избыточными по отношению к заявленным целям обработки; не допускается обработка специальных категорий персональных данных, касающихся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни. Нельзя сказать о том, что нарушение соответствующих запретов не охватывается положениями УК РФ. В зависимости от обстоятельств дела и при наличии всех обязательных признаков состава преступления содеянное может быть квалифицировано в соответствии со ст. 201 или ст. 285 УК РФ.

Видимой особенностью посягательств на персональные данные является то, что довольно часто они одновременно затрагивают интересы сотен, тысяч, а иногда миллионов граждан. Здесь возникает сразу два вопроса: 1) как следует подходить к квалификации таких деяний в аспекте института множественности преступлений? 2) необходимо ли учитывать эту закономерность на уровне дифференциации ответственности за конкретные общественно опасные деяния?

В ситуациях, когда одно распространение информации затронуло миллионы пользователей (например, инцидент с утечкой данных клиентов СДЭК: 822 млн строк с информацией об ID, имени и фамилии клиента, адресе электронной почты и телефоне¹), решение о квалификации содеянного по совокупности преступлений представляется крайне сомнительным. Вменение совокупности будет иметь, очевидно, искусственный характер – никаких миллионов самостоятельных преступлений в действительности не совершалось. Однократность самого дея-

¹ СДЭК заявил об утечке данных российских и украинских пользователей // РБК. 2022. 28 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/621c80509a79474ce51bb699> (дата обращения: 15.07.2023).

ния, равно как и наличие общего намерения на распространение персональных данных сразу многих пользователей, позволяет утверждать о наличии признаков единичного преступления с множественностью потерпевших [16, с. 201], характеризующегося следующими отличительными чертами: 1) направленностью посягательства на двух или более лиц; 2) причинением вреда нескольким потерпевшим в результате одного преступного деяния; 3) единством умысла виновного.

Вместе с тем с учетом действующей редакции УК РФ такое решение закономерно ставит вопрос о справедливости наказания. В этом отношении представляется перспективным реализовать модель дифференциации уголовной ответственности в зависимости от числа потерпевших от утечки персональных данных. Следует отметить, что подобное решение отчасти реализовано в УК Вьетнама применительно к преступлениям в сфере компьютерной информации. Согласно вьетнамскому уголовному законодательству, лицо подлежит более строгому наказанию в зависимости от количества пораженных устройств пользователей (от 50 до 200, от 200 до 500, свыше 500) [17].

До настоящего времени остается нерешенным вопрос относительно квалификации создания и использования поддельных аккаунтов в социальных сетях с указанием персональных данных конкретного человека (имени, фамилии, даты рождения и фото). Теоретики и практики соглашаются в том, что при наличии на то оснований такие действия могут содержать признаки клеветы (ст. 128.1 УК РФ). Однако это лишь при условии распространения недостоверных и порочащих сведений. Вместе с тем, когда поддельный аккаунт используется в иных целях (для рекламы товаров либо услуг), вопрос о правовой оценке содеянного

уже является неоднозначным. Нельзя также не принимать во внимание, что в результате указанных действий могут наступить и иные неблагоприятные последствия (потеря работы, разрыв деловых отношений и др.). Возвращаясь к ранее отмеченной инициативе о специальной криминализации неправомерных действий в сфере оборота персональных данных, можно предположить, что данная проблема могла бы быть успешно решена в рамках такой нормы (например, при криминализации незаконного использования персональных данных, повлекшего существенное нарушение прав и свобод гражданина).

Отдельного внимания заслуживает проблема специальной охраны биометрических персональных данных [18; 19]. Специалистами отмечается, что вероятность ошибки при использовании биометрии составляет 1: 10 000 000. При такой декларируемой надежности государством взят курс на широкое использование биометрии при выдаче документов и совершении иных юридически значимых действий. Не отстает в этом отношении и бизнес, внедряя технологии идентификации клиентов по биометрии при совершении финансовых операций. Вместе с тем уже известны инциденты несанкционированного доступа и копирования биометрических персональных данных человека. Так, в марте 2019 г. злоумышленник позвонил в одну британскую энергетическую компанию и представился руководителем головной компании из Германии. Директор, доверившись голосу по телефону, решил, что разговаривает со старшим руководителем. Последний распорядился осуществить транзакцию венгерскому поставщику. В результате этого компании был причинен ущерб в размере 243 000 долл. [20]

С учетом изложенного можно сделать вывод, что отечественный механизм уголовно-правовой охраны требует со-

вершенствования с точки зрения развития технологий биометрических персональных данных. Полагаем, что значимость подобной информации о личности требует дифференцированного подхода к установлению ответственности за неправомерные действия в отношении биометрии.

Выводы

Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности персональных данных не теряет своей актуальности в современных условиях. Цифровизация обусловила повышение социальной толерантности к нарушениям в сфере неприкосновенности персональных данных и частной жизни. Вместе с тем развитие электронного правительства и цифровой экономики в России требует построения и реализации эффективных юридических и технических механизмов работы с персональными данными.

Совершенствование уголовно-правовой охраны оборота персональных данных должно предваряться и (или) сопровождаться изменением отечественного регулятивного законодательства и института ответственности компаний-операторов персональных данных. В этом отношении заслуживает поддержки инициатива о введении оборотных штрафов за утечку данных.

Перспективными направлениями изменения отечественного уголовного закона в целях повышения защиты персональных данных граждан представляются: 1) специальная криминализация нарушений в сфере оборота персональных данных; 2) дифференциация уголовной ответственности за посягательство на персональные данные в зависимости от количества потерпевших; 3) дифференциация уголовной ответственности за посягательство на биометрические персональные данные.

Список литературы

1. Изергин Д. А. Выявление каналов компрометации персональных данных пользователей мобильных устройств на основе интеллектуальных технологий: дис. канд. техн. наук. СПб., 2022. 179 с.
2. Privacy, Big Data, and the public good: frameworks for engagement / J. Lane, V. Stodden, S. Bender, H. Nissenbaum. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 344 p.
3. Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.
4. Волкова А. Ю. Персональные данные как объект уголовно-правовой охраны // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 132–137.
5. Капинус О. С. Безопасность персональных данных как один из важнейших объектов конституционно-правовой охраны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 10–15.
6. Хохлова Е. В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления, связанные с персональными данными // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 141–148.
7. Шутова А. А. Социальная обусловленность существования норм об уголовной ответственности за посягательства на персональные данные // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 332–335.
8. Ефремова М. А. Информация с ограниченным доступом как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4 (10). С. 102–106.
9. Камалова Г. Г. Теоретико-правовые аспекты эволюции прав человека в условиях цифровизации и внедрения технологии искусственного интеллекта // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31, вып. 4. С. 662–668.
10. Шебанова Н. А. Охрана персональных данных: опыт Европейского сообщества // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 25. С. 5–14.
11. Минбалиев А. В., Сторожакова Е. Э. Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использования нейронных сетей // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 71–79.
12. Черешнев Е. Как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта. М.: Альпина Паблишер, 2022. 484 с.
13. Пикуров Н. И. Персональные данные, «большие данные» и частная жизнь: сложные вопросы уголовно-правовой оценки незаконного оборота // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 201–205.
14. Павлова И. Ю. Соотношение правового регулирования банковской тайны и персональных данных гражданина в свете новелл законодательства о персональных данных // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 43–47.
15. Чукреев В. А. Персональные данные, в том числе биометрические данные, как предметы уголовно-правовой охраны // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 3. С. 107–116.

16. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / под ред. О. С. Капинус; рук. авт. кол. К. В. Ображиев. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 484 с.
17. Русскевич Е. А., Ву Тхи Хуен, Нгуен Тиен Дат. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации по законодательству Социалистической Республики Вьетнам // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 6. С. 38–47.
18. Брызгин А. А., Минбалаев А. В. Правовой режим биометрических персональных данных // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 2 (4). С. 35–41.
19. Архипов В. В., Наумов В. Б. Теоретико-правовые вопросы охраны прав человека при использовании биометрических данных системами искусственного интеллекта: европейский опыт // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2022. Т. 32, № 1. С. 109–118.
20. Stupp C. Fraudsters Used ai to mimic ceo's voice in unusual cybercrime case // The Wall Street Journal. 2019. August 30. URL: <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402> (дата обращения: 18.08.2023).

References

1. Izergin D. A. Vyyavlenie kanalov komprometacii personal'nyh dannyh pol'zovatelej mobil'nyh ustroystv na osnove intellektual'nyh tekhnologij. Diss. kand. tekhn. nauk [Identification of channels for compromising personal data of users of mobile devices based on intelligent technologies. Cand. eng. sci. diss.]. St. Petersburg, 2022. 179 p.
2. Lane J., Stoddert V., Bender S., Nissenbaum H. Privacy, Big Data, and the public good: frameworks for engagement. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 344 p.
3. Savel'ev A. I. Problemy primeneniya zakonodatel'stva o personal'nyh dannyh v epohu "Bol'shih dannyh" (Big Data) [Problems of application of legislation on personal data in the era of "Big Data" (Big Data)]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2015, no 1, pp. 43–66.
4. Volkova A. Y. Personal'nye dannyye kak ob'ekt ugolovno-pravovoij ohrany [Personal data as an object of criminal law protection]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke = Criminal law: development strategy in the XXI century*, 2023, no. 3, pp. 132–137.
5. Kapinus O. S. Bezopasnost' personal'nyh dannyh kak odin iz vazhnejshih ob'ektor konstitucionno-pravovoij ohrany [Security of personal data as one of the most important objects of constitutional and legal protection]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2018, no. 6 (68), pp. 10–15.
6. Hohlova E. V. Social'naya obuslovленность уголовной ответственности за преступления, связанные с personal'nymi dannymi [Social conditionality of criminal liability for crimes related to personal data]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2022, no. 3 (71), pp. 141–148.
7. Shutova A. A. Social'naya obuslovленность существования норм об уголовной ответственности за посягательства на personal'nye dannyye [Social conditionality of the existence of norms on criminal liability for attacks on personal data]. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 4 (32), pp. 332–335.

8. Efremova M. A. Informatsiya s ogranichennym dostupom kak ob'ekt ugovolovno-pravovojo ohrany [Information with limited access as an object of criminal law protection]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 4 (10), pp. 102–106.
9. Kamalova G. G. Teoretiko-pravovye aspekty evolyutsii prav cheloveka v usloviyah tsifrovizatsii i vnedreniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta [Theoretical and legal aspects of the evolution of human rights in the context of digitalization and the introduction of artificial intelligence technology]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2021, vol. 31, no. 4, pp. 662–668.
10. Shebanova N. A. Ohrana personal'nyh dannyh: opyt Evropejskogo soobshchestva [Protection of personal data: the experience of the European community]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 2019, no. 25, pp. 5–14.
11. Minbaleev A.V., Storozhakova E. E. Problemy pravovojo ohrany personal'nyh dannyh v processe ispol'zovaniya nejronnyh setej [Problems of legal protection of personal data in the process of using neural networks]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2023, no. 2 (102), pp. 71–79.
12. Chereshnev E. Kak ostat'sya chelovekom v epohu rastsveta iskusstvennogo intellekta [How to remain human in the heyday of artificial intelligence]. Moscow, Al'pina Publ., 2022. 484 p.
13. Pikurov N. I. Personal'nye dannyе, "bol'shie dannyе" i chastnaya zhizn': slozhnye voprosy ugovolovno-pravovojo otsenki nezakonnogo oborota [Personal data, "big data" and private life: complex issues of criminal law assessment of illicit trafficking]. *Effektivnost' ugovolovno-pravovogo, kriminologicheskogo i ugovolovno-ispolnitel'nogo protivodejstviya prestupnosti. Materialy XII Rossijskogo kongressa ugovolvnogo prava* [Efficiency of criminal law, criminological and penitentiary counteraction to crime: materials of the XII Russian Congress of Criminal Law]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020, pp. 201–205.
14. Pavlova I. Y. Sootnoshenie pravovogo regulirovaniya bankovskoj tajny i personal'nyh dannyh grazhdanina v svete novell zakonodatel'stva o personal'nyh dannyh [Correlation of legal regulation of banking secrecy and personal data of a citizen in the light of novelties of legislation on personal data]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State Service and Personnel*, 2021, no. 3, pp. 43–47.
15. Chukreev V. A. Personal'nye dannyе, v tom chisle biometricheskie dannyе, kak predmetы ugovolovno-pravovojo ohrany [Personal data, including biometric data, as subjects of criminal law protection]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 3, pp. 107–116.
16. Aktual'nye problemy ugovolvnogo prava [Actual problems of criminal law]; ed. O. S. Kapinus; hands ed. count K. V. Obrazhiev. Moscow, Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2015. 484 p.
17. Russkevich E. A., Vu Thi Huen, Nguen Tien Dat. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere komp'yuternoj informatsii po zakonodatel'stu Socialisticheskoy Respublikii V'etnam [Criminal liability for crimes in the field of computer information under the legislation of the Socialist Republic of Vietnam]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2021, vol. 17, no. 6, pp. 38–47.

18. Bryzgin A. A., Minbaleev A. V. Pravovoj rezhim biometricheskikh personal'nyh dannyh [Legal regime of biometric personal data]. *Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere = Bulletin Ural Federal District. Security in the information sphere*, 2012, no. 2 (4), pp. 35–41.
19. Arhipov V. V., Naumov V. B. Teoretiko-pravovye voprosy ohrany prav cheloveka pri ispol'zovanii biometricheskikh dannyh sistemami iskusstvennogo intellekta: evropejskij opyt [Theoretical and legal issues of human rights protection when using biometric data by artificial intelligence systems: European experience]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2022, vol. 32, no. 1, pp. 109–118.
20. Stupp C. Fraudsters Used ai to mimic CEO's voice in unusual cybercrime case. *The Wall Street Journal*, 2019, August 30. URL: <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402> (accessed: 18.08.2023).

Информация об авторе / Information about the Author

Русскевич Евгений Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: russkevich@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4587-8258

Evgeny A. Russkevich, Doctor of Sciences (Juridical), Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, e-mail: russkevich@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4587-8258

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.85

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-87-100>

Значение нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности для наступления общеправовых последствий совершения лицом преступления

К. Н. Карпов¹✉, А. А. Нечепуренко¹

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
пр-т Комарова, д. 76, г. Омск 644092, Российская Федерация

✉ e-mail: kkn83@mail.ru

Резюме

Актуальность. Неоднократные обращения в Конституционный суд Российской Федерации об оспаривании конституционности положений различных нормативных правовых актов, содержащих правоограничения и запреты в отношении лиц, ранее подвергнутых уголовному преследованию, позволяют констатировать наличие системных упущений в формировании самостоятельной группы мер социального контроля за лицами, совершившими преступление.

Цель. – разработать правовые средства устранения противоречий уголовного и отраслевого законодательства.

Задачи работы состояли в анализе содержания нормативных правовых актов, предусматривающих установление общеправовых ограничений для лиц, совершивших преступления, а также решений Конституционного суда РФ, касающихся указанных положений.

Методология. В работе были использованы общенациональный диалектический метод исследования социальных явлений, а также ряд частнонаучных методов (формально-юридический, социологический и др.)

Результаты. Анализ предписаний Конституции Российской Федерации, уголовного законодательства, отдельных нормативных правовых актов, правоприменительной практики позволил авторам выявить ряд проблемных вопросов определения правовой природы так называемых общеправовых последствий совершенного преступления, констатировать отсутствие системности при определении законодателем критериев, сроков и содержания указанных правоограничений.

Выводы. Авторами сформулированы предложения по созданию в уголовном законодательстве самостоятельного института, регулирующего основания, порядок применения и прекращения некарательных правоограничительных мер в отношении лиц, совершивших преступление.

Ключевые слова: социальный контроль; уголовная ответственность; нереабилитирующие основания; наказание; меры безопасности.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Карпов К. Н., Нечепуренко А. А. Значение нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности для наступления общеправовых последствий совершения лицом преступления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 87–100. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-87-100>.

Поступила в редакцию 22.08.2023

Принята к публикации 25.09.2023

Опубликована 30.10.2023

The Significance of Non-Rehabilitative Grounds for Exemption from Criminal Liability for the General Legal Consequences of Committing a Crime by a Person

Kirill N. Karpov¹✉, Alexey A. Nechepurenko¹

¹Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
76 Komarova Ave., Omsk 644092, Russian Federation

✉ e-mail: kkn83@mail.ru

Abstract

Relevance. Repeated appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation to challenge the constitutionality of the provisions of various regulatory legal acts containing legal restrictions and prohibitions in relation to persons previously subjected to criminal prosecution allow us to state the presence of systemic omissions in the formation of an independent group of measures of social control over persons who have committed a crime.

The purpose is to develop legal means to eliminate the contradictions of criminal and sectoral legislation.

The objectives of the work were to analyze the content of normative legal acts that provide for the establishment of general legal restrictions for persons who have committed crimes, as well as decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding these provisions.

Methodology. The work used the general scientific dialectical method of studying social phenomena, as well as a number of particular scientific methods (analysis, synthesis, etc.)

Result. Analysis of the prescriptions of the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation, certain normative legal acts, law enforcement practice, it allowed the authors to identify a number of problematic issues in determining the legal nature of the so-called general legal consequences of a crime committed, to state the lack of consistency in determining the criteria, terms and content of these legal restrictions by the legislator.

Conclusions. In conclusion, the authors were able to formulate proposals for the creation in the criminal law of an independent institution that regulates the grounds, the procedure for the application and termination of non-punitive law-restrictive measures against persons who have committed a crime.

Keywords: social control; non-rehabilitating grounds; criminal liability; punishment; security measures.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Karpov K. N., Nechepurenko A. A. The Significance of Non-Rehabilitative Grounds for Exemption from Criminal Liability for the General Legal Consequences of Committing a Crime by a Person. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 87–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-87-100>

Received 22.08.2023

Accepted 25.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Устанавливаемые действующим федеральным, а также региональным законодательством правоограничения в отношении лиц, совершивших преступления, условно подразделяются на две группы: уголовно-правовые (наказание, судимость, иные меры уголовно-правового характера), и общеправовые последствия совершения преступления (запрет

заниматься определенными видами деятельности, ограничение на прохождение государственной службы, запрет на использование пассивного избирательного права и т.д.) [1; 2]. Вторую группу зачастую в литературе именуют также общеправовыми последствиями судимости [3; 4; 5; 6], однако, на наш взгляд, данное название не вполне точно отражает основания возникновения данных правоогра-

ничений. Исходя из их содержания, они могут возникать не только в результате судимости лица (т. е. официального осуждения в рамках вынесения обвинительного приговора), но и в случаях принятия иных процессуальных решений, например, освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующему основаниям [7].

При описании основания ограничения на профессиональную деятельность или права выступать усыновителем законодатель использует формулировку: «лица, подвергавшихся уголовному преследованию» (ст. 328.1, 331, 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ); ст. 127, 146 Семейного кодекса РФ). Таким образом, законодатель не требует наличия обвинительного приговора и судимости, достаточно даже внесудебной констатации факта совершения лицом преступления¹. Между тем отож-

дествление рассматриваемых правоограничений как порождаемых и связанных исключительно с судимостью в узком юридическом значении данного термина некорректно. Использовать общеупотребительное (неюридическое) значение судимости в данном контексте, на наш взгляд, также недопустимо. Более правильным будет вести речь об общеправовых последствиях, которые наступают в результате совершения лицом преступления. В рамках данной статьи речь пойдет как раз о тех случаях, когда правоограничение возникает даже при отсутствии судимости как таковой.

Содержание правоограничений первой группы (непосредственно уголовноправовых) обосновывается задачами уголовно-правового регулирования (ст. 2 УК РФ) и необходимостью достижения целей предупреждения преступления, исправления осужденного и восстановления социальной справедливости (ст. 46 УК РФ). При этом в науке уголовного права, законодательстве и правоприменении уделяется большое внимание определению критериев соразмерности данных средств воздействия, принципам их назначения, особенностям применения, основаниям продления, изменения или отмены, критериям индивидуализации и дифференциации и т. д. В отношении же общеправовых последствий совершения преступления, которые также порождаются исключительно фактом совершения преступления и по своей сути являются правоограничительными мерами [8], т. е. могут быть оценены с точки зрения тяжести обременений и лишений, указанные параметры (основания, критерии, сроки и т. д.) не являются предметом научного обсуждения. Критерии выбора того либо иного запрета, соотнесения их с категориями преступления, сроки существования

¹ Отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующему основанию, а равно прекращение уголовного преследования по нереабилитирующему основанию не влечут признания лица виновным или невиновным в совершении преступления. Принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции РФ. (См.: Постановление от 28 октября 1996 года № 18-П; определения от 2 ноября 2006 г. № 488-О, от 15 января 2008 г. № 292-О-О и др.), а констатирует факт прекращения уголовного преследования и отсутствие оснований для реабилитации лица. См.: По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р. М. Пахомова: поста-

новление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451956/ (дата обращения: 17.08.2023).

ния таких правоограничений не разрабатываются, а законодатель, в свою очередь, устанавливает подобного рода запреты несистематизированно, ориентируясь на умозрительные обоснования.

При этом если сроки, размеры наказания и иных мер уголовно-правового характера, а также порядок их назначения и исполнения зачастую выступают в роли предмета судебного рассмотрения, то правовой статус общеправовых последствий не допускает какой-либо возможности лицу, в отношении которого они действуют, оспорить их содержание, срок действия, категорию деятельности, на которую они распространяются и т. д., в результате чего лица, совершившие преступления, фактически лишены права на доступ к правосудию, а нормы, содержащие данные правоограничения, довольно часто становятся предметом изучения Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ) на предмет их соответствия Конституции РФ¹, а в научных публикациях оцениваются как весьма спорные [9; 10; 11; 12; 13].

Методология

Анализ положений уголовного и отраслевого законодательства позволяет констатировать наличие разрозненных, несистематизированных попыток законодателя ограничить допуск лиц, обладающих общественной опасностью [14] вследствие факта совершения преступле-

ния в различных социально значимых сферах. В частности, нами было изучено более 40 нормативных актов федерального и регионального уровней, в которых устанавливались запреты и ограничения на занятие той либо иной деятельностью исключительно в связи с наличием факта совершения лицом преступления [15].

Конституционный суд Российской Федерации неоднократно вынужден рассматривать вопросы конституционности положений отдельных нормативных актов на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации в части обоснованности установления тех либо иных запретов (как правило, на осуществление трудовой деятельности (прожождении и поступлении на службу) либо получения разрешений на осуществление отдельных видов деятельности (обращение с оружием и т.д.)). Необходимо отметить, что в большинстве случаев КС РФ, по сути, вынужден частично оправдывать законодателя и прописывать дополнительно в своих решениях аргументы в пользу приемлемости того либо иного запрета, его содержания, сроков и т.д.

Количество вынесенных только за последние 10 лет решений КС РФ по данным вопросам (принятых к рассмотрению по существу) превышает 15. По сути, конституционность аналогичных правовых последствий совершения преступления оспариваются ежегодно и в значительной части из этих решений признается необходимость частичного изменения отраслевого законодательства. Несоответствие положений федерального законодательства Конституции РФ усматривается судом в различных аспектах. Например, недопустимость пожизненного запрета либо необходимость сбалансировать сроки ограничений (реализация пассивного избирательного права на участие в выборах), неприемлемость запрета как такового (запрет выступать в роли усыновителя), необходимость уравновешивания оснований и вида судебного решения, играющего значе-

¹ По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части 1 статьи 10 и части 6 статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова: постановление Конституционного суда РФ от 10 окт. 2013 г. № 20-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153235/ (дата обращения: 28.07.2023).

ние для установления правоограничения и т. д. Учитывая расширение сферы применения подобного рода ограничений (например, запрет на работу водителем пассажирских автобусов либо в такси (ст. 328.1 ТК РФ)), очевидно, что оспариваемость данных норм будет только увеличиваться.

Результаты и их обсуждение

Верховный суд РФ в своем постановлении (2013 г.) в п. 4 указывает на то, что применение положений о деятельном раскаянии происходит «только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным»¹. Другие же основания освобождения от уголовной ответственности вообще не содержат такого требования, как утраты лицом общественной опасности. Не имеется таких требований и в случае освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в соответствии с примечаниями к статьям особенной части УК РФ. Данные примечания могут распространяться даже на тяжкие и особо тяжкие преступления, однако далеко не всегда будут рассматриваться как основание для дальнейших «общеправовых последствий». Соответственно, например, выплата судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) хоть и влечет за собой освобождение от уголовной ответственности, но имеет гораздо больше оснований для последующего применения «общеправовых ограничений». Однако фактически этого не происходит, поскольку положения ряда нормативных правовых актов содержат указания далеко не на все нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности. Например,

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 28.07.2023).

освобождение от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76.1, 76.2 УК РФ не влечет общеправовых ограничений на дальнейшее прохождение службы в полиции и других органах внутренних дел РФ (далее – ОВД РФ) либо в органах принудительного исполнения РФ (далее – ОПИ РФ).

Кроме того, данные нормативные акты предусматривают и разные основания прекращения службы и основания, препятствующие поступлению на службу (в части применения нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности). Например, в соответствии с п. 4 ч. 5 ст. 17 Федерального закона о службе в ОВД (аналогичные положения содержатся и в Федеральном законе о службе в ОПИ РФ) лицо не может быть принято на службу в случаях, если он «подвергался уголовному преследованию, которое было прекращено в отношении его за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения, прекращенных не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы внутренних дел), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием» (курсив наш. – Авт.)².

Данная норма вводит срок ограничения на поступление в ОВД (три года) после прекращения уголовных дел частного обвинения в связи с примирением сторон. В то время как сотрудники, проходящие службу в ОВД и совершившие в период прохождения службы преступление (например, предусмотренное ч. 1 ст. 116.1, ч. 1 ст. 115, ч. 1 128.1 УК РФ) и освобожденные от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, могут про-

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ: [ред. от 10.07.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 28.07.2023).

должить службу без каких либо временных ограничений (п. 7 ч. 3 ст. 82).

В связи с этим возникает несколько закономерных замечаний.

Во-первых, почему законодатель рассматривает процессуальные положения о поводе для возбуждения уголовного дела (ст. 20 УПК РФ) в качестве критерия опасности лица для участия в соответствующей деятельности либо, говоря словами Конституционного суда РФ, показателя, «отражающего один из аспектов репутационных требований к сотрудникам органов принудительного исполнения»¹. Так, лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 139 УК РФ (менее тяжкое, чем ч. 1 ст. 115 УК РФ) будет считаться более опасным лишь на основании отсутствия данного состава в перечне, предусмотренном ч. 2 ст. 20 УПК РФ (в контексте запрета на дальнейшее прохождение службы в ОВД). При этом УК РФ содержит большое количество менее общественно опасных преступлений, однако не отнесенных к категории дел частного обвинения. В связи с чем лица, их совершившие и освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующему основаниям, будут находиться в неравном (т. е. худшем) положении, нежели лица, совершившие более тяжкие преступления, включенные в перечень ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Логика выбора указанных составов имеет сугубо уголовно-процессуальное обоснование, состоящее в необходимости обеспечения прав и законных интересов

участвующих в уголовном судопроизводстве граждан [16], отсутствии сложности проведения предварительного расследования, собирании доказательств и т. д., а не в контексте уменьшенности общественной опасности деяния либо лица, его совершившего. При этом и сам перечень статей, попавших в содержание ч. 2 ст. 20 УПК РФ, также подвергается сомнению [17]. Кроме того, расследование по делам, отнесенными к категориям частного либо частно-публичного обвинения, также может быть инициировано прокурором, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. В таком случае деяние не меняет своей общественной опасности.

УПК РФ содержит и другие группы преступлений, производство по которым имеет свои особенности, например, ст. 150 УПК РФ определяет, по каким преступлениям будет проходить предварительное следствие, а по каким дознание (в некоторых случаях еще и сокращенное дознание гл. 32.1 УПК РФ). Данное деление имеет огромное количество особенностей, связанных в том числе и с принятием итоговых решений по делу и прекращением производства по нереабилитирующему основаниям. Однако все эти особенности не указывают на характер и степень общественной опасности совершенного деяния (т. к. это прерогатива материального уголовного права), а также не свидетельствуют о повышении или снижении общественной опасности лица, совершившего преступление. Соответственно, указанные процессуальные особенности сами по себе не должны оказывать влияния на различность дальнейших общеправовых правовых последствий, возникших в результате прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основаниям.

Во-вторых, почему срок три года после освобождения от уголовной ответ-

¹ По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р. М. Пахомова: постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451956/ (дата обращения: 17.08.2023).

ственности влияет только на поступление на службу и не влияет на прекращение таковой? А также в связи с чем данный срок составил именно три года, а не два или пять?

Кроме того, обе данные нормы не препятствуют прохождению службы лицами, освобожденными от уголовной ответственности по схожим нереабилитирующими основаниям, предусмотренным ст. 76.1, 76.2 УК РФ. В целом выбор оснований освобождения от уголовной ответственности в качестве критерия введения либо неведения общеправового запрета представляется странным с учетом того, что КС РФ связывает допустимость таких ограничений исключительно с фактом совершения преступления, а не особенностями постпреступного поведения лица и иными факторами, повлиявшими на избранное судом основание освобождения его от уголовной ответственности. При этом именно факт совершения преступления, по мнению КС РФ, указывает на то, что в дальнейшем их «поведение и морально-нравственные качества могут свидетельствовать о наличии угрозы (курсив наш. – Авт.) для жизни, физического и психического здоровья, нравственности»¹ и другим объектам уголовно-правовой охраны.

В одном из недавних решений КС РФ², признавая законность установления

запрета на прохождение службы в органах принудительного исполнения, указал на то, что установленные в УК РФ нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 75–76.2 УК РФ) имеют (и должны иметь, по мнению КС РФ) различные правовые последствия в части установления данных «общеправовых запретов».

Исходя из материалов дела установлено, что лицо длительный период времени находилось на государственной службе, однако после изменения статуса и реорганизации данной структуры в 2020 г. было вынуждено вновь поступать на службу с учетом новых требований. Так как 19 лет назад (в 2001 г.) в отношении лица было принято решение *об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по делу частного обвинения* (ст. 115 УК РФ), ему было отказано в поступлении на службу. Пункт 3 ч. 1 ст. 14 ФЗ о службе в ОПИ РФ устанавливает основания прекращения или расторжения контракта, среди которых указано следующее: «...в связи с прекращением в отношении его уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием»³.

Однако если бы на тот момент было принято решение о прекращении уголовного дела по другому нереабилитирую-

¹ По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барбаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.07.2023).

² По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р. М. Пахомова: постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451956/ (дата обращения: 17.08.2023).

³ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 окт. 2019 г. № 328-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334479/ (дата обращения: 28.07.2023).

щему основанию, например, в связи с примирением с потерпевшим, то с учетом того, что ст. 115 УК РФ относится к категории дел частного обвинения, он мог быть принят на службу.

Анализируя положения отдельно взятого нормативного правового акта, КС РФ констатирует, что законодатель дифференцирует факты прекращения уголовных дел различных категорий по нереабилитирующим основаниям, исходя из своего видения того, как они отражают соответствие лиц по своим качествам требованиям, предъявляемым в силу специфики службы. При этом необходимо обратить внимание на то, что установление подобного рода запретов не предполагает со стороны работодателя никакого анализа характеристики личности лица, претендующего на замещение соответствующей должности.

Более того, КС РФ усматривает дополнительную разницу для правоограничений исходя из того, к какой из категорий дел (по характеру возникновения уголовно-процессуальных отношений) относится тот либо иной состав преступления. Так, примирение с потерпевшим в случае совершения преступления, отнесенного к делам частного обвинения (например, ч. 1 ст. 115 УК РФ), по мнению КС РФ, свидетельствует о меньшей степени опасности лица для участия в определенном виде деятельности, как основании установления правоограничений в сравнении с аналогичным примирением по делам частно-публичного либо публичного обвинения.

Определяя неконституционность установления безусловного и бессрочного запрета поступления на службу в органы принудительного исполнения для лиц, уголовное преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с деятельным раскаянием, КС РФ, по сути, согласился с правомерностью существования ограничения на срок три года для данной же категории лиц. При этом обоснования именно трехлетне-

го срока ограничения либо исключительности вышеописанного основания освобождения от уголовной ответственности по сравнению с другими основаниями по-прежнему не имеется.

Учитывая, что все нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в первую очередь (применительно к рассматриваемому нами вопросу) констатируют факт совершения лицом преступления, и только в некоторых случаях могут свидетельствовать о снижении опасности лица для окружающих (например, в результате его правомерного постпреступного поведения (ст. 75 УК РФ)), следует уравнять статус всех нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности для возникновения в дальнейшем «общеправовых последствий».

Таким образом, можно прийти к выводу, что основания устанавливаемых в отраслевых НПА ограничений, очевидно, носят в большей степени случайный характер и не отражают ни реальных потребностей в недопущении лиц, обладающих общественной опасностью применительно к какому-либо роду деятельности, ни реальных факторов, которые бы свидетельствовали о такой общественной опасности личности. Указанный подход представляется настолько противоречивым, ситуативным и нелогичным, что теряется не только привязка к целесообразности и справедливости используемого запрета, но и его обоснованности.

Используемые же в судебных решениях и научной литературе названия: «общеправовые последствия совершенного преступления», «общеправовые последствия судимости» и другие не меняют сути используемых средств правового воздействия. Порожденные исключительно фактом совершения преступления они остаются уголовно-правовыми мерами безопасности [18; 19].

Об этом свидетельствует, например, установление срока, в течение которого может действовать ограничение, хотя да-

же КС РФ не указывает на то, что истечение определенного промежутка времени может влиять на исчезновение общественной опасности лица, совершившего в прошлом преступление. Наоборот, КС РФ подтверждает законность практически пожизненного запрета осуществления педагогической либо воспитательной деятельности для лиц, совершивших преступления (ст. 331 ТК РФ) (за исключением возможности индивидуального оспаривания такого ограничения)¹.

Допустимым признается и пожизненный запрет на деятельность, связанную с оборотом оружия либо наркотических средств лицам, ранее совершившим преступления в указанных сферах, и тем самым проявившим свои общественно-опасные свойства². При этом в отношении иных видов деятельности и иных групп преступных деяний запрет на соответствующую деятельность имеет временный характер, напрямую зависящий от категории преступления (степени тяжести согласно ст. 15 УК РФ)³. Такая

¹ По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Бараш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149636/ (дата обращения: 28.07.2023).

² По делу о проверке конституционности положения части 10 статьи 13 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г. В. Белокриницкого и В. Н. Тетерина: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2012 г. № 16-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132153/ (дата обращения: 28.07.2023).

³ По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части 1 статьи 10 и части 6 статьи 86 Уголов-

связь времени запрета и тяжести совершенного деяния свидетельствует о том, что данный запрет в таком виде, как минимум, является своеобразным продолжением дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ) [20]. Если быть более точными, то общеправовое последствие, по сути, заменяет данный вид наказания, вводя не выборочный, а полный запрет на больший срок, большее количество видов деятельности без права на его отмену. В противном случае, т. е. при обусловленности его именно свойством общественной опасности лица, совершившего преступление, запрет должен был бы устанавливаться индивидуально в отношении каждого отдельно взятого лица после тщательного изучения его личности с возможностью его изменения.

Несомненно, что существующие (рассматриваемые) правоограничения и запреты имеют право на существование и являются необходимым элементом социального контроля в уголовно-правовой сфере. Однако разобщенность указанных мер, неопределенность их правовой природы, отсутствие единой системы критериев установления ограничений приводят к снижению их эффективности, вызывают проблемы у правоприменителя.

Так, КС РФ указывает, что объем условий, при которых может быть применено деятельное раскаяние, намного превышает требования к поведению обвиняемого, согласившегося на прекращение дела частного обвинения в связи с примирением сторон. Соответственно, если лицо, в отношении которого осу-

нного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова: постановление Конституционного суда РФ от 10 окт. 2013 г. № 20-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153235/ (дата обращения: 28.07.2023).

ществлялось уголовное преследование по делу частного обвинения, перестало быть общественно опасным (на данный факт не имеется никаких указаний в ст. 76 УК РФ либо ч. 2 ст. 20 УПК РФ), вследствие в том числе поведения после совершения преступления (включая заглаживание вреда, причиненного преступлением), и в отношении этого лица уголовное дело было прекращено в связи с деятельным раскаянием, то это не может влечь более строгих правовых последствий, нежели примирение сторон (которое, по общему правилу, хотя и предполагает заглаживание вреда, но не в качестве необходимого и обязательного условия) либо освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба или с назначением судебного штрафа (ст. 76.1 и 76.2 УК РФ), которое предполагает утрату общественной опасности и лицом, и совершенным им преступлением вследствие его позитивного поведения.

Признавая несоответствие (т. е. неконституционность) положений п. 4 ч. 4 ст. 17 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 17, 19 (ч. 1 и 2), 32 (ч. 4), 37 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой он устанавливает безусловный и бессрочный запрет поступления на службу в органы принудительного исполнения для лиц, уголовное преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с деятельным раскаянием, и ставит таких лиц в неравное положение с лицами, уголовное преследование которых по делам частного обвинения прекращено по другим нереабилитирующими основаниям. Фактически КС РФ указал на необходимость признания равенства всех оснований освобождения от уголовной ответственности (в контексте дел частного обвинения) применительно к возникновению последующих

правоограничений. При этом бессрочность установленного ограничения на прохождение службы в случае освобождения лица от уголовной ответственности по нереабилитирующими основаниям по иным категориям дел (не частного обвинения) осталась вне рамок рассмотрения КС РФ и, соответственно, де-юре обоснованной.

Логичным было бы предположить, что данное правило должно распространяться и на все иные категории дел и другие нереабилитирующие основания освобождения от ответственности, однако, исключительность, например, ст. 76.1 и 76.2 УК РФ, по-прежнему сохраняется на уровне федерального законодательства. Представляется, что при перечислении в рассматриваемых федеральных законах оснований отказа в приеме на службу либо оснований прекращения службы (при внесении изменений в ФЗ) не были учтены изменения, произошедшие в УК РФ, и невнесение в соответствующие нормы ст. 76.1 и 76.2 УК РФ являются лишь следствием технической ошибки. В частности, это может быть связано с тем, что включение данных норм в УК РФ происходило в 2016 г. после принятия ФЗ о службе в ОВД РФ (2012 г.) и других ФЗ, содержащих подобного рода ограничения.

Аналогичным образом указание в данных нормативных правовых актах на прекращение уголовных дел *в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым* предполагает фактически не применение положений ст. 76 УК РФ, а самостоятельное процессуальное основание прекращения уголовного производства по делам частного обвинения, которые не только возбуждаются, но и прекращаются по заявлению потерпевшего. Такое прекращение уголовного дела является сугубо процессуальной мерой и специально не предусмотрено нормами УК РФ в качестве именно основания освобождения от уголовной ответственности. Оно не требует выполнения всех требований,

предусмотренных ст. 76 УК РФ, а соответственно, сравнение их между собой является не вполне корректным. Об этом свидетельствует и установленный в рамках ч. 3 ст. 20 УПК РФ запрет на прекращение дел частно-публичного обвинения *в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (который носит сугубо процессуальное значение)*. Однако большое число дел частно-публичного обвинения подпадает под действие ст. 76 УК РФ. Исходя из судебной практики, данное предписание ч. 3 ст. 20 УПК РФ не является препятствием для освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим лиц, совершивших преступления, отнесенные к числу дел частно-публичного обвинения (например, ст. 116, 139, 159, 160 УК РФ и др.).

В результате КС РФ фактически вынужден в очередной раз каким-то образом обосновывать различия между данными основаниями освобождения от ответственности, чтобы оправдать существование ограничений второго порядка (общеправовых ограничений).

Выводы

Представляется, что подобного рода проблемные вопросы могли бы быть устраниены из правовой практики при реализации следующих правотворческих инициатив.

Во-первых, путем официального признания и закрепления в УК РФ уголовно-правового статуса всех «общеправовых последствий совершения лицом преступления» (т. е. ограничений, содержащихся вне УК РФ, а в отраслевых НПА) для лиц, совершивших преступле-

ние, если они обусловлены исключительно фактом совершения преступления. Данная мера будет носить не только узкоюридический (отчасти технико-юридический) смысл, но и являться психологическим фактором общепредупредительного свойства. Так, осведомленность о существовании и неизбежности огромного количества последствий, не только в случае осуждения, но и при освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующими основаниям, несомненно, обладает сдерживающим эффектом. Кроме того, данная норма позволит исключить элемент неосведомленности субъекта обо всех правовых последствиях судимости либо освобождения его от уголовной ответственности на этапе дачи согласия об освобождении от уголовной ответственности.

Во-вторых, введением в УК РФ специального института, регулирующего общие правила применения указанных мер, а именно: 1) критерии их установления в отраслевых нормативных правовых актах; 2) сроки реализации; 3) категории лиц, на которые они распространяются; 4) обязательства лица, связанные с данными ограничениями и ответственность за их неисполнение позволит систематизировать данную сферу правоотношений.

В-третьих, закрепление за судом права отмены того либо иного запрета индивидуально, исходя из характеристики личности, потребностей его жизни и жизни его семьи и других обстоятельств. Например, если указанные ограничения не вызваны обстановкой либо влекут чрезмерные необоснованные тяготы и лишения для такого лица и его близких.

Список литературы

1. Елинский А. В. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6. С. 106–113.
2. Габдрахманов Ф. В. Общеправовые последствия судимости и их классификация // Марийский юридический вестник. 2012. № 9. С. 155–171.

3. Архенгольц И. А. Судимость и ее общеправовые последствия: монография. Казань: Бук, 2020. 172 с.
4. Ревнов Б. А. Отдельные особенности общеправовых последствий судимости // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 108–113.
5. Давитадзе М. Д. Уголовно-правовые последствия судимости // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 82–84.
6. Маликов Б. З., Биккинин И. А. Особенность общеправовых последствий судимости // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2021. № 2(42). С. 102–107. <https://doi.org/10.36684/chesu-2021-42-2-102-107>.
7. Нечепуренко А. А. Пределы правоограничений, устанавливаемых для лиц, совершивших преступления // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1(2). С. 314–325.
8. Голубев К. С., Шкеле М. В. Общеправовые последствия судимости в Российской Федерации // Уголовное право: проблемы, тенденции, перспективы: сборник научных статей. СПб.: С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2015. С. 38–42.
9. Елинский А. В. Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2010. № 7(163). С. 78–84.
10. Щедрин Н. В., Франскевич М. Унификация профессиональных запретов // Законность. 2008. № 3. С. 16–20.
11. Щур-Труханович Л. В., Щур Д. Л. Пожизненный запрет лицам с преступным прошлым на работу с детьми: анализ содержания, оценка соразмерности и рекомендации по совершению юридических действий // Кадры предприятия. 2011. № 2.
12. Давитадзе М. Д. Уголовно-правовые последствия судимости // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 82–84.
13. Габдрахманов Ф. В. Действие последствий судимости во времени и их классификация // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 241–246.
14. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии) / отв. ред. д.ю.н., проф. А. Л. Ременсон. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. 278 с.
15. Карпов К. Н. Систематизация «общеправовых» последствий совершения преступления как средств социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1(37). С. 170–177.
16. Дикарев И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 73–78.
17. Струкова В. В. Обоснованно ли расширение такой категории дел, как дела частного обвинения? // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 13–17.
18. Щедрин Н. В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4(31). С. 26–35.
19. Васильев Д. С. Место постпенитенциарных мер безопасности в системе мер безопасности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 15, № 3. С. 108–111.
20. Архенгольц И. А. О соотношении судимости и наказания в виде запрета замещать определенные должности и заниматься определенной деятельностью // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5(95). С. 63–65.

References

1. Elinskij A. V. Obshchepravovye posledstviya ugolovnogo osuzhdeniya: konstitucionno dopustimye predely [General legal consequences of a criminal conviction: constitutionally permissible limits]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2011, no. 6, pp. 106–113.
2. Gabdrakhmanov F. V. Obshchepravovye posledstviya sudimosti i ih klassifikaciya [General legal consequences of a criminal record and their classification]. *Marijskij yuridicheskij vestnik = Mari Legal Bulletin*, 2012, no. 9, pp. 155–171.
3. Arhengol'c I. A. Sudimost' i ee obshchepravovye posledstviya [Criminal record and its general legal consequences]. Kazan', Buk Publ., 2020. 172 p.
4. Revnov B. A. Otdel'nye osobennosti obshchepravovyh posledstvij sudimosti [Separate features of the general legal consequences of a criminal record]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: history and modernity*, 2016, no. 5, pp. 108–113.
5. Davitadze M. D. Ugolovno-pravovye posledstviya sudimosti [Criminal-legal consequences of a criminal record]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4, pp. 82–84.
6. Malikov B. Z., Bikkinin I. A. Osobennost' obshchepravovyh posledstvij sudimosti [The peculiarity of the general legal consequences of a criminal record]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Kadyrova = Bulletin of the Chechen State University named after A. A. Kadyrov*, 2021, no. 2(42), pp. 102–107. <https://doi.org/10.36684/chesu-2021-42-2-102-107>
7. Nechepurenko A. A. Predely pravoogranichenij, ustanavlivaemyh dlya lic, sovershivshih prestupleniya [Limits of legal restrictions established for persons who have committed crimes]. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal = Russian Deviantological Journal*, 2021, no. 1(2), pp. 314–325.
8. Golubev K. S., Shkele M. V. Obshchepravovye posledstviya sudimosti v Rossijskoj Federacii [General legal consequences of a criminal record in the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo: problemy, tendencii, perspektivy. Sbornik nauchnyh statej* [Criminal law: problems, trends, prospects. Collection of scientific articles]. St. Petersburg, S.-Peterb. St. Univ. of Economics Publ., 2015, pp. 38–42.
9. Elinskij A. V. Neugolovno-pravovye posledstviya prezhnej sudimosti v svete reshenij Konstitucionnogo Suda RF [Non-criminal and legal consequences of a previous criminal record in the light of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, no. 7(163), pp. 78–84.
10. Shchedrin N. V., Franskevich M. Unifikaciya professional'nyh zapretov [Unification of professional prohibitions]. *Zakonnost' = Legality*, 2008, no. 3, pp. 16–20.
11. Shchur-Truhanovich L. V., Shchur D. L. Pozhiznennyj zapret licam s prestupnym proshlym na rabotu s det'mi: analiz soderzhanija, ocenka sorazmernosti i rekomendacii po soversheniyu yuridicheskikh dejstvij [Lifetime ban on persons with a criminal past to work with children: content analysis, proportionality assessment and recommendations for legal actions. Personnel of the enterprise]. *Kadry predpriyatiya = Personnel of the enterprise*, 2011, no. 2.
12. Davitadze M. D. Ugolovno-pravovye posledstviya sudimosti [Criminal-legal consequences of a criminal record]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii Bulletin of the = Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4, pp. 82–84.
13. Gabdrakhmanov F. V. Dejstvie posledstvij sudimosti vo vremeni i ih klassifikaciya [The effect of the consequences of a criminal record in time and their classification]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*, 2013, no. 4, pp. 241–246.
14. Filimonov V. D. Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika (predposylki, soderzhanie, kriterii) [Public danger of the criminal's personality (prerequisites, content, criteria)]; ed. by A. L. Remenson. Tomsk, Tomsk. Univ. Publ., 1970. 278 p.

15. Karpov K. N. Sistematisaciya "obshchepravovyh" posledstvij soversheniya prestupleniya kak sredstv social'nogo kontrolya za licami, sovershivshimi prestuplenie [Systematization of the "general legal" consequences of committing a crime as a means of social control over persons who have committed a crime]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1(37), pp. 170–177.
16. Dikarev I. S. Princip dispozitivnosti v ugolovnom processe Rossii [The principle of dispositivity in the criminal process of Russia]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 6, pp. 73–78.
17. Strukova V. V. Obosnovanno li rasshirenie takoj kategorii del, kak dela chastnogo obvineniya? [Is it justified to expand such a category of cases as cases of private prosecution?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*, 2011, no. 1, pp. 13–17.
18. Shchedrin N. V. Konceptual'no-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti [Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of security measures]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2013, no. 4(31), pp. 26–35.
19. Vasilev D. S. Mesto postpenitenciarnyh mer bezopasnosti v sisteme mer bezopasnosti [The place of post-emergency security measures in the system of security measures]. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 108–111.
20. Arhengolts I. A. O sootnoshenii sudimosti i nakazaniya v vide zapreta zameshchat' opredelennye dolzhnosti i zanimat'sya opredelennoj deyatel'nost'yu [About the ratio of criminal record and punishment in the form of a ban to fill certain positions and engage in certain activities]. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*, 2016, no. 5(95), pp. 63–65.

Информация об авторах / Information about the Authors

Карпов Кирилл Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация, e-mail: kkn83@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5220-0571

Нечепуренко Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, начальник редакционно-издательского отдела, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация, e-mail: nechepurenko_oma@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8666-0509

Kirill N. Karpov, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Doctoral Student of the Research Department, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation, e-mail: kkn83@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5220-0571

Alexey A. Nechepurenko, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Head of the editorial and publishing department, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation, e-mail: nechepurenko_oma@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8666-0509

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-101-112>

Судебное толкование признаков общественно опасного посягательства при необходимой обороне

А. В. Никуленко¹ , М. А. Смирнов²

¹Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
ул. Лётчика Пилютова, д. 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

²Администрация Окуловского муниципального района Новгородской области
ул. Кирова, д. 6, г. Окуловка 174350, Российская Федерация

e-mail: nikulenka@mail.ru

Резюме

Аннотация. В настоящей статье авторы рассматривают признаки общественно опасных посягательств, пресечение которых порождает право на необходимую оборону. Изучая признаки посягательства, закрепленные в статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19, а также выработанные доктриной уголовного права, авторы приходят к выводу о том, что признаки посягательства трактуются как в узком, так и в расширительном значении, что, в свою очередь, порождает сложности при решении вопроса о правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны.

Целью исследования является разработка теоретических суждений о форме совершающего общественно опасного посягательства, которое, в свою очередь, является основанием для возникновения права на необходимую оборону.

Задачи: выявить возможные проблемы, связанные с реализацией гражданами права на необходимую оборону.

Методология. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и другие). Кроме того, использовались частнонаучные методы познания – логико-формальный и системного анализа.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на преодоление противоречий, возникающих при решении вопроса о правомерности причиняемого вреда в состоянии необходимой обороны.

Выводы. В рамках проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что положения статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации конструированы сугубо формально, что негативно сказывается на защите прав и интересов обороняющегося лица.

Ключевые слова: необходимая оборона; нападение; внезапность нападения; посягательство; интенсивность посягательства.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Никуленко А. В., Смирнов М. А. Судебное толкование признаков общественно опасного посягательства при необходимой обороне // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 101–112. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-101-112>.

Поступила в редакцию 01.09.2023

Принята к публикации 28.09.2023

Опубликована 30.10.2023

Judicial Interpretation of Signs of Socially Dangerous Encroachment with the Necessary Defense

Andrey V. Nikulenko¹ , Maxim A. Smirnov²

¹St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
1, Pilyutov Pilot Str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

²Administration of the Okulovsky Municipal District of the Novgorod Region
6 Kirova Str., Okulovka 174350, Russian Federation

 e-mail: nikulenka@mail.ru

Abstract

Relevance. In this article, the authors consider the signs of socially dangerous encroachments, the suppression of which generates the right to the necessary defense. Studying the signs of encroachment, enshrined in Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated 27.09.2012, as well as developed by the doctrine of criminal law, the authors come to the conclusion that the signs of encroachment are interpreted both in a narrow and in an expansive meaning, which, in turn, creates difficulties in solving the issue on the legality of causing harm in a state of necessary defense.

The purpose of the study is to develop theoretical judgments about the form of socially dangerous encroachment, which, in turn, is the basis for the emergence of the right to the necessary defense.

Objectives: To identify possible problems related to the realization by citizens of the right to the necessary defense.

Methodology. The methodological basis of the research was the universal dialectical method of cognition of socio-legal phenomena, general scientific research methods (analysis and synthesis, deduction and induction, system-structural and others). In addition, private scientific methods of cognition were used - logical-formal and system analysis.

The results of the study are theoretical and applied in nature and are aimed at overcoming the contradictions that arise when solving the question of the legality of the harm caused in a state of necessary defense.

Conclusions. As part of the study, the authors conclude that the provisions of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation are designed purely formally, which negatively affects the protection of the rights and interests of the defending person.

Keywords: necessary defense; attack; surprise attack; assault; intensity of the assault.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Nikulenko A V., Smirnov M. A. Judicial Interpretation of Signs of Socially Dangerous Encroachment with the Necessary Defense. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 101–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-101-112>

Received 01.09.2023

Accepted 28.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Вновь обращаясь к проблеме обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном праве, вынуждены констатировать, что она не теряет своей актуальности. Глубочайший разрыв между смыслом (духом) закона (условиями правомерности необходимой обороны) и

складывающейся правоприменительной практикой продолжает лишь увеличиваться.

Не сокращают этого разрыва и новые научные исследования. Так, в диссертациях, посвящённых необходимой обороне, защищенных с разницей в полгода, зафиксированы практически диаметрально противоположные подхо-

ды к уголовно-правовой регламентации причинения вреда при осуществлении актов необходимой обороны, осуществляемых сотрудниками правоохранительных органов, для которых она сама (необходимая оборона) является прямой обязанностью, возложенной на них федеральными законами и подзаконными актами [1, с. 91–105; 2, с. 78–212]. В первой явно прослеживается уголовно-правовой подход к оценке причинения вреда сотрудниками полиции при обстоятельствах, исключающих преступность действия (т. е. оценка на соответствие лишь уголовному законодательству). Во второй максимально жесткий уклон на соответствие регулятивным нормативным правовым актам, к коим, разумеется, относится Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции»¹, предполагающий ответственность вовсе не по привилегированным статьям Уголовного кодекса (ст. 108 или 114 УК РФ), а за превышение должностных полномочий по ст. 286 УК РФ. Не случайно во время публичной защиты последней было отмечено, что при таком подходе правоохранителю целесообразнее и выгоднее «постоять в стороне» от событий, т. к. известно, что санкция ст. 293 УК РФ (Халатность) более благосклонна, нежели чем за иные должностные преступления...

Подобная позиция и ученых-криминалистов, и законодателя, и право-применителя приводит к пассивной реакции общества на противостояние преступной экспансии, формирует у граждан нигилистическое, отстраненное отношение к возможностям противодействия общественно опасным и иным посягательствам путем правомерного причинения вреда. При этом на государственном уровне у граждан вырабатывается трусивый рефлекс – невмешательства в происходящее, тем более, если оно лично их

¹ О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: [ред. от 04.08.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 06.08.2023).

не касается... Подобная пассивность присуща в настоящее время не только гражданам, но и многим сотрудникам правоохранительных органов, уклоняющимся и даже отрицающих наступательную позицию в борьбе с преступностью, оставляя за собой лишь обязанность регистрации сообщений и происшествий.

Для рассмотрения вопросов необходимой обороны чрезвычайно важен огромный вклад в развитие данного направления уголовно-правовой науки виднейшего отечественного правоведа, криминолога и политолога профессора Э. Ф. Побегайло. Говоря о реализации необходимой обороны в современной России, Э. Ф. Побегайло без обиняков говорил о том, что «государство не может обеспечить действенную защиту даже такого неотъемлемого права человека и гражданина, как право на жизнь», и указывал на серьезные недостатки и просчеты в следственной и судебной практике по делам о необходимой обороне [3, с. 66]. Впрочем, как он писал в свое время, необходимая оборона представляет собой неисчерпаемую основу для вдохновения многих российских ученых [4, с. 49].

Как мы уже неоднократно писали [5, с. 59; 6, с. 995; 7, с. 211; 8, с. 73], складывается впечатление, что законодатель вовсе не стремится предоставить гражданам и правоохранителям реальные возможности для защиты своих прав и законных интересов путем причинения вреда посягающему. Не потому ли случаи необходимой обороны немногочисленны и широко растиражированы средствами массовой информации².

К сожалению, факты пассивного поведения правоохранителей встречаются регулярно. Как мы уже говорили выше,

² Петров И. Суд оправдал человека, совершившего тройное убийство при защите своего дома // Российская газета. 2021. 23 сент.; Суд не стал отправлять в СИЗО петербуржца, который отреагировал стрельбой на хамство и задирательство // Фонтанка.ру: сайт. 2023. 11 июня. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/06/11/72391337/> (дата обращения: 04.08.2023).

уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны полицейскими наступает по ст. 286 УК РФ. И в «погоне за показателями работы» ни одно контролирующее ведомство (в том числе и МВД) не готово поступиться своими интересами. О необходимости квалификации таких действий по нормам привилегированных составов преступлений даже не вспоминают.

«Обычные» граждане в таких случаях чаще всего привлекаются к уголовной ответственности по общим нормам Особенной части Уголовного кодекса о преступлениях против личности.

Неудивительно, что и граждане, и силовики предпочитают воздерживаться от активных действий по осуществлению актов необходимой обороны. Пассивность полицейских уже становится «притчей во языцах». Многочисленные случаи откровенного попустительства (невмешательства) в возникающие конфликты приводят к открытому недовольству населения и стремлению взять в свои руки обязанности по охране общественного порядка и обеспечение своей безопасности. Так, «в Мурине (это Ленинградская область, граничащая с Санкт-Петербургом) решили бороться со славой «областного Готэм-сити». На подмогу полиции хотят выйти обычные жители. Они признаются, что вынуждены встать на оборону из-за страха и безысходности, потому что 17 участковых физически не в силах обеспечить безопасность в городе с населением в сотни тысяч человек»¹. «Территориальную самооборону Белгородской области осуществляют около 3 тысяч человек, отряды тренируются с ноября 2022 г. На границе с Украиной созданы семь баталь-

¹ «По идее, вам ничего нельзя». Жители Мурине объединяются в дружину, чтобы противостоять «запонянченным» // Фонтанка.ру: сайт. 2023. 1 авг. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/08/01/72556433/> (дата обращения: 04.08.2023).

нов. Членам территориальной самообороны в Белгородской области выдали автоматы, противодроновые ружья и автомобили УАЗ»². Аналогичные отряды создаются сейчас и в Пскове. «После атаки беспилотников на аэропорт Пскова местные власти взялись за развитие территориальной обороны. В ряды «Дружины» в области вступили 800 человек. 200 подали заявления именно после налёта БПЛА, в том числе около 50 – за утро 1 сентября. Особый акцент в работе будут делать на приграничные территории (область граничит с Эстонией и Латвией), а также на Псков и Псковский район»³.

Впрочем, обоснованное правомерное желание граждан пока не находит поддержки ни у правоприменителей, ни у законодателей. Говоря о последних, отметим, что все наши (и не только наши) попытки изменить подход к законодательной регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, и в частности необходимой обороны, остаются тщетными [9, с. 72–76; 10, с. 126–143].

Методология

Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и др.). Кроме того, использовались частнонаучные методы познания – логико-формальный и системного анализа.

² Добровольцам белгородской теробороне выдали оружие // Фонтанка.ру: сайт. 2023. 2 авг. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/08/02/72558434/> (дата обращения: 04.08.2023).

³ После атаки БПЛА на аэропорт в Псковской области создают тероборону // Фонтанка.ру: сайт. 2023. 1 сент. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/09/01/72662249/> (дата обращения: 04.08.2023).

Результаты и их обсуждение

Возвращаясь непосредственно к теме нашей работы, отметим, что необходимая оборона в уголовно-правовом смысле заключается в причинении вреда посягающему лицу при пресечении общественно опасного посягательства в целях защиты прав и законных интересов обероняющегося лица и иных лиц, а также интересов общества и государства.

При этом, как верно отмечают ученые в своем исследовании, «вопрос оценки соответствия оборонительных действий пределам необходимой обороны является трудноразрешимой проблемой» [11, с. 45–53] не только при причинении вреда гражданами в целях пресечения общественно опасных посягательств, но и сотрудниками правоохранительных органов [12, с. 3–26], и зависит от интенсивности совершающегося посягательства.

Так, исходя из положений ст. 37 УК РФ, посягательство, пресечение которого возможно в рамках необходимой обороны, должно быть *сопряжено* (курсив наш. – А.Н., М.С.) с насилием либо быть неожиданным, причем в форме нападения. Стоит отметить, что ни уголовный закон, ни разъяснения высшей судебной инстанции не содержат определения понятия “*сопряженности*”. Большинство ученых-криминалистов, и мы с ними солидарны, считают, что слово “*сопряженность*” является синонимом словосочетания “совершенный с применением...”» [13, с. 57–63].

И если следовать «букве уголовного закона», то к посягательству, сопряженному с насилием, опасным для жизни, при пресечении которого возможна «беспрецедентная оборона», в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ, можно отнести исключительно убийство (а также, например, разновидности специальных составов данного вида преступления – посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), а также причинение тяж-

кого вреда здоровью либо реальную угрозу совершения вышеуказанных преступлений.

Вместе с тем в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» дается расширительное толкование признаков понятия «посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни».

Анализ указанных положений показывает, что судейское сообщество при определении пределов необходимой обороны использует перечневую систему благ. Мы одобляем позицию Верховного Суда РФ, вместе с тем считаем, что необходимо в разъяснениях закрепить не только общие признаки такого понятия, но и определенные составы преступлений, при пресечении которых возможна так называемая «беспрецедентная оборона», т. к. на практике возникает большое количество вопросов по квалификации относительно возможности причинения смерти при пресечении такого преступления, как, например, изнасилование, которое не всегда может быть связано с причинением вреда, опасного для жизни, либо с применением способов, создающих реальную угрозу причинения такого вреда, но, как известно, судебная практика допускает причинение смерти при пресечении данного преступления.

Представляет чрезвычайный интерес формулировка посягательства, пресечение которого допускает превышение пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 37 УК РФ). Так, если следовать «букве закона», пределы правомерности причинения вреда существуют при пресечении посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни, т. е. представляющим угрозу исключительно здоровью (вред здоровью средней тяжести, легкий вред здоровью, побои). Но стоит отметить, что, как в случае пресечения общественно опасного посягательства, сопряженного с применением насилия, как

опасного для жизни, так и не опасного для жизни, либо угрозой применения такого насилия, «обороняющемуся лицу довольно сложно (если вообще возможно) определить, каким является насилие, применяемое посягающим лицом, и избрать для его отражения соразмерные меры защиты» [14, с. 138].

Но возникает ли право на необходимую оборону при защите от посягательств, не сопряженных с применением насилия?

Так, анализ п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 показывает, что право на причинение вреда при пресечении таких посягательств у граждан имеется.

На наш взгляд, к таким посягательствам относятся не только преступления с применением какого-либо вида насилия либо угрозой его применения, но и иные преступления, как в форме бездействия, так и совершенные по неосторожности. Данную позицию Верховного Суда РФ считаем верной, т. к. она в полной мере отвечает духу необходимой обороны. Полагаем, что законом должны быть предоставлены широкие права как гражданам, так и сотрудникам правоохранительных органов на пресечение общественно опасных посягательств именно в рамках необходимой обороны, т. к., например, последующее применение насилия в целях задержания лица, совершившего преступление, предоставляет значительно меньше возможностей по характеру и размеру причиненного вреда в силу более строгих требований условий правомерности, чем необходимая оборона.

Если в ст. 37 УК РФ речь идет о защите от общественно опасного деяния, которое включает в себя как преступные, так и непреступные посягательства, то ст. 38 УК РФ говорит о задержании лица, совершившего именно преступление и в целях пресечения преступной деятельности и дальнейшего доставления такового лица в правоохранительные органы [15, с. 241–285]. И если ограничить право на

пресечение преступлений в рамках необходимой обороны, то, по сути, мы поставим обороняющееся лицо в такое положение, когда за совершением преступления, которое не связано с применением насилия, необходимо просто наблюдать и уповать на то, чтобы сотрудники правоохранительных органов вовремя прибыли на место происшествия и пресекли преступные действия, сузив рамки дозволенного до, по сути, ситуации крайней необходимости, при которой, как известно, причинение вреда является крайней мерой устранения опасности.

Вероятно, именно данным доводом и руководствовалось судейское сообщество, указав в своем постановлении, что к посягательствам, указанным в ч. 2 ст. 37 УК РФ, пресечение которых возможно в рамках необходимой обороны, относятся также преступления, пресечь совершение которых возможно не как иначе, как с причинением вреда посягающему лицу.

Небезынтересным в плане реализации возможностей необходимой обороны представляется рассмотрение вопроса о том, почему законодатель в ч. 2¹ ст. 37 УК РФ под неожиданным посягательством понимает именно нападение. Стоит отметить, что изучению данного вопроса в рамках необходимой обороны учеными уделялось не столь много внимания. Необходимо отметить исследование И. А. Тараканова, который считает, что под нападением, о котором идет речь в ч. 2¹ ст. 37 УК РФ, следует понимать «внезапное посягательство, не спровоцированное оборонявшимся лицом, а равно не предвидимое оборонявшимся или другими лицами до момента непосредственного нападения» [16, с. 17–21].

Также следует обратить внимание на то, что в большей степени признаки понятия «нападение» изучались криминалистами при разборе таких составов преступлений, как разбой, бандитизм, ввиду того, что в объективную сторону данных составов преступлений входит признак нападение.

Так, А. М. Ивахненко отождествляет насилие и нападение [17, с. 95–190], Д. М. Кокин трактует нападение и насилие как два разных понятия, но используемые законодателем для определения одного по своей сути действия, т. к. нападение заключается в применении насилия [18, с. 153–160]. П. С. Яни определяет нападение как действия нападающего, а насилие – как способ посягательства [19, с. 45–50].

Исходя из анализа точек зрения ученых, а также мнения судебского сообщества, можно заключить, что под нападением следует понимать применение насилия в целях достижения определенной цели, например, завладения чужим имуществом.

Вместе с тем не можем не согласиться с выводами Б. В. Епифанова, который в рамках своего исследования приходит к выводу, что «нападение не должно быть обязательно сопряжено с насилием (физическими)» [20, с. 70]. Мы также полагаем, что, исходя из смысла п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19, под нападением стоит понимать не столько посягательство в форме нападения с применением насилия, сколько саму обстановку, которая предопределяет возможность применения как психического, так и физического насилия. Но стоит отметить, что, как правило, такая обстановка создается именно при внезапном нападении.

Таким образом, мы установили, что в ст. 37 УК РФ признаки посягательства закреплены в узком смысле. При этом в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 дается расширительное толкование признаков данного понятия, в связи с чем для правильной квалификации действий обирающимся лица правоприменитель должен обращаться к разъяснениям Высшей судебной инстанции. И как мы видим, судебское сообщество переносит так называемую перечневую систему благ, защита которых возможна в рамках не-

обходимой обороны, в свои разъяснения, что, конечно же, не всегда удобно для обычного гражданина, который может быть далек от источников права, к которым, в свою очередь, относятся акты толкования Высшей судебной инстанции, но вместе с тем знает, что основания для привлечения к уголовной ответственности, а также пределы такой ответственности закреплены в уголовном законе.

Заслуживает уважения тот факт, что в своем большинстве суды обращают внимание на результаты исследований ученых по вопросам применения института обстоятельств, исключающих преступность деяния, о чем свидетельствуют внесенные изменения в руководящие разъяснения. Так, например, среди ученых давно велась дискуссия о необходимости закрепления возможности осуществления защиты своего жилища в рамках необходимой обороны [21, с. 30–80]. И в мае 2022 г. в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 такое право было закреплено. Пусть при незаконном проникновении в жилище снова необходимо определять обирающему лицу характер и степень угрожающего вреда, в связи с чем при защите жилища при определенных обстоятельствах возможно пре-высить пределы необходимой обороны. Но стоит отметить, что для этого необходимо без объективной на то необходимости причинить обирающему лицу тяжкий вред здоровью или смерть. До внесения данных изменений ответственность могла наступить и за причинение легкого вреда здоровью. И считаем, что это уже большой шаг вперед в правоприменительной практике [22, с. 21–43; 23, с. 20–29].

Выводы

Полагаем, что вопросы правомерного причинения вреда играют важную роль в жизни любого общества и государства, т. к. посредством предоставленного права обеспечивается безопасность не только отдельно взятой личности, но и

правопорядка в государстве в целом. Поэтому от знания своих прав и умения правильно их реализовать на практике зависит правовая защищенность граждан от необоснованного привлечения к уголовной ответственности за причинение чрезмерного вреда при пресечении общественно опасных посягательств. Видится, что несмотря на многочисленные исследования в данной области спорные вопросы до сих пор остаются нерешенными, что свидетельствует о необходимости продолжения научных разработок законодательной регламентации и проблем правоприменительной практики необходимой обороны.

Для эффективного применения гражданами норм необходимой обороны, на наш взгляд, недостаточно той лапидарности, которой довольствуются представители юридического сообщества. Требуется исключить сугубо формальный подход к формулировкам таковых норм с тем, чтобы условия правомерности того или иного обстоятельства, исключающего преступность деяния, стали максимально «комфортны» для главного адресата этих положений – не только и не столько правоохранителя (полицейского, следователя, судью), но и простого гражданина.

Список литературы

1. Смирнов М. А. Превышение пределов необходимой обороны в деятельности сотрудников полиции и Росгвардии: дис. ... канд. наук. СПб., 2022. 170 с.
2. Карпушкин А. В. Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, по отечественному и зарубежному уголовному законодательству: дис. ... канд. наук. М., 2023. 300 с.
3. Побегайло Э. Ф. Необходимая оборона // Энциклопедия уголовного права. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2007. 735 с.
4. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 1064 с.
5. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: проблемы применения нормы о необходимой обороне // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1(48). С. 57–64.
6. Пархоменко С. В., Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Векторы уголовной политики в сфере правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния // Все-российский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 6. С. 992–1001.
7. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: монография. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр, 2020. 768 с.
8. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Институт необходимой обороны в деятельности сотрудников правоохранительных органов: монография. СПб.: Юридический центр, 2023. 480 с.
9. Пархоменко С. В. Законодательная регламентация необходимой обороны: состояние и перспективы // Научное наследие иркутских учёных уголовно-правовой науки : материалы Национальной научно-исследовательской конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Г. С. Гаверова и доктора юридических наук, профессора В. Я. Рыбальской. Иркутск: Байкал. гос. ун-т, 2021. С. 72–76.

10. Кленова Т. В., Климанова О. В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 4. С. 126–143.
11. Наумов А. В., Меркульев В. В., Тараканов И. А. Нуждается ли статья 37 УК РФ в кардинальном изменении: судебная практика и законотворческие перспективы // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2(94). С. 45–53.
12. Теренков И. Е. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 29 с.
13. Меньшикова А. Г., Поторочина Е. О. «Сопряженность» в уголовном законе: вопросы понимания и применения // Вестник Югорского государственного университета. 2021. № 2(61). С. 57–63.
14. Тараканов И. А., Янова А. С. Необходимая оборона: особенности учета характера насилия, применяемого посягающим лицом, при оценке правомерности оборонительных действий // Вестник Владивостокского юридического института. 2020. № 2(55). С. 135–142.
15. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр, 2020. 768 с.
16. Тараканов И. А. Особенности установления правомерности оборонительных действий при внезапном нападении // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 3(166). С. 17–21.
17. Ивахненко А. М. Квалификация бандитизма, разбоя, вымогательства (Проблемы соотношения составов): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 272 с.
18. Кокин Д. М. Значение предмета преступления для квалификации деяния как разбоя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(82). С. 153–160.
19. Яни П. С. Вопросы квалификации разбоя // Законность. 2015. № 9(971). С. 45–50.
20. Епифанов Б. В. Проблемы модернизации уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления против собственности: разбой // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С. Ф. Кравцова): материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД, 2017. С. 68–73.
21. Лукки Е. В., Шульга А. В. Необходимая оборона при посягательствах на членов семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. М.: Юрлитин-форм, 2021. 173 с.
22. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2019. 47 с.
23. Смирнов М. А. Превышение пределов необходимой обороны в деятельности сотрудников полиции и Росгвардии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022. 26 с.

References

1. Smirnov M. A. Prevyshenie predelov neobhodimoj oborony v deyatel'nosti sotrudnikov policii i Rosgvardii. Dis. kand. nauk [Exceeding the limits of necessary defense in the activities of police officers and the Russian Guard. Cand. legal sci. diss.]. St. Petersburg, 2022. 170 p.

2. Karpushkin A. V. Ugolovno-pravovaya ocenka prichineniya vreda pri zaderzhaniyu lica, sovershivshego prestuplenie, po otechestvennomu i zarubezhnomu ugolovnomu zakonodatel'stu. Diss. kand. nauk [Criminal-legal assessment of harm caused during the detention of a person who committed a crime, according to domestic and foreign criminal legislation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2023. 300 p.
3. Pobegajlo E. F. Neobhodimaya oborona [Necessary defense]. Enciklopediya ugolovnogo prava [Encyclopedia of Criminal Law]. St. Petersburg, Izd. prof. Malinina, 2007. 735 p.
4. Pobegajlo E. F. Izbrannye trudy [Selected works]. St. Petersburg, Yurid. centr Press Publ., 2008. 1064 p.
5. Nikulenko A. V. Obstoymatel'stva, isklyuchayushchye prestupnost' deyaniya: problemy primeneniya normy o neobhodimoj oborone [Circumstances precluding criminality of an act: problems of application of the norm on necessary defense]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1(48), pp. 57–64.
6. Parhomenko S. V., Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Vektory ugolovnoj politiki v sfere pravovoj reglamentacii obstoymatel'stv, isklyuchayushchih prestupnost' deyaniya [Vectors of criminal policy in the sphere of legal regulation of circumstances precluding criminality of an act]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 992–1001.
7. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Prichinenie vreda pri zaderzhaniyu lica, sovershivshego obshchestvenno opasnoe deyanie [Causing harm during the detention of a person who has committed a socially dangerous act]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Publ., 2020. 768 p.
8. Nikulenko A. V., Smirnov M. A. Institut neobhodimoj oborony v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Institute of Necessary Defense in the activities of law enforcement officers]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Publ., 2023. 480 p.
9. Parhomenko S. V. Zakonodatel'naya reglamentaciya neobhodimoj oborony: sostoyanie i perspektivy [Legislative regulation of necessary defense: state and prospects]. *Nauchnoe nasledie irkutskikh uchyonyh ugolovno-pravovoj nauki. Materialy Nacional'noj nauchno-issledovatel'skoj konferencii, posvyashchyonnoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo yurista Rossijskoj Federacii, doktora yuridicheskikh nauk, professora G. S. Gaverova i doktora yuridicheskikh nauk, professora V. Ya. Rybal'skoj* [Scientific heritage of Irkutsk scientists of criminal law science. Materials of the National research Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor G. S. Gaverov and Doctor of Law, Professor V. Ya. Rybalskaya]. Irkutsk, Bajkal. St. Univ. Publ., 2021, pp. 72–76.
10. Klenova T. V., Klimanova O. V. Kazual'noe regulirovanie i konkretizaciya ugolovnogo zakonodatel'stva: o predpochteniyah v zakonodatel'nom processe i ugolovnoj politike [Casual regulation and specification of criminal legislation: on preferences in the legislative process and criminal policy]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 126–143.
11. Naumov A. V., Merkur'ev V. V., Tarakanov I. A. Nuzhdaetsya li stat'ya 37 UK RF v kardinal'nom izmenenii: sudebnaya praktika i zakonotvorcheskie perspektivy [Does Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation need a cardinal change: judicial practice and legislative prospects]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2023, no. 2(94), pp. 45–53.
12. Terenkov I. E. Primenenie sotrudnikami policii ognestrel'nogo oruzhiya v sostoyanii neobhodimoj oborony: ugolovno-pravovye aspekty. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The use of

firearms by police officers in a state of necessary defense: criminal and legal aspects. Cand. legal sci. abstact diss.]. Moscow, 2023. 29 p.

13. Men'shikova A. G., Potorochina E. O. "Sopryazhennost" v ugolovnom zakone: voprosy ponimaniya i primeneniya ["Conjugacy" in criminal law: issues of understanding and application]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Ugra State University*, 2021, no. 2(61), pp. 57–63.

14. Tarakanov I. A., YAnova A. S. Neobhodimaya oborona: osobennosti ucheta haraktera nasiliya, primenyaemogo posyagayushchim licom, pri ocenke pravomernosti oboronitel'nyh dejstvij [Necessary defense: features of taking into account the nature of violence used by an encroaching person when assessing the legality of defensive actions]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2020, no. 2(55), pp. 135–142.

15. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Prichinenie vreda pri zaderzhani lica, sovershivshego obshchestvenno opasnoe deyanie [Causing harm during the detention of a person who has committed a socially dangerous act]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Publ., 2020. 768 p.

16. Tarakanov I. A. Osobennosti ustanovleniya pravomernosti oboronitel'nyh dejstvij pri vnezapnom napadenii [Features of establishing the legality of defensive actions in case of a sudden attack]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy = Sheets of the penal enforcement system*, 2016, no. 3(166), pp. 17–21.

17. Ivahnenko A. M. Kvalifikaciya banditizma, razboya, vymogatel'stva (Problemy sootnosheniya sostavov). Diss. kand. yurid. nauk [Qualification of banditry, robbery, extortion (Problems of composition ratio)]. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 1996. 272 p.

18. Kokin D. M. Znachenie predmeta prestupleniya dlya kvalifikacii deyaniya kak razboya [The significance of the subject of the crime for the qualification of the act as robbery]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2(82), pp. 153–160.

19. Yani P. S. Voprosy kvalifikacii razboya [Questions of robbery qualification]. *Zakonnost' = Legality*, 2015, no. 9(971), pp. 45–50.

20. Epifanov B. V. Problemy modernizacii ugolovnogo zakonodatel'stva, predu-smatrivayushchego otvetstvennost' za prestupleniya protiv sobstvennosti: razboj [Problems of modernization of criminal legislation providing for responsibility for crimes against property: robbery]. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra (pamyati professora S. F. Kravcovy). Materialy ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow (in memory of Professor S. F. Kravtsov)]. Materials of the annual All-Russian Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. of Russian Interior ministry Publ., 2017, pp. 68–73.

21. Lukki E. V., Shul'ga A. V. Neobhodimaya oborona pri posyagatel'stvah na chlenov sem'i: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty [Necessary defense in case of attacks on family members: criminal law and criminological aspects]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 173 p.

22. Nikulenko A. V. Obstoynatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya: konceptual'nye osnovy ugolovno-pravovoj reglamentacii. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Circumstances precluding criminality of an act: conceptual foundations of criminal law regulation. Dr. legal sci. abstact diss.]. St. Petersburg, 2019. 47 p.

23. Smirnov M. A. Prevyshenie predelov neobhodimoj oborony v deyatel'nosti sotrudnikov policii i Rosgvardii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Exceeding the limits of necessary defense in the activities of police officers and the Russian Guard. Cand. legal sci. abstact diss.]. St. Petersburg, 2022. 26 p.

Информация об авторах / Information about the Author

Никуленко Андрей Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: nikulenka@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1332-4621

Смирнов Максим Андреевич, кандидат юридических наук, глава Окуловского муниципального района, Администрация Окуловского муниципального района Новгородской области, г. Окуловка, Российская Федерация, e-mail: gazan87@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-3805-2933

Andrey V. Nikulenko, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: nikulenka@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1332-4621

Maxim A. Smirnov, Candidate of Sciences (Juridical), Head of the Okulovsky municipal District, Administration of the Okulovsky Municipal District of the Novgorod Region, Okulovka, Russian Federation, e-mail: gazan87@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-3805-2933

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

Оригинальная статья / Original article

УДК 329.733

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-113-123>

Трансформации гражданского общества современной России в период Специальной военной операции

Д. Л. Цыбаков¹

¹Академия гражданской защиты МЧС России
ул. Соколовская, стр. 1А, г. Химки 141435, Российская Федерация

✉ e-mail: d413839@yandex.ru

Резюме

Актуальность. По мере проведения Специальной военной операции в фазу полномасштабного вооруженного конфликта все большее количество социальных групп вовлекается в процесс прямой или опосредованной поддержки российской армии и иррегулярных частей. Происходит порядковое увеличение состава негосударственных структур как по направленности их деятельности, так и в территориальном масштабе. В связи с чем актуализируется научный интерес относительно исследования происходящих изменений институциональных и функциональных параметров развития «третьего сектора» России в условиях полномасштабного вооруженного конфликта.

Целью настоящего исследования выступает осмысление трансформаций российского гражданского общества во время Специальной военной операции 2022–2023 годов.

Задачи: определение причин и предпосылок нарастания общественного патриотического подъема; типологизация изменений субъектного состава и каналов государственно-гражданского взаимодействия в современной России; выявление актуальных тенденций в трансформационных процессах российского гражданского общества в период СВО.

Методология. Для решения цели и задач научной работы автором применялись компаративистский, структурно-функциональный и исторический методы исследования.

Результаты. Причинами общественной активности следует назвать переход СВО в фазу полномасштабной борьбы с атлантической коалицией, что потребовало пополнить структуру военной организации государства за счет добровольческих иррегулярных формирований. Произошла модернизация функций негосударственных субъектов, приведшая к вовлечению в область гражданско-военных отношений новых типов общественных объединений – сетевых волонтерских групп и сообществ, занятых оснащением воюющей армии и ее информационной и консультативной поддержкой.

Вывод. Несмотря на противоречивость происходящих изменений, доминирующем направлением гражданско-государственного диалога в современной Российской Федерации становится сфера военно-гражданских отношений. Субъекты, которые смогли проявить себя в качестве связующего звена между армией и народом, способны в обозримом будущем оставаться действенными акторами общественных процессов в России XXI столетия.

Ключевые слова: военно-гражданские отношения; волонтеры; вооруженный конфликт; гражданское общество; добровольчество; Специальная военная операция.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Цыбаков Д. Л. Трансформации гражданского общества современной России в период Специальной военной операции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 113–123. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-113-123>.

Поступила в редакцию 14.08.2023

Принята к публикации 21.09.2023

Опубликована 30.10.2023

© Цыбаков Д. Л., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(5): 113–123

Transformation of Civil Society in Modern Russia During a Special Military Operation

Dmitry L. Tsybakov¹

¹Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia
1A Sokolovskaya Str., Khimki 141435, Russian Federation

e-mail: d413839@yandex.ru

Abstract

Relevance. As a Special military operation is carried out in the phase of a full-scale armed conflict, an increasing number of social groups are involved in the process of direct or indirect support of the Russian army and irregular units. There is an ordinal increase in the composition of non-State structures both in the direction of their activities and on a territorial scale. Institutionalized, non-institutionalized and networked associations en masse include all new social aggregations and territorial communities. In this connection, scientific interest is being actualized regarding the study of the ongoing changes in the institutional and functional parameters of the development of the "third sector" of Russia in the conditions of a full-scale armed conflict. In this connection, analytical processing of the modification of the relationship between public and state institutions in the period of ITS.

The purpose of this study is to comprehend the transformations of Russian civil society during the Special Military Operation of 2022-2023.

Objectives: to determine the causes and prerequisites for the growth of public patriotic upsurge during a special military operation; to typologize changes in the subject composition and channels of state-civil interaction in modern Russia; to identify current trends in the transformation processes of Russian civil society during the period of its.

Methodology. To solve the goals and objectives of scientific work, the author applied comparative, structural-functional and historical research methods.

Results. The majority of the Russian society's support for the fight against militarization and Nazification of Ukraine was expressed in the promotion of amateur civil initiatives to provide comprehensive assistance to the Russian army, residents of the frontline regions. The reasons for public activity should be called the transition of the SVO into the phase of a full-scale struggle with the Atlantic coalition, which required replenishing the structure of the military organization of the state at the expense of volunteer irregular formations. In a historically short period of time, the functions of non-State actors were modernized, which led to the involvement of new types of public associations in the field of civil-military relations - network volunteer groups and communities engaged in equipping the belligerent army and its information and advisory support.

Conclusion. Despite the inconsistency of the ongoing changes, the sphere of civil-military relations is becoming the dominant direction of civil-state dialogue in the modern Russian Federation. Only those subjects who were able to prove themselves as a link between the army and the people are able to remain effective actors of socio-political processes in Russia of the XXI century in the foreseeable future.

Keyword: civil-military relations; volunteers; armed conflict; civil society; volunteerism; Special military operation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tsybakov D. L. Transformation of Civil Society in Modern Russia During a Special Military Operation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 113–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-113-123>

Received 14.08.2023

Accepted 21.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Влияние военного фактора на функционирование гражданского общества в

условиях военного времени, как правило, носит устойчивый и противоречивый характер. Следует указать, что общественная реакция и уровень вовлеченности со-

циально активных подданных Российской империи, СССР, Российской Федерации в происходящие военные события зависели, во-первых, от степени популярности ведущейся войны в национальном самосознании и, во-вторых, от наличия устойчивых социальных структур, способных артикулировать патриотические настроения социума. Практически в каждой из судьбоносных для России войн XIX–XX столетий социальные сообщества вовлекались в коммуникацию со сражающейся армией. В ряде случаев общественные инициативы простирались гораздо далее, нежели это могло позволить по политическим соображениям действующее правительство [1]. Так, в период 1870-х гг. массовая общественная поддержка борьбы за независимость Болгарии, Сербии и Черногории сподвигла Славянский благотворительный комитет к отправке русских добровольцев в армии балканских славян, а также вызвала попытки поддержать повстанцев деньгами и оружием.

Заслуживает признания позиция Е. Л. Яковлевой относительно характера взаимоотношений государственной власти и гражданских сообществ в военный период: идентично оценивая ситуацию военного времени, обе стороны взаимодействия достигают состояния нравственной сопричастности [2]. Согласно мнению А. Тумановой, для России характерно формирование «мобилизованного общества», что свидетельствует об адаптивных возможностях российского общества в кризисных условиях [3]. В свою очередь, российский ученый В. К. Белозеров обосновал, что именно состояние войны и военного времени выступает одним из решающих факторов организации гражданско-военных отношений [4]. Наряду с чем в российском экспертном сообществе укрепилось убеждение об ограничении инициатив гражданских институтов по взаимодействию с военной организацией стороны государственной бюрократии. Однако деятельность самого

гражданского общества в области военно-гражданских отношений также оценивалась как малопродуктивная, причиной чего назывались разобщенность и социальная аморфность субъектов и институтов отечественного «третьего сектора».

Оценивая российский опыт функционирования гражданского общества в условиях начавшейся 24 февраля 2022 г. Специальной военной операции, следует указать, что подобная ситуация создает специфические условия для поддержания государственно-гражданского диалога.

Методология

Использование комплекса общенаучных методов позволяет определить, что переход российской стороны к вооруженной защите народных республик Донбасса в феврале 2022 г. имеет следствием принципиальную модернизацию гражданского общества и его институтов в нашей стране. Обращение к историческому и структурно-функциональному методам приводит к выводу, что именно вступление российского государства в самый крупный вооруженный конфликт после окончания Второй мировой войны стало катализатором структурных и функциональных параметров развития «третьего сектора» в Российской Федерации [6]. Готовность в той или иной форме поддержать своих соотечественников в армейских рядах после начала СВО еще долго будет выступать критерием дееспособности негосударственных объединений и институтов в России XXI столетия.

Проведенное компаративистское сравнение доказывает, что в достаточно быстрый временной срок патриотический подъем привел к появлению новых акторов гражданско-государственного взаимодействия [7]. Практически все из таких объединений связаны общей целью – оказанием посильной помощи российской армии и государству в противостоянии с киевским режимом и стоящей за ним

проатлантической коалицией во главе с США и НАТО.

Необходимо учитывать, что ввиду либеральных реформ 1990-х гг. произошло определенное ослабление монополии публичной власти на законное насилие, в свете чего среди неправительственных объединений стали оформляться парамилитарные субъекты, в той или иной мере использующие принципы и практики военизированной направленности [8]. В довершение чего вскоре после начала СВО произошла децентрализация военной организации государства: добровольческие отряды, сформированные региональными властями и государственными корпорациями, сохраняли определенную автономию от вышестоящего командования вплоть до июля 2023 г. В ряде случаев они не были связаны контрактными отношениями с Министерством обороны Российской Федерации [9].

Отличие иррегулярных формирований от армии состоит в опоре на самоснабжение, во внутренней автономии и определенной юридической обособленности от вышестоящего командования. Используемая в процессе исследования методическая база позволяет заключить, что практически все эти параметры отличают те отряды добровольцев, которые влились в состав вооруженных сил России после начала СВО – созданные на основе военно-патриотических и военноспортивных объединений, групп участников локальных конфликтов, организаций казачества. Не вступая в дискуссию о сугубо военной целесообразности воссоздания иррегулярных частей, отметим, что за счет их появления возник новый канал взаимодействия между армией и обществом, конституируя тем самым еще один формат государственно-гражданского диалога.

Результаты и их обсуждение

На протяжении развертывания вооруженного конфликта стремительными темпами увеличилось число политиче-

ских и неполитических субъектов, установивших прямые связи с конкретными подразделениями, частями и соединениями армии и других государственных вооруженных формирований. Данной деятельностью оказались охвачены, впервых, субъекты, которые изначально предназначались для широкого круга общественно-политических задач, прямо не связанных с политикой национальной безопасности [10]. В качестве примера следует привести объединения различного масштаба и направлений деятельности. В общенациональном формате таковым представляется Общероссийский народный фронт, в секторе поддержки семей военнослужащих – «Женское движение Единой России», в области информирования и идеологии – общество «Царьград», в сфере гуманитарной поддержки – молодежные объединения парламентских партий.

Вторую группу составляют волонтерские объединения всероссийского и регионального уровня, до начала конфликта в своем большинстве не имевшие отношения к сфере военно-гражданского сотрудничества. Многие из них возникли в период борьбы с пандемией или занимались благотворительностью, социальной защитой, вопросами природоохраны. В период СВО в массовом порядке они переориентировались в том числе на оказание гуманитарной помощи вооруженным силам, семьям военнослужащих, беженцам и жителям прифронтовых территорий. Третья категория представлена ветеранскими организациями участников локальных войн, которые сложились в постсоветский период и имели тесную связь с конкретными институтами военной организации государства. Однако в целом деятельность обозначенных типов «третьего сектора» весьма разнообразна и выходит за пределы взаимодействия с российскими вооруженными силами в обстановке военного времени.

Четвертая, наиболее репрезентативная и активная группа гражданско-

военного взаимодействия, обязана своим появлением исключительно обстоятельствам, которые сложились в период Специальной военной операции. Особенность деятельности сообществ этой категории в том, что, помимо решения проблем гуманитарного характера, они прямо нацелены на оснащение войск всем необходимым для служебно-боевой деятельности, включая их обеспечение средствами и технологиями вооруженной борьбы и обучение их применению в реальном бою.

Данная категория самая многочисленная по своему количественному составу и универсальна по объему добровольно взятых на себя функций. В рядах таких субъектов могут состоять и кадровые военные либо ветераны, имеющие опыт участия в национально-освободительном движении на Донбассе в 2014–2022 гг. [11]

Практика показывает, что численность каждого из таких объединений относительно невысока, однако общее количество волонтерских сообществ подобного рода и уровень их активности намного превосходят аналогичные показатели неправительственных субъектов классического профиля [12].

Помимо решения прикладных задач, патриотическими гражданскими активистами предпринимаются попытки теоретико-методологического осмысления изменений характера военных действий, которые происходят под влиянием информационной и цифровой революций. Именно с их стороны отмечены наиболее результативные акции информационно-психологического противоборства с пропагандой киевского режима и его зарубежных сюзеренов [13]. Предлагаются и апробируются альтернативные методики и разработки, способные найти применение на тактическом и оперативном уровнях Специальной военной операции. Вырабатываются способы преодоления бюрократических препон и незаконных

зарубежных санкций. Вопросы повседневного снабжения войск в прифронтовой зоне в значительной мере взяли на себя региональные и муниципальные волонтерские группы. Прежде всего, объединения подобного рода, уже имевшиеся в народных республиках Донбасса, возникали в прифронтовых районах Белгородской, Курской, Брянской областей, Республики Крым. В скором времени аналогичные субъекты заявили о себе во многих регионах, географически удаленных от линии боевого соприкосновения. В ряде случаев общественные фонды и ассоциации создавались специально для поддержки резервистов, пополнивших регулярную армию после объявления частичной мобилизации из конкретных административно-территориальных образований всех субъектов Российской Федерации.

Связующим звеном оформления гражданских объединений в России периода СВО выступает социальная сеть «Телеграмм». Другие интернет-ресурсы, имеющие зарубежных бенефициаров, с началом эскалации Запад-Россия заняли однозначную антироссийскую позицию [14]. На август 2023 г. в «Телеграмме» было зарегистрировано более 170 российских порталов, освещавших события СВО, причем не менее десяти из них имели от 800–900 тысяч до свыше миллиона подписчиков. Подавляющее большинство из них генерализует общественные настроения, придает им рациональную направленность для обеспечения боевой работы войск. В развитие чего появляются телеграмм-каналы действующих военнослужащих, а впоследствии и отдельных частей и соединений, как иррегулярных, так и кадровых. Таким образом, в настоящее время именно сеть «Телеграмм» служит связующим звеном между тылом и фронтом, обеспечивая результативность патриотических инициатив граждан России.

Логичным образом имеет место структурирование прежде разрозненных групп энтузиастов в сетевые объединения всероссийского масштаба. Характерно, что на данном этапе происходит конвергенция самодеятельных инициатив и устремлений институтов публичной власти. Несомненный успех на данном направлении отмечается в субъектах Федерации Дальневосточного федерального округа, по инициативе аппарата полномочного представителя Президента России создана весьма дееспособная система военно-патриотической подготовки граждан. Новый формат – площадки государственно-гражданского взаимодействия в формате съездов разработчиков беспилотных летательных аппаратов «Дронница», проведенных в сентябре 2022 и в августе 2023 г. в Великом Новгороде. Показательно, что организатором их проведения стали и Координационный центр поддержки Новороссии – со стороны гражданского общества, и правительство Новгородской области, инициативные депутаты Ростова-на-Дону – со стороны региональной государственной власти. Указанное мероприятие представляет собой уникальный в своем роде интеллектуальный инструмент, обеспечивающий консультативное и экспертное сопровождение наиболее проблемных аспектов Специальной военной операции.

В отличие от государственных институтов социальной поддержки и реабилитации участников СВО и членов их семей общественный сектор в период СВО структурируется по сетевому принципу. Причем впервые за российскую историю волонтерские группы задействованы в гораздо более широком диапазоне, нежели оказание гуманитарной помощи и обеспечение воюющей армии. Такие функции выполнялись обществом и ранее – во все времена наступления военной опасности. Теперь же усилиями гражданских специалистов решаются задачи весьма широкого, и даже беспреце-

дентного характера – ведение на добровольной основе военно-технических и технологических разработок, консультирование в вопросах боевого применения войск, что следует назвать уникальным аспектом развития военно-гражданских отношений в современной России. Естественным образом следует ожидать появления общественных движений, созданных участниками вооруженного конфликта. Первая организация подобного рода – «Всероссийский Союз ветеранов СВО» образована в 2023 г. по инициативе действующих и отставных военнослужащих Южного военного округа.

Интенсификации народного движения способствовало изменение облика и структуры вооруженных сил. По мере расширения масштабов СВО общественные ресурсы играли существенное значение при создании вооруженных формирований – добровольческих, региональных, национальных, частных.

В то же время институционализация общественных инициатив по участию в СВО через гибридные негосударственные вооруженные формирования отличают и очевидные контрпродуктивные последствия. В первую очередь они выражаются в коммерциализации и политизации добровольческого движения. Основной причиной этого назовем распространение влияния финансово-промышленных групп и государственных корпораций в область военно-гражданских отношений. На практике такая тенденция выразилась в развертывании сети полулегальных частных военных компаний, которые активно начали проявлять себя после начала российской военной операции в Сирийской Арабской Республике. Наиболее успешные из ЧВК, участвующие ныне в СВО, по примеру своих зарубежных аналогов, обладают также мощным информационным ресурсом, политическим консалтингом и общественно-политическим представительством [15]. В наиболее завер-

шенном виде облик частных военных корпораций как субъектов военно-гражданских отношений сложился в деятельности известной компании/группы «Вагнер».

Значимую роль в популяризации данного субъекта сыграло наличие эффективной информационно-аналитической составляющей – медиа-группы «Патриот», Федерального агентства новостей (ФАН) и связанных с ними сообществ интернет-обозревателей. Представительство компании «Вагнер» в общественно-политических отношениях обеспечивалось через ресурсы общественной организации «Лига защиты интересов ветеранов локальных войн и военных конфликтов».

Благодаря деятельности подконтрольных СМИ и социальных сетей в массовом сознании длительное время, еще задолго до начала СВО, культивировался образ так называемой «милитарикультуры» в ее постсоветской вариации. Распространяемые пропагандистские клише внедряли в массовое сознание допустимость участия в войне не по идеологическим мотивам в рядах регулярной армии, а для получения прямой выгоды в составе частно-наемных формирований, что связывалось с обеспечением национальных интересов в странах «третьего мира». Тем самым были очерчены контуры корпоративной милитаристской субкультуры, не чуравшейся положений неоязычества и оккультных практик для оправдания применения вооруженного насилия в формате, весьма близком к колониальным войнам.

Итогом вмешательства «второго сектора» в область общественных патриотических инициатив назовем принципиальные деформации и девиации военно-гражданских отношений. Наиболее опасными из них считаем правовой нигилизм и криминализацию частно-наемных военизованных организаций, антигуман-

ность их корпоративной морали и лумпенизацию кадрового состава ЧВК. Вопросом времени остается вовлечение частных военных контракторов в обслуживание интересов глобальных ТНК [16]. На российском опыте подтверждается мнение о том, что асоциальные индивиды обретают возможность инкорпорироваться в систему «частных армий» в условиях общественных кризисов [17].

Имеет смысл принять во внимание доводы П. С. Золотарева о реальности возрождения наемничества в форме частных военных кампаний в условиях конфликтогенности постбиполярного мироустройства [18]. В сочетании с чем в период СВО патриотический настрой социально активных российских граждан прошел через процесс «разгосударствления насилия» и оказался в значительной мере переориентирован на примитивную экономическую мотивацию.

Таким образом, начало Специальной военной операции в феврале 2022 г. стало отправной точкой судьбоносных трансформаций гражданского общества постсоветской России. Изменения коснулись и функциональных, и институциональных аспектов развития «третьего сектора» в Российской Федерации. Объединения, стихийно возникшие в период «Русской весны» 2014 г. для гуманитарной и иной поддержки национально-освободительного движения Новороссии после заключения вторых Минских соглашений, пребывали на периферии общественных событий [19]. Однако в связи с началом СВО именно они послужили образцом для новых волонтерских формирований, занятых решением проблем, на которые несвоевременно или с запозданием реагирует государство [20]. Ключевыми этапами трансформаций отечественной модели «третьего сектора» стали создание добровольческих региональных формирований весной 2022 г., возникновение военной угрозы приграничным ре-

гионам Российской Федерации и начало октябрьской частичной мобилизации. По мере нарастания темпов вооруженного противоборства все большее количество социальных групп вовлекается в процесс прямой или опосредованной поддержки российских вооруженных сил. Происходит масштабное расширение состава негосударственных институций, синхронизированное с увеличением объема взятых ими на себя функций и обязанностей. Наблюдается постоянное пополнение гражданских институтов представителями все новых социальных агрегаций и местных сообществ. На региональном и муниципальном уровнях волонтерские группы, сложившиеся вокруг решения проблематики СВО, являются наиболее сплоченными, а во многих муниципиях – и единственными реальными субъектами гражданского общества.

Выводы

В общенациональном масштабе прослеживается тенденция сетевой интеграции военно-патриотических и гуманитарных объединений из разных концов страны. Таким образом, преобладающим вектором развития «третьего сектора» современной Российской Федерации в обозримой перспективе будет оставаться область военно-гражданских отношений. Важнейшим условием обретения субъектности общественных объединений в третьем десятилетии XXI столетия следует признать их способность выполнять функции связующего элемента между народом и вооруженными силами, что позволит таким сообществам приобретать статус специфических акторов социально-политических процессов в современной России.

Список литературы

1. Никитин С. А. Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. 1978. № 7. С. 48–65.
2. Яковлева Е. Л. Время собирать камни... // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 119–124.
3. Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 327 с.
4. Белозёров В.К. Политология войны в системе научного знания // Философские науки. 2020. Т. 63, № 11. С. 74–90.
5. Ковалев А. А. Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. 2017. № 9. С.18–28.
6. Шамаров В. М., Шамаров П. В. О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 89–98.
7. Шушпанова И. С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения Специальной военной операции: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 97–108.
8. Косолапов Н. Круговорот насилия в социальных структурах // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3. С. 71–73.
9. Сибилева О. П. Правовой статус добровольцев, участвующих в Специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 57–62.

10. Малинин А. Ю. Особенности деятельности российских политических партий в контексте Специальной военной операции в 2022 году // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 2. С. 8–17.
11. Сальников В. И. Вооруженный конфликт на Донбассе в контексте «столкновения цивилизаций» // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 5. С. 359–365.
12. Манышев И. В. Особенности консолидации общественных связей в городском пространстве в период проведения Специальной военной операции // Управление городом: теория и практика. 2022. № 4 (46). С. 29–32.
13. Шатилов А. Б. Информационное и PR-сопровождение Специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 71–76.
14. Левашов В. К., Гребняк О. В. Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период Специальной военной операции на Украине // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 2. С. 204–213.
15. Михайленок О. М., Цвяк А. А. Частные военные кампании как актор современной политики // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 4. С 97–100.
16. Бабюк С. В. Частные военные компании: современные интересы транснациональных компаний в локальных вооруженных конфликтах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 1(94). С. 230–235.
17. Поляков Е. М. Насилие и политический терроризм в современном мире // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 236–246.
18. Золотарёв П. С. Военное наёмничество: особенности возрождения в XXI веке // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 2. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760005943-4-1/> (дата обращения: 11.08.2023).
19. Губарев П. Факел Новороссии. СПб.: Питер, 2016. 416 с.
20. Корякин В. М. Социальное обеспечение участников Специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 85–93.

References

1. Nikitin S. A. Rossiya i osvobozhdenie Bolgarii [Russia and the liberation of Bulgaria]. *Voprosy istorii = History issues*, 1978, no. 7, pp. 48–65.
2. Yakovleva E. L. Vremya sobirat' kamni... [Time to collect stones...]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*, 2015, no. 1, pp. 119–124.
3. Tumanova A. S. Obshchestvennye organizacii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 g.) [Public organizations of Russia during the First World War (1914 – February 1917)]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2014. 327 p.
4. Belozyorov V. K. Politologiya vojny v sisteme nauchnogo znaniya [Political science of war in the system of scientific knowledge]. *Filosofskie nauki = Philosophical Sciences*, 2020, vol. 63, no. 11, pp. 74–90.
5. Kovalev A. A. Grazhdanskoe obshchestvo Rossii i ukreplenie voennoj bezopasnosti v epohu protivostoyaniya civilizacij [Civil society of Russia and strengthening of military security in the era of confrontation of civilizations]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management Consulting*, 2017, no. 9, pp. 18–28.
6. Shamarov V. M., Shamarov P. V. O funkciyi oborony strany i ee novejshej transformacii v funkciyu suverennoj gosudarstvennosti [About the function of the country's defense and its new-

est transformation into the function of sovereign statehood]. *Voennoe pravo = Military law*, 2022, no. 5 (75), pp. 89–98.

7. Shushpanova I. S. Osobennosti social'no-politicheskoy konsolidacii rossijskogo obshchestva i gosudarstva v usloviyah provedeniya Special'noj voennoj operacii: sociologicheskij analiz [Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a Special military operation: a sociological analysis]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Nauka. Culture. Society*, 2022, vol. 28, no. 4, pp. 97–108.

8. Kosolapov N. Krugovorot nasiliya v social'nyh strukturah [The cycle of violence in social structures]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2004, no. 3, pp. 71–73.

9. Sibileva O. P. Pravovoj status dobrovol'cev, uchastvuyushchih v Special'noj voennoj operacii na Ukraine [The legal status of volunteers participating in a special military operation in Ukraine]. *Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2022, no. 12 (305), pp. 57–62.

10. Malinin A. Yu. Osobennosti deyatel'nosti rossijskih politicheskikh partij v kontekste Special'noj voennoj operacii v 2022 godu [Features of the activity of Russian political parties in the context of a Special military operation in 2022]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Nauka. Culture. Society*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 8–17.

11. Sal'nikov V. I. Vooruzhennyj konflikt na Donbasse v kontekste "stolknoveniya civilizacij" [The armed conflict in the Donbas in the context of the "clash of civilizations"]. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*, 2021, vol. 4, no. 5, pp. 359–365.

12. Manyshev I. V. Osobennosti konsolidacii obshchestvennyh svyazej v gorodskom prostranstve v period provedeniya Special'noj voennoj operacii [Features of consolidation of public relations in urban space during the period of a special military operation]. *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika = City management: theory and practice*, 2022, no. 4 (46), pp. 29–32.

13. Shatilov A. B. Informacionnoe i Pr-soprovozhdenie Special'noj voennoj operacii Rossii na Ukraine: osnovnye trendy i uroki pervogo etapa [Informational and Pr support of Russia's Special military operation in Ukraine: the main trends and lessons of the first stage]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 71–76.

14. Levashov V. K., Grebnyak O. V. Aktual'nye izmeneniya social'nyh setej i cifrovoj sredy v period Special'noj voennoj operacii na Ukraine [Actual changes in social networks and the digital environment during the Special military operation in Ukraine]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 204–213.

15. Mihajlenok O. M., Cvyak A. A. Chastnye voennye kampanii kak aktor sovremennoj politiki [Private military campaigns as a factor of modern politics]. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*, 2023, no. 4, pp. 97–100.

16. Babyuk S. V. Chastnye voennye kompanii: sovremennye interesy transnacional'nyh kompanij v lokal'nyh vooruzhennyh konfliktah [Private military companies: modern interests of transnational companies in local armed conflicts]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij = Issues of national and federal relations*, 2023, no. 1(94), pp. 230–235.

17. Polyakov E. M. Nasilie i politicheskij terrorizm v sovremennom mire [Violence and political terrorism in the modern world]. *Politicheskaya konceptologiya = Political Conceptology*, 2013, no. 2, pp. 236–246.

18. Zolotaryov P. S. Voennoe nayomnichestvo: osobennosti vozrozhdeniya v XXI veke [Military mercenary activity: features of revival in the XXI century]. *Rossiya i Amerika v XXI*

veke = *Russia and America in the XXI century*, 2019, no. 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760005943-4-1/> (accessed 11.08.2023).

19. Gubarev P. Fakel Novorossii [The Torch of Novorossiya]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016. 416 p.

20. Koryakin V. M. Social'noe obespechenie uchastnikov Special'noj voennoj operacii: problemnye voprosy [Social security of participants in a Special military operation: problematic issues]. *Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces – Military-legal review*, 2022, no. 4 (297), pp. 85–93.

Информация об авторе / Information about the Author

Цыбаков Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России, г. Химки, Российская Федерация, e-mail: d413839@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8240-6415

Dmitry L. Tsybakov, Doctor of Sciences (Political), Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russian Federation, e-mail: d413839@yandex.ru, ORCID: 000-0001-8240-6415

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-124-139>

Деятельность органов здравоохранения Курской области по обеспечению санитарно-эпидемиологической безопасности населения (1945-1965 годы)

В. В. Коровин¹, М. В. Яценко²✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: masha.yatzenko@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Охрана здоровья граждан является одной из важнейших задач государства. Роль компетентных в решении данного вопроса структур повышается в условиях распространения инфекционных заболеваний. Недавняя борьба с пандемией COVID-19 доказала необходимость объединения усилий органов власти, научных и лечебных учреждений, институтов гражданского общества для эффективного противостояния глобальным вызовам, угрожающим состоянию здоровья миллионов людей. Результативность принимаемых мер зависит от учета опыта, накопленного человечеством. Региональные практики противоэпидемиологической деятельности заслуживают внимания как в практическом, так и в научно-исследовательском плане. Указанная проблематика специально не рассматривалась в ретроспективном аспекте.

Цель. Раскрыть основные проблемы обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности населения Курской области в первые послевоенные десятилетия и роль в этом процессе региональных органов здравоохранения.

Задачи: на основе документальных источников охарактеризовать состояние санитарно-эпидемиологической службы региона, отразить их роль в предупреждении распространения и борьбе с инфекционными заболеваниями.

Методология. При написании работы авторы опирались на основополагающие методы исторической науки (принципы историзма и объективности), а также на ряд конкретно-исторических и общенаучных методов (аналитический, сравнительно-исторический, историко-генетический и пр.).

Результаты. Представленные материалы показывают, что медицинские учреждения, а также государственные и политические органы весьма серьезно и ответственно относились к преодолению эпидемиологических и инфекционных болезней. В тяжелейших послевоенных условиях удалось не только предотвратить распространение массовых эпидемий, но взять ситуацию под контроль, а в дальнейшем свести к минимуму многие эпидемиологические болезни.

Вывод. Благодаря принимаемым мерам в первой половине 1960-х годов практически исчезла заболеваемость сыпным тифом и рядом других болезней. Но полностью одержать победу над многими эпидемиологическими болезнями в исследуемый период еще не удалось. Оставалась весьма актуальной проблема борьбы с острыми кишечными инфекциями, в основном из-за довольно низкой санитарной культуры населения.

Ключевые слова: инфекционные заболевания; санитарно-эпидемиологическая служба; здравоохранение; Курская область; профилактика.

© Коровин В. В., Яценко М. В., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(5): 124–139

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2023 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Коровин В. В., Яценко М. В. Деятельность органов здравоохранения Курской области по обеспечению санитарно-эпидемиологической безопасности населения (1945-1965 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 124–139. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-124-139>.

Поступила в редакцию 29.08.2023

Принята к публикации 26.09.2023

Опубликована 30.10.2023

Activities of the Health Authorities of the Kursk Region to Ensure Sanitary and Epidemiological Safety of the Population (1945-1965)

Vladimir V. Korovin¹, Maria V. Yatsenko²✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: masha.yatzenko@yandex.ru

Abstract

Relevance. Protecting the health of citizens is one of the most important tasks of the state. The role of competent structures in solving this issue is increasing in the conditions of the spread of infectious diseases. The recent fight against the COVID-19 pandemic has proved the need to unite the efforts of authorities, scientific and medical institutions, and civil society institutions to effectively confront global challenges that threaten the health of millions of people. The effectiveness of the measures taken depends on taking into account the experience accumulated by mankind. Regional practices of anti-epidemic activities deserve attention both in practical and research terms. This problem was not specifically considered in retrospect.

Purpose. To reveal the main problems of ensuring sanitary and epidemiological safety of the population of the Kursk region in the first post-war decades and the role of regional health authorities in this process.

Objectives: to characterize the state of the sanitary and epidemiological service of the region on the basis of documentary sources, to reflect their role in preventing the spread and combating infectious diseases.

Methodology. When writing the work, the authors relied on the fundamental methods of historical science (the principles of historicism and objectivity), as well as a number of specific historical and general scientific methods (analytical, comparative-historical, historical-genetic, etc.).

Results. The presented materials show that medical institutions, as well as State and political bodies, took the overcoming of epidemiological and infectious diseases very seriously and responsibly. In the most difficult post-war conditions, it was possible not only to prevent the spread of mass epidemics, but to take the situation under control, and in the future to minimize many epidemiological diseases.

Conclusion. Thanks to the measures taken in the first half of the 1960s, the incidence of typhus and a number of other diseases practically disappeared. But it has not yet been possible to completely defeat many epidemiological diseases during the study period. The problem of combating acute intestinal infections remained very urgent, mainly due to the rather low sanitary culture of the population.

Keywords: infectious diseases; sanitary and epidemiological service; healthcare; Kursk region; prevention.

Funding: The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2023 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving individuals, society and the state" (No. 0851-2020-0033).

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Korovin V. V., Yatsenko M. V. Activities of the Health Authorities of the Kursk Region to Ensure Sanitary and Epidemiological Safety of the Population (1945–1965). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoryya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 124–139. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-124-139>

Received 29.08.2023

Accepted 26.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

В современный период мировая цивилизация столкнулась с рядом глобальных проблем, от решения которых зависит будущее нашей планеты. Одной из них стала пандемия коронавируса и ряд других эпидемий, борьба с которыми является одним из главных приоритетов. По уровню достижений здравоохранения в той или иной стране судят и о степени ее благополучия в целом.

Пандемия стала серьёзным испытанием и настоящей проверкой на прочность для российского здравоохранения и всей системы государства. Пожалуй, никогда в истории современной России так много не говорили о проблемах здравоохранения, как в последние годы.

В центре многих дискуссий стоят оценки советского опыта здравоохранения, насколько он может быть использован сейчас. Причём в этих дискуссиях, как правило, превалируют два крайних подхода. Первый заключается в тотальном отрицании всех достижений советского периода и его опыта. Второй, наоборот, идеализирует советское прошлое, видит в нём только положительные достижения, призывает к возврату в советское время. На наш взгляд, оба подхода являются необъективными, ненаучными, не позволяющими выявить реальную картину проходивших в СССР процессов, с её безусловными достижениями, но и многими недостатками в разных сферах, в том числе в развитии здравоохранения.

В современной исторической науке растёт потребность в работах, которые позволяли бы объективно, без каких-либо идеологических шор и пристрастий, проанализировать развитие нашей страны в советское время, в разных сферах, в том

числе здравоохранении, для извлечения как положительного опыта, так и ошибок и проблем, с которыми сталкивалось советское здравоохранение.

В ряду исследований советского периода следует выделить работы, рассматривающие общие проблемы советского здравоохранения [1–8] и публикации по проблемам развития данной отрасли в отдельных регионах страны [9–12]. Постсоветский период отличается поиском новых подходов к осмыслению рассматриваемой темы. В рамках этого периода также выделяются общие работы по истории советского здравоохранения [13–15], работы, отражающие региональный аспект проблемы [16–18]. Их характерной чертой является выполнение исследований на основе современных методологических принципов исторической науки с использованием авторами широкого круга впервые вводимых в научный оборот архивных источников.

На уровне Курской области в заявленных хронологических рамках проблема специально не исследовалась. В советский период историография здравоохранения Курской области базировалась на довольно узкой источниковой базе и в основном рассматривала успехи, достижения курского здравоохранения [19–20]. В ряду таких публикаций следует выделить работы М. А. Язвина, которые содержат ценные фактические данные, в том числе по исследуемому нами периоду [21–22].

Методология

Комплекс научных методов и принципов, использованных нами при написании настоящей работы, позволил решить все поставленные перед авторами задачи.

Помимо использования традиционных методологических принципов (объективность и принцип историзма), нами активно привлекался как общенациональный (аналитический метод, индуктивно-дедуктивный), так и специально-исторический инструментарий (сравнительно-исторический, историко-генетический методы).

Результаты и их обсуждение

В послевоенный период одной из главных проблем, с которой столкнулось курское здравоохранение, являлось массовое распространение эпидемиологических и инфекционных заболеваний как одно из последствий войны. Борьба с ними требовала больших усилий не только от органов здравоохранения, но и от всех государственных структур, общественности, конкретных граждан. Сложность этой борьбы заключалась в том, что за период оккупации была разрушена вся система санитарно-эпидемиологической службы Курской области.

Уже на 1 января 1945 г. была восстановлена до довоенного уровня сеть санэпидучреждений, а районных санэпидстанций стало даже больше на шестнадцать. К 1946 г. в Курской области функционировали: институт эпидемиологии и микробиологии, областные санитарно-эпидемиологическая, малярийная и туляремийная станции, 45 районных санитарно-эпидемиологических и 11 малярийных станций, 22 малярийных пункта [23, л. 10].

Однако в данном случае речь шла только о количественных показателях, без учёта уровня их материально-технического оснащения, наличия квалифицированных медицинских кадров и других качественных показателей, от которых в целом зависит эффективность санитарно-эпидемиологической работы. Но и достижение определённых количественных показателей в той тяжелейшей обстановке, которая складывалась в конце войны и первые послевоенные годы, было настоящим подвигом.

В результате улучшения санитарно-эпидемиологической работы в регионе уже 1946 г. дал значительное снижение инфекционных заболеваний по сравнению с 1945 г.: уровень заболевания сыпным тифом сократился на 60%, скарлатиной – на 42,5%, дифтерией – на 25%, корью – на 70%, малярией – на 48%, корью – на 50%. В то же время брюшной тиф в 1946 г. характеризовалсяростом в 3,3 раза, а дизентерия – в 4,2 раза [24, л. 24].

В 1947 г. особенно сложной оставалась ситуация с тифозными заболеваниями. Число больных сыпным тифом выросло с 372 в начале года до 616 в конце года, возвратным тифом – с 2 до 124. Рост заболеваемости тифом во многом был обусловлен дистрофией населения в большинстве районов Курской области из-за засухи 1946–1947 гг., большой миграцией населения, главным образом по железным дорогам, антисанитарными условиями в поездах и на вокзалах [25, л. 24]. Положение было настолько серьёзным, что потребовало принятия Советом Министров РСФСР 13 сентября 1947 г. специального постановления о борьбе с тифом, которое обязало местные Советы принять самое активное участие в этом деле, вплоть до принятия чрезвычайных мер. Курский облисполком во исполнение этого постановления принял и утвердил комплекс мероприятий по его реализации. Особое место в их реализации отводилось областной Чрезвычайной Противоэпидемиологической комиссии, на заседаниях которой заслушивались отчёты о проделанной работе руководителей горрайисполкомов, руководителей областных хозяйственных и коммунальных органов, администрации и санитарных служб железнодорожного транспорта и других органов. Кроме этого, облисполком требовал, чтобы нижестоящие органы постоянно давали информацию о ходе заболевания, о выполнении и невыполнении мероприятий по борьбе с ним.

В неблагополучные районы были отправлены 29 уполномоченных облисполкома, а также специальные противоэпидемиологические отряды, в которые входили не менее одного врача и двух средних медработников, а в отдельных случаях – два-три врача и несколько медработников. В основу мероприятий по борьбе с тифом были положены подворные обходы населённых пунктов с целью выявления очагов болезни. Кроме этого, уделялось внимание улучшению санитарно-гигиенического состояния населения, в том числе через расширение числа бань, снабжение населения дезинфицирующими средствами, в том числе мылом, дустом, которых было явно недостаточно. Под контроль были взяты потоки населения, перемещавшиеся по территории области и прибывавшие из других регионов. Проводились рейды по поездам, железнодорожным станциям, гостиницам, домам колхозника с целью выявления больных и потенциальных разносчиков болезней, с последующей их изоляцией [24, л. 14–16].

Кроме облздравотдела, который координировал в области работу по борьбе с эпидемиологическими заболеваниями, в 1946 г. в Курске был создан специальный институт эпидемиологии и микробиологии. Он осуществлял самую разнообразную деятельность. Прежде всего занимался методическим руководством, санэпидучреждениями, в том числе проверкой работы санэпидстанций, методическим руководством по организации и проведению прививок, проведением конференций и совещаний, направленных на улучшение санитарно-эпидемиологической работы в области, консультациями и инструктажем по вопросам эпидемиологии и микробиологии, подготовкой кадров, прежде всего лаборантских, по освоению ими техники получения разнообразных медицинских анализов. Кроме этого, он занимался осуществлением практической помощи органам здравоохранения, в частности принимал участие

в разработке плана по ликвидации паразитарных тифов в Курской области в годы четвёртой пятилетки. Им было проведено обследование и приняты меры по ликвидации вспышек эпидемии брюшного тифа в ряде районов области.

С целью ликвидации эпидемиологических вспышек туляремии в районы области выезжали 16 бригад в составе врачей и лаборантов. В рамках научно-исследовательской работы учёными института разрабатывались 10 тем по проблеме «Влияние последствий войны на развитие инфекционных заболеваний в городе Курске и области». Кроме этого, производственным отделом института за 1946 г. было изготовлено: 4047 л бактериофага, 25 л диагностикума, 125 л антитуберкульстой вакцины, 400 л противокоревой сыворотки [24, л. 128–131].

Для массово-оздоровительной и противоэпидемиологической работы среди населения широко привлекались представители медицинской общественности в лице санитарных постов и санитарных дружин, которые создавались в школах, в организациях, на предприятиях. Общественные санитарные инспекторы проводили большую работу по обследованию санитарного состояния дворов, улиц, выявлению очагов эпидемических заболеваний. В 1947 г. в Курске было проведено 1861 обследование в Ленинском районе, 1378 – в Сталинском, 2680 – в Дзержинском, 1360 – в Кировском. Только в Кировском районе было выявлено 48 очагов загрязнений и распространения очагов инфекционных заболеваний и были приняты меры по их устраниению [26, л. 24].

Санитарные дружины и санитарные посты регулярно проводили подворные и поквартирные обходы с целью выявления «завшивленных» семей, температурящих больных, помогали медицинским работникам в проведении прививок от эпидемических болезней. В результате за 1947 г. в области представителями санитарных дружин и санитарных постов было проведено 37 189 подворных обходов,

выявлено и ликвидировано 1163 загрязнённых очагов, 18 «завшивленных» семей, 43 температурящих больных [25, л. 6–7].

Благодаря принятым мерам к концу 1947 г. острота проблемы была снята, ситуация с паразитарными тифозными заболеваниями нормализовалась, но на протяжении всего исследуемого периода, полностью проблема не была решена. В документах Курского обкома партии отмечалось, что к концу 1949 г. хоть и удалось добиться резкого снижения заболеваемости сыпным тифом, полностью ликвидировать заболеваемость этой болезнью не получилось. Не удалось добиться резкого снижения заболеваемости острозаразными желудочно-кишечными заболеваниями, а дизентерия в 1949 г. даже дала незначительный рост. Отмечался рост заболеваемости по детским инфекциям – скарлатине и кори. Всё ещё высокой оставалась заболеваемость мальрией [27, л. 27–28].

О том, в каких тяжелейших условиях курскому здравоохранению приходилось вести борьбу с распространением различного рода эпидемий в конце 1940-х – начале 1950-х гг., свидетельствует информация о работе в это время Курской городской инфекционной больницы им. Семашко. Больница обслуживала инфекционных больных не только города, но и ряда районов области, а также больных, снятых с железнодорожного транспорта и военнослужащих [28, л. 2]. Примитивность больницы и её неприспособленность ко многим инфекциям, особенно смешанным, частое поступление значительного количества контактных больных и снятых с железнодорожного транспорта, давали случаи внутрибольничной инфекции и карантинизацию отделений больницы.

В ряде случаев городская санэпидстанция и лечебные учреждения города и села поздно и не всегда сообщали больнице о выявленных контактах, а это приводило к временному выключению того

или иного отделения больницы, сокращало коечный фонд и крайне осложняло работу больницы.

Рост скарлатины и других детских инфекций, наличие контактных больных и больных со смешанными инфекциями приводили к постоянной занятости больничного приёма и полубоксов. Даже при открытии филиала больницы на Мясницкой улице (ныне ул. Радищева) в Курске с 20 мая 1950 г. на 50 выздоравливающих скарлатинозных коек положение с больничной площадью оставалось очень напряжённым. Кабинет главного врача, контора и Красный уголок больницы были постоянно заняты больными. В отдельных случаях занималось и общежитие кочегаров. Все отделения больницы были крайне перегружены, особенно детское дизентерийное отделение, где на одних койках с грудными детьми вынужденно находились кормящие матери.

Постоянная теснота в больнице, опасность вспышки из-за этого внутрибольничных инфекций, отсутствие постоянного места приёма больных тяжело отражалось как на персонале больницы, особенно на дежурных врачах, так и на родственниках больных, которым приходилось длительное время ожидать, пока их больные будут приняты. Трудность обслуживания больных заключалась и в некомплекте медицинского персонала [28, л. 4–5]. Только медсестёр и санитарок не хватало более 60 человек [28, л. 115–117].

По инициативе больницы отказов в госпитализации инфекционным больным не было. В сентябре 1950 г. больные скарлатиной временно не принимались из-за абсолютной перегрузки больницы и её филиала [28, л. 10]. Кроме своих больных, врачи больницы безотказно консультировали всех больных города Курска, подозрительных по инфекциям. В условиях перегрузки и недостатка персонала коллектив больницы принимал меры к улучшению обслуживания больных. Большое количество тяжёлых инфекци-

онных больных старанием медицинского персонала выздоравливало. Но нередко имели место случаи летального исхода [28, л. 115].

Весьма сложная ситуация складывалась и в районных больницах. Так, в Глушковской районной больнице в течение 1952–1953 гг. был осуществлен капитальный ремонт стационара, проведены водопровод и канализация, для стационарных больных приобретён твёрдый и мягкий инвентарь, открыта столовая, стал функционировать физиотерапевтический кабинет. Однако инфекционное отделение не было изолировано и оказалось не приспособлено к работе, в нём могли находиться больные с разными инфекционными заболеваниями. Обслуживающий персонал вынужден был контактировать с носителями разных инфекций и часто выступал разносчиком заболеваний [29, л. 31–32].

В 1954 г. фиксировался значительный рост числа детских заболеваний коклюшем: 876 случаев этого заболевания в сравнении с 806 за 1953 г. Многие заболевшие коклюшем посещали детские сады. Рост заболеваний в них объяснялся размещением в приспособленных помещениях с недостаточной площадью, что не позволяло организовать карантинные группы. Ввиду того, что медицинские работники в детских садах бывали не каждый день, несвоевременно выявлялись больные и подозрительные на коклюш дети. Отмечались и случаи заноса инфекции в детские учреждения по вине участковых врачей.

Медицинским учреждениям области пришлось принимать серьёзные меры, прежде всего карантинного характера, чтобы подавить вспышку коклюша. Из числа заболевших 8 человек было госпитализировано в инфекционную больницу ввиду того, что к основному заболеванию присоединялись осложнения, главным образом пневмония. На детские учреждения, где были зарегистрированы случаи заболевания коклюшем, накладывался

карантин. Контактные с больными коклюшем не допускались в детские коллективы до истечения карантинного срока [30, л. 7–10]. В результате вспышку коклюша удалось локализовать, а потом и преодолеть.

Главные причины широкого распространения инфекционных заболеваний в это время – низкий уровень санитарного состояния городов, посёлков, сельских поселений, в целом невысокий уровень гигиенической культуры населения, что приводило время от времени к вспышкам тех или иных заразных и инфекционных болезней.

Тесную связь распространения инфекционных заболеваний с неблагоприятной окружающей средой хорошо осознавали в санитарно-эпидемиологических учреждениях области. Основные мероприятия санитарно-эпидемиологической службы в области жилищно-коммунальной санитарии были направлены на улучшение санитарного состояния коммунальных объектов и их благоустройство.

Областной санитарно-эпидемиологической станцией был составлен комплексный план, согласно которому намечалось проведение ряда неотложных мероприятий, в их числе: установление систематического контроля за качеством питьевой воды в 4-х коммунальных водопроводах области, а также всех источников централизованного хозяйствственно-питьевого водоснабжения в районах; организация наблюдения за соблюдением режима в больнично-поликлинических учреждениях, а также проведение санитарной паспортизации лечебно-профилактических учреждений области; организация контроля за проведением весенней очистки, а также текущей очистки, с одновременным проведением мероприятий по уничтожению мух [31, л. 5].

12 апреля 1954 г. Курским облисполкомом было вынесено подготовленное облсанэпидстанцией постановление «О мероприятиях по резкому снижению ин-

фекционных заболеваний и ликвидации пищевых отравлений». В соответствии с указанным постановлением облсанэпидстанцией во все районы области были разосланы инструктивные письма по организации и контролю за проведением весенней очистки.

Месячник весенней очистки был проведен во всех городах и районах области. К работе по организации весенней очистки привлекались депутаты местных советов, колхозный актив, работники коммунального хозяйства, профорганизации и медицинские работники. Для вывоза мусора и нечистот широко использовался автогужевой транспорт ведомственных организаций совхозов и подсобных хозяйств. Мусор и нечистоты вывозились в основном на поля в качестве удобрения и частично на свалки, которые имелись в 8 районах области и в г. Курске. Всего за время весенней очистки был очищен 3461 колодец, отремонтировано 949 и вновь построено 158 природных источников воды.

Однако коренного перелома в этом вопросе не произошло. Неудовлетворительно текущая очистка проводилась в гг. Курск, Рыльск и Щигры, а также в ряде районов области [31, л. 11]. В результате в 1956 г. сохранялись прежние проблемы водоснабжения населения. Больше половины жителей региона пользовались водой из шахтных колодцев, которые в большинстве случаев находились в неудовлетворительном санитарно-техническом состоянии: 95% колодцев не имели общественных ведер, 93% не имели крышек и навесов, 40% требовали ремонта. В некоторых населённых пунктах Обоянского, Фатежского, Больше-Солдатского и ряда других районов Курской области население вынуждено брать воду из рек, которые сильно загрязнялись.

В Курске отсутствовала канализация, нечистоты вывозились не более чем на 40%, однако при этом темпы строительства канализации оставались очень низкими. Она строилась в течение 7 лет и ни

один участок к 1956 г. не работал. Горсовет не привлекал промышленные предприятия к долевому участию в строительстве канализации, как это делалось в других регионах. Большая часть нечистот спускалась в поглощающие скважины, что было запрещено неоднократными решениями правительства.

Не случайно в Курской области за 1956 г. фиксировался рост таких инфекций, как брюшной тиф (на 66,6%), острая дизентерия (на 6%), хроническая дизентерия (на 37,3%), дифтерия выросла в 2,1 раза, полиомиелит – в 2,2 раза.

Министр здравоохранения РСФСР С. В. Курашов приказом от 13 ноября 1956 г. отметил Курскую область как неблагополучную по желудочно-кишечным заболеваниям, и особенно по брюшному тифу, и потребовал мобилизации медицинских работников и общественности для ликвидации вспышек этих болезней [32, л. 34–42].

В материалах Курского обкома КПСС по итогам работы органов здравоохранения за 1958 г. отмечалось, что органы здравоохранения добились некоторого улучшения в лечебной работе, заключавшегося в снижении заболеваемости по ряду инфекционных болезней: брюшным тифом – на 33,4%; дизентерией – на 8,9%, корью и коклюшем – на 17–15%, гриппом – в 17 раз [32, л. 38–40].

Однако к концу 1950-х гг. в Курской области по-прежнему, хотя и не в таких масштабах, как во второй половине 1940-х гг., сохранялись такие грозные и опасные заболевания, как брюшной тиф (0,7 заболеваний на 10 тыс. населения), сыпной тиф (0,3), дифтерия (4,1), полиомиелит (0,8) и другие [33, л. 47]. Правда, в 1959 г. было достигнуто снижение заболеваемости по некоторым инфекциям: по острой дизентерии – с 19,8 до 17,8 случаев на 10 тыс. населения, дифтерии – с 4,1 до 1,6, кори – с 83,5 до 60,4, полиомиелиту – с 0,8 до 0,6. В то же время имелся рост заболеваемости по сумме острых кишечных заболеваний с 77,7 до

107,0 на 10 тыс. населения, болезни Боткина – с 10,6 до 12,4, скарлатине – с 19,1 до 30,9 и др.

Грипп, в связи с имевшей место вспышкой, дал рост с 550 случаев на 10 тыс. населения до 1200 случаев. Это означало, что в 1958 г. 12% всего населения области переболело гриппом и катарам верхних дыхательных путей.

Анализ инфекционной заболеваемости за первые четыре месяца 1960 г. показал весьма неутешительные результаты деятельности в сравнении с тем же периодом предыдущего года, особенно по болезни Боткина и скарлатине, имевших тенденцию к дальнейшему росту: первая из них дала рост на 73%, а скарлатина – в 4 раза. Острая дизентерия также дала рост на 27,8%, токсическая диспепсия – на 32%.

По болезни Боткина особое неблагополучие отмечалось в г. Курске, было выявлено 27% случаев от общеобластной заболеваемости, а на 10 тыс. населения в 1959 г. – 25 случаев (при среднеобластном показателе 12,4), т. е. в 2 раза больше. Высокий уровень заболеваемости этой болезнью отмечался среди детей, особенно школьного возраста, что следовало связать с неудовлетворительным санитарно-эпидемиологическим режимом в школах и дошкольных детских учреждениях. Серьёзным недостатком в этом деле была неполная и несвоевременная госпитализация больных.

За 4 года было достигнуто неуклонное снижение заболеваемости дифтерией: с 7,7 на 10 тыс. населения в 1956 г. до 1,6 в 1959 г. Особенно значительных успехов добились медработники г. Курска, где заболеваемость дифтерией в 1959 г., по сравнению с 1958 г., была снижена в 9,4 раза, а за 1-й квартал 1960 г., в сравнении с тем же периодом 1959 г., имелось дальнейшее снижение в 10 раз. Эти результаты стали возможны благодаря проведенной работе по повышению квалификации врачей-педиатров и инфекционистов, упорядочению учёта континген-

тов, подлежащих прививкам и своевременному их проведению.

Наряду с этим заболеваемость дифтерией оставалась высокой в Льговском районе – 7,2 на 10 тыс. населения; Тимском – 6,5; Горшеченском – 5,5; Кореневском – 5,3; Поныровском – 5,0 и некоторых других. Кроме того, в Горшеченском, Дмитриевском, Льговском, Михайловском и Конышёвском районах оказалась высока летальность от дифтерии, в результате чего летальность от этого заболевания в целом по области за 4 года возросла более чем в 3 раза. Основная причина летальности – токсичная форма дифтерии зева.

За 1959 г. был достигнут определенный прогресс в пропаганде санитарных знаний: прочитано свыше 10 тыс. лекций и проведено более 120 тыс. бесед. Чаще стали печатать статьи по медицинским и санитарно-гигиеническим проблемам в местной печати и практиковать чтение таких лекций по местному радио (290 лекций за год). Дом санитарного просвещения и обком Красного Креста издали массовыми тиражами (более 200 тыс. экземпляров) различные памятки, листовки, плакаты, лозунги, а также направили на места 47 тыс. различных санитарно-просветительных брошюр [34, л. 19–23].

В постановлении бюро Курского обкома КПСС и исполнкома Курского областного совета депутатов трудящихся «Постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР “О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения РСФСР”», принятого в мае 1960 г., ставилась задача обязать областной отдел здравоохранения, горком и райкомы КПСС, горрайисполкомы, в соответствии с планом мероприятий, разработанным Министерством здравоохранения СССР и Академией медицинских наук, обеспечить ликвидацию в ближайшие годы дифтерии, туляремии, бруцеллоза, сыпного тифа, сифилиса, полиомиелита, трахомы, а также резкое снижение

заболеваемости брюшным тифом, коклюшем, аскариозом, острыми кишечными инфекциями. Для осуществления указанных мероприятий следовало привлечь к активному участию медицинский институт и ряд других организаций.

В январе 1961 г. были разработаны и разосланы в районы Курской области рекомендации по составлению плана мероприятий, обеспечивающих резкое снижение заболеваемости острыми инфекционными болезнями и улучшение санитарного состояния населённых мест. В мае 1961 г. состоялся актив, на котором был освещён вопрос о состоянии заболеваемости острыми инфекционными болезнями и борьбы с нею.

На базе областной баклаборатории были организованы 2-месячные курсы, на которых прошли подготовку 6 врачей и 6 средних медработников. Состоялись семинары по контролю за качеством пастеризации молочных продуктов, витаминизации и лабораторному контролю за качеством питьевой воды. Были проведены 5-месячные курсы для 25 дезинструкторов. Кроме того, в октябре были организованы 3-месячные курсы по подготовке 25 дезинфекторов. На базе инфекционной больницы г. Курска проведен двухнедельный семинар для 15 врачей из районов области по диагностике острых кишечных инфекций.

Состоялись 2 заседания методического совета по заболеваемости дифтерией. По итогам прошедших методсоветов были определены лечебно-профилактические и противоэпидемические мероприятия, направленные на резкое снижение острых кишечных заболеваний и ликвидацию дифтерии. В районы области были разосланы инструктивно-методические письма по специфической профилактике столбняка, по проведению коклюшно-дифтерийных прививок, по организации и проведению весенней очистки, проведению летней оздоровительной кампании, профилактике пищевых отравлений, предупредительному санитарному надзо-

ру за проектированием и застройкой населённых мест и др.

В целях своевременной госпитализации больных острыми кишечными заболеваниями в 1-й городской больнице, во 2-й детской больнице и больнице им. Семашко были перепрофилированы 320 коек. Для оказания практической и методической помощи районам в проведении мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями и по улучшению санитарного состояния населённых мест состоялось 113 выездов врачами областной санэпидстанции и 107 – средними медицинскими работниками.

При выездах в районы одновременно с эпидемиологическим и санитарным обследованием проводились лабораторные исследования: обследование на бациллоносительство кишечных инфекций, дифтерии, смывы с рук персонала и оборудование в пищевых объектах, детских лечебно-профилактических учреждениях. Производился отбор проб воды, воздуха, пищевых продуктов.

Бактериологическими лабораториями Курской области было проведено 13 575 анализов на кишечные инфекции, из них 48 150 – на тифопаратифозную группу, положительных – 22. С целью обследования лиц особо опасных профессий было выполнено 47 258 профилактических анализов, не давших положительной реакции. На дизентерию было сделано 87 025 анализов (923 положительных), из них профилактических – 60 682 (213 положительных). На дифтерию был выполнен 47 361 анализ (390 положительных).

За 9 месяцев 1961 г. санитарно-гигиенической лабораторией облсанэпидстанции было проведено 2482 химических и бактериологических анализов питьевой воды, 1377 – пищевых продуктов и 926 анализов воздушной среды на промышленных предприятиях.

С целью создания иммунитета среди населения проводились профилактические прививки как среди детского, так и

среди взрослого населения. Так, за 10 месяцев 1961 г. план профилактических прививок против тифопаратифозных инфекций был выполнен на 107%.

Прививки проводились среди населения, проживающего в населённых пунктах, неблагополучных по заболеваемости брюшным тифом и угрожающим группам населения. План вакцинации против дифтерии был выполнен на 88,1%, план отдалённой ревакцинации – на 106,4%. Были проведены прививки против полиомиелита всему населению в возрасте от 2 месяцев до 20 лет.

В результате проведённых профилактических и противоэпидемических мероприятий распространение ряда инфекционных заболеваний за 10 месяцев 1961 г., по сравнению с таким же периодом 1960 г., значительно снизилось: по группе острых кишечных заболеваний – на 27,8%, в том числе острой дизентерии – на 20,2%. Интенсивный показатель на 10 000 населения группы острых кишечных заболеваний составил 77% по сравнению с 106,7% того же периода 1960 г.

За 10 месяцев 1961 г. в Курской области было зарегистрировано 66 заболеваний брюшным тифом (за тот же период 1960 г. – 75). Интенсивный показатель в 1961 г. составил 0,4 (в 1960 г. – 0,5). Заболеваемость брюшным тифом регистрировалась в 18 районах области и г. Курска, причём в 16 районах было зарегистрировано от 1 до 3 случаев заболеваний, в Льговском районе – 13 случаев, в Михайловском – 8, в Курске – 13. Больные брюшным тифом госпитализировались в 100% случаев заболеваемости. Групповых заболеваний и вспышек дизентерии и брюшного тифа не отмечалось.

Сыпной тиф в 1959–1961 гг. регистрировался единичными случаями. За 10 месяцев 1961 г. было зарегистрировано 12 случаев (за тот же период 1960 г. – 14). Заболеваемость регистрировалась в 9 районах области и в г. Курске. Следует отметить, что в 12 районах области сып-

ной тиф не регистрировался на протяжении четырех лет. Заболеваемость полиомиелитом снизилась в 2 раза, коклюшем – на 21,6%.

С 1960 г. было начато проведение профилактических прививок против коклюша. Всего за 10 месяцев 1961 г. было привито 10 823 человека. Кроме того, проводилось введение коклюшной вакцины с лечебной целью в очагах заболевания детям, контактировавшим с больными коклюшем.

По Курской области были проведены смотры санитарного состояния предприятий мясомолочной промышленности и молочно-товарных ферм, предприятий общественного питания и торговли, пищекомбинатов и предприятий безалкогольной промышленности, подготовленности к работе в летний период санаториев и домов отдыха, детских сезонных яслей, санитарного состояния школ-интернатов, детских домов, полевых станов, условий работы с ядохимикатами при применении их в сельском хозяйстве.

В г. Курске были созданы комитеты содействия, на заседаниях которых ежемесячно обсуждались вопросы санитарного состояния и благоустройства закреплённых за ними участков.

30 марта 1961 г. облздравотдел издал приказ № 248 об усилении контроля за соблюдением санитарного режима на предприятиях общественного питания. Был разработан и направлен в районы области комплексный план мероприятий по предупреждению пищевых отравлений [36, л. 6–13].

23 апреля 1963 г. состоялось областное совещание санитарных врачей, эпидемиологов, инфекционистов, бактериологов и педиатров, которое рассмотрело вопрос о санитарно-эпидемиологическом состоянии области и задачах на 1963 г. На совещании отмечалось, что благодаря проведённой работе в начале 1960-х гг. наблюдалась тенденция к снижению большинства инфекционных и эпидемиологических заболеваний. Однако достиг-

нутые успехи всё же были далеки от тех темпов, которые были запланированы в совместном постановлении бюро ЦК КПСС и Совета Министров РСФСР.

Значительные успехи были достигнуты в борьбе с дифтерией. В 1962 г. продолжалось общее снижение заболеваемости дифтерией, которое наблюдалось с 1959 г.: в 1958 г. – 4,1; в 1959 г. – 1,6; в 1960 г. – 1,2; в 1961 г. – 1,3; в 1962 г. – 0,6 на 10 тыс. населения. Из 34 городов и районов Курской области дифтерия имела место в 15 (в 1961 г. – 22). Наиболее интенсивно шло снижение заболеваемости в г. Курске – почти в 5 раз. В то же время ошибки в диагностике дифтерии, поздняя госпитализация больных влекли за собой летальный исход. В 1962 г. было 4 случая летального исхода.

Отмечалось, что в ряде районов имелись серьёзные недостатки в проведении профилактических прививок против дифтерии, отсутствовал точный учёт детей, подлежащих прививкам, несвоевременно и некачественно проводились вакцинация и ревакцинация.

К 1963 г. практически удалось ликвидировать распространение сыпного тифа, заболеваемость которым имела единичный характер. В 16 районах он вообще не регистрировался в течение 3–7 лет. Такая же ситуация была и с туляремией, которая не регистрировалась в области с 1957 г. Однако не до конца ещё был побеждён брюшной тиф. В 1962 г. было зарегистрировано 100 случаев заболевания им.

Наибольший удельный вес в общей инфекционной заболеваемости за 1962 г. составила группа острых кишечных заболеваний – 41%, несмотря на то, что в 1962 г. она дала снижение на 12%. Интенсивный показатель заболеваемости острыми кишечными инфекциями в 1962 г. составил 68 (среднереспубликанский за 1962 г. – 119,5) [37, л. 51–64].

В результате проделанной работы к 1965 г. были полностью ликвидированы такие заболевания, как малярия и бру-

целлёрз, резко снизилась заболеваемость столбняком, бешенством, полиомиелитом, дифтерией, трахомой, брюшным тифом и острыми кишечными инфекциями. Однако некоторые врачи и средние медицинские работники по-прежнему не владели в полной мере методами ранней диагностики инфекционных заболеваний, сохранялись недостатки и в организации прививочного дела [21, с. 181–182].

В течение 1963–1965 гг. в два раза и более сократилась заболеваемость корью среди детей младшего возраста (до 3-х лет) [21, с. 185].

Выводы

Таким образом, со второй половины 1940-х до середины 1960-х гг. в Курской области была проведена значительная работа по преодолению инфекционных и эпидемиологических болезней, которая дала весьма хорошие результаты, хотя ещё оставались и нерешённые проблемы.

Результаты исследования показывают, что медицинские учреждения, а также государственные и политические органы весьма серьёзно и ответственно относились к преодолению различного рода эпидемиологических и инфекционных болезней. Они понимали, что решить данную задачу можно лишь комплексно, с участием не только медицинских учреждений, но и широкой общественности, а также органов власти. Особенно наглядно это проявилось во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., когда в тяжелейших послевоенных условиях удалось не только предотвратить распространение массовых эпидемий, но и взять ситуацию под контроль, а в дальнейшем свести к минимуму грозные эпидемиологические болезни, такие как скарлатина, дифтерия, брюшной и сыпной тиф и ряд других.

В первой половине 1960-х гг. практически исчезла заболеваемость сыпным тифом и рядом других болезней, а заболеваемость брюшным тифом стала носить единичный характер. Резко снизи-

лась заболеваемость корью, скарлатиной, дифтерией, полиомиелитом, коклюшем.

В то же время, по нашему мнению, не следует слишком идеализировать советское здравоохранение в борьбе с различного рода инфекциями и эпидемиями. Как показывают материалы исследования, в деятельности органов и учреждений здравоохранения по борьбе с эпидемиями имели случаи и безответственности, халатности со стороны медицинских кадров, нарушения санитарных норм, что

приводило нередко (например, в больничных стационарах, где лежали инфицированные больные) к распространению внутрибольничных инфекций.

Полностью одержать победу над многими эпидемиологическими болезнями в исследуемый период ещё не удалось. Оставалась весьма актуальной проблема борьбы с острыми кишечными инфекциями, в основном из-за довольно низкой санитарной культуры населения, а также рядом других заболеваний.

Список литературы

1. Лисицын Ю. П. Здоровье населения и современные теории медицины: Критический анализ. М.: Мир; Ханой: Медицина, 1982. 326 с.
2. Петров Б. Д. Очерки истории отечественной медицины. М.: Медгиз, 1962. 303 с.
3. Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации: труды Второй конференции (17-19 декабря 1946 г.) / [ред. кол.: действ. чл. АМН Н. А. Семашко (отв. ред.) и др.]. М.: Академия мед. наук СССР, 1948. 127 с.
4. Современные вопросы теории, истории и организации здравоохранения: [материалы Итоговой конференции Ин-та о науч. исследованиях 1963 г.] / Ин-т организации здравоохранения и истории медицины им. И. А. Семашко. М., 1964. 186 с.
5. Морозов Н. Н. История здравоохранения СССР / под ред. Е. Д. Ашуркова и М. И. Барсукова; Ин-т организации здравоохранения и истории медицины им. И. А. Семашко. М., 1953. 96 с.
6. Очерки истории здравоохранения СССР. (1917–1956 гг.) / под ред. проф. М. И. Барсукова. М.: Медгиз, 1957. 394 с.
7. Некоторые вопросы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины: сборник статей / под ред. доц. И. Г. Виноградова; Свердл. гос. мед. ин-т. Свердловск, 1971. 134 с.
8. Заблудовский П. Е. История медицины и здравоохранения. М., 1971. 120 с.
9. Становление охраны здоровья народа на Южном Урале / Д. К. Соколов, Р. С. Алексеева, Г. Ф. Ерёмин, А. С. Старицын. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970. 87 с.
10. Фурменко И. П. Очерки истории здравоохранения Воронежского края. Ч. 1. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1968. 223 с.
11. Козлов А. Г. Из истории здравоохранения Колымы и Чукотки (1941–1954 гг.). Магадан: Кн. изд-во, 1991. 118 с.
12. Федотов Н. П. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 280 с.
13. Давыдова Т. В. Реформирование советского здравоохранения в послевоенные годы: исторический анализ // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 8 (148). С. 164–170.

14. Сорокина Т. С. История медицины. М.: Академия, 2014. 558 с.
15. Самойлов В. О. История российской медицины. М.: Эпидавр, 1997. 197 с.
16. История здравоохранения Ивановской области / под ред. О. В. Тюрина, Е. К. Баклушкина. Иваново: ПресСто, 2018. 214 с.
17. История здравоохранения Орловской области, 1708-2007: творчество, поиск, память / Орловское обл. упр. Здравоохранения и др.; отв. ред. П. И. Гуров. Орел., 2007. 527 с.
18. Гончар Н. Т. История здравоохранения Псковской области. Псков: Сиерх, 2003. 146 с.
19. За охрану здоровья трудящихся: сборник / Курск. обл. отдел здравоохранения; Курский областной комитет общества Красного Креста; редкол.: В. В. Куликов [и др.]. Курск: Кн. изд-во, 1961. 66 с.
20. Колесников Е. Ф. Здравоохранение Курской области за 50 лет / Курск. обл. отдел здравоохранения, Дом санитарного просвещения. Курск, 1969. 23 с.
21. Язвин М. А. Очерки по истории здравоохранения Курской области. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. 195 с.
22. Язвин М. А. Прошлое и настоящее здравоохранения города Курска: историческая литература / Курск. обл. отдел здравоохранения. Курск, 1967. 44 с.
23. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-215. Оп. 1. Д. 38.
24. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 11.
25. ГАКО. Ф. 5288. Оп. 1. Д. 7.
26. ГАКО. Ф. 5288. Оп. 1. Д. 4.
27. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1388.
28. ГАКО. Ф. Р-303. Оп. 1. Д. 20.
29. ГАОПИКО. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 1.
30. ГАКО. Ф. Р-215. Оп. 1. Д. 201.
31. ГАКО. Ф. Р-215. Оп. 1. Д. 200.
32. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2737.
33. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 1063.
34. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 917.
35. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3428.
36. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 1070.
37. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 938.

References

1. Lisicyn Yu. P. Zdorov'e naseleniya i sovremennye teorii mediciny: Kriticheskij analiz [Public health and modern theories of medicine: A Critical Analysis]. Moscow, Mir Publ.; Hanoj, Medicina Publ., 1982. 326 p.
2. Petrov B. D. Ocherki istorii otechestvennoj mediciny [Essays on the history of domestic medicine]. Moscow, Medgiz Publ., 1962. 303 p.
3. Mediko-sanitarnye posledstviya vojny i meropriyatiya po ih likvidacii: trudy Vtoroj konferencii (17-19 dekabrya 1946 g.) [Medical and sanitary consequences of the war and measures to eliminate them: proceedings of the Second Conference (December 17-19, 1946)]; ed. by N. A. Semashko, eds. Moscow, Akademiya med. nauk SSSR Publ., 1948. 127 p.

4. Sovremennye voprosy teorii, istorii i organizacii zdravooхранения. Materialy Itogovoj konferencii In-ta o nauch. issledovaniyah 1963 g. [Modern issues of theory, history and organization of healthcare. Materials of the Final Conference of the Institute of Scientific Research in 1963]. Moscow, In-t organizacii zdravooохранения i istorii mediciny im. I. A. Semashko Publ., 1964. 186 p.
5. Morozov N. N. Iстория здравоохранения СССР [History of healthcare in the USSR]; ed. by E. D. Ashurkova i M. I. Barsukova. Moscow, In-t organizacii zdravooохранения i istorii mediciny im. I. A. Semashko Publ., 1953. 96 p.
6. Ocherki istorii zdravooохранения СССР. (1917–1956 gg.) [Essays on the history of healthcare in the USSR. (1917–1956)]; ed. by M. I. Barsukova. Moscow, Medgiz Publ., 1957. 394 p.
7. Nekotorye voprosy social'noj gigieny, zdravooохранения i istorii mediciny. Sbornik statej [Some issues of social hygiene, health care and the history of medicine]; ed. by I. G. Vinogradova. Sverdlovsk, Sverdlovsk gos. med. in-t Publ., 1971. 134 p.
8. Zabladovskij P. E. Iстория mediciny i zdravooохранения [History of medicine and healthcare]. Moscow, 1971. 120 p.
9. Sokolov D. K., Alekseeva R. S., Eryomin G. F., Staricyn A. S. Stanovlenie ohrany zdorov'ya naroda na Yuzhnom Urale [Formation of public health protection in the Southern Urals]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1970. 87 p.
10. Furmenko I. P. Ocherki istorii zdravooохранения Voronezhskogo kraja [Essays on the history of healthcare in the Voronezh Region]. Voronezh, Voronezh. un-t Publ., 1968. pt. 1. 223 p.
11. Kozlov A. G. Iz istorii zdravooохранения Kolomy i Chukotki (1941–1954 gg.) [From the history of healthcare in Kolyma and Chukotka (1941–1954)]. Magadan, Kn. izd-vo, 1991. 118 p.
12. Fedotov N. P. Ocherki po istorii mediciny i zdravooхранения Sibiri [Essays on the history of medicine and healthcare in Siberia]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1975. 280 p.
13. Davydova T. V. Reformirovanie sovetskogo zdravooхранения v poslevoennye gody: istoricheskij analiz [The Reform of Soviet healthcare in the Post-war years: a historical analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2015, no. 8(148), pp. 164–170.
14. Sorokina T. S. Iстория mediciny [History of medicine]. Moscow, 2014. 558 p.
15. Samojlov V. O. Iстория rossijskoj mediciny [History of Russian Medicine]. Moscow, Epidavr Publ., 1997. 197 p.
16. Iстория здравоохранения Ivanovskoj oblasti [History of healthcare in the Ivanovo region]; ed. by O. V. Tyurin, E. K. Baklushin. Ivanovo, PresSto Publ., 2018. 214 p.
17. Iстория здравоохранения Orlovskoj oblasti, 1708–2007: tvorchestvo, poisk, pamyat' [The history of healthcare in the Orel region, 1708–2007: creativity, search, memory]; ed. by P. I. Gurov. Orel, Orlovskoe obl. upr. Zdravooхранениya, 2007. 527 p.
18. Gonchar N. T. Iстория здравоохранения Pskovskoj oblasti [History of healthcare in the Pskov region]. Pskov, Sierh Publ., 2003. 146 p.
19. Za ohranu zdorov'ya trudyashchihsya. Sbornik [For the protection of workers' health. Collection]; ed. by V. V. Kulikov, eds. Kursk, Kn. izd-vo, 1961. 66 p.
20. Kolesnikov E. F. Zdravooхранение Kurskoj oblasti za 50 let [Health care of the Kursk region for 50 years]. Kursk, Kurskij oblastnoj otdel zdravooхранениya, 1969. 23 p.
21. Yazvin M. A. Ocherki po istorii zdravooхранения Kurskoj oblasti [Essays on the history of healthcare in the Kursk region]. Voronezh, Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1969. 195 p.
22. Yazvin M. A. Proshloe i nastoyashchee zdravooхранениya goroda Kurska. Istoricheskaya literatura [The past and present of the health care of the city of Kursk. Historical literature]; ed. by E. F. Kolesnikov. Kursk, Kurskij oblastnoj otdel zdravooхранениya, 1967. 44 p.

23. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-215, op. 1, d. 38.
24. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 11.
25. GAKO, f. 5288, op. 1, d. 7.
26. GAKO, f. 5288, op. 1, d. 4.
27. GAOPIKO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk region], f. 1, op. 2, d. 1388.
28. GAKO, f. R-303, op. 1, d. 20.
29. GAOPIKO, f. 1309, op. 1, d. 1.
30. GAKO, f. R-215, op. 1, d. 201.
31. GAKO, f. R-215, op. 1, d. 200.
32. GAOPIKO, f. 1, op. 1, d. 2737.
33. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 1063.
34. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 917.
35. GAOPIKO, f. 1, op. 1, d. 3428.
36. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 1070.
37. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 938.

Информация об авторах / Information about the Authors

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vlavikor@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Vladimir V. Korovin, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vlavikor@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Яценко Мария Владимировна, ассистент кафедры истории государства и права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: masha.yatzenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1208-2037

Maria V. Yatsenko, Assistant of the Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation,
e-mail: masha.yatzenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1208-2037

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).470.56

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-140-151>**Комбинирование методов захвата однодворческой земли
чиновниками Центрального Черноземья со второй половины
XVII по конец XVIII столетия****К. Б. Кудланов**

¹ Курская академия государственной и муниципальной службы
ул. Станционная, д. 9, г. Курск 305044, Российская Федерация

e-mail: Kudlanov777@mail.ru

Резюме

Актуальность. Объёмы перераспределения земельного фонда однодворцев напрямую зависели от успешности комбинирования методов захватов земли чиновниками. Для потомков мелких служилых людей Центрального Черноземья озвученный вопрос был настолько актуальным, что существенно влиял на их имущественное положение и выбор среды обитания.

Цель. Изучение сочетания различных методов захвата однодворческой земли чиновниками Центрального Черноземья с середины XVII по конец XVIII века.

Задачи состоят в исследовании отдельных и поочерёдных методов захвата однодворческой земли чиновниками, а также многоразовых земельных приобретений некоторых предстоящих «у дел» вместе с их прямыми потомками.

Методология. В процессе работы использовались аналитико-синтетический и сравнительно-исторический методы, а также ретроспективный и историографический анализ.

Результаты. В исследовании автор показывает всю структуру методов захватов однодворческой земли чиновниками, предоставляя статистическое сравнение их применения на практике. Затем исследователь изучает комбинированное использование разных способов завладений, которые для успеха чередовались на всех уровнях (подвидов, видов и методов). Наконец, автор исследует многоразовые захваты однодворческой земли чиновниками вместе с их коллективными завладениями целыми родами.

Выход. Причина комбинирования способов захвата крылась в стойкости однодворцев и корыстолюбии отдельных чиновников. Прекращение череды попыток по завладению земли обусловливалась успешностью той или иной стороны. Разнообразие сочетания методов зависело как от чиновников, так и от однодворцев, например, характере захватчика и потерпевшего. Многогранность завладений простиралась вместе с полномочиями предстоящего «у дел» по прогрессии: чем выше положение, тем шире перечень его возможностей, и чем ниже уровень захватчика, тем грубее он применял методы завладений. В целом процесс перераспределения земельного фонда однодворцев Центрального Черноземья не был индивидуальным явлением, так как в нём участвовали несколько поколений всех задействованных в процессе сторон.

Ключевые слова: однодворцы; чиновники; предстоящие «у дел»; захват; завладение земли; землевладение; Центральное Черноземье.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кудланов К. Б. Комбинирование методов захвата однодворческой земли чиновниками Центрального Черноземья со второй половины XVII по конец XVIII столетия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 140–151. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-140-151>.

Поступила в редакцию 03.08.2023

Принята к публикации 26.09.2023

Опубликована 30.10.2023

Combining the me Thods of Smallholders Land Capture by Officials of the Central Chernozem Region from the Second half of XVII by the end of XVIII Century

Konstantin B. Kudlanov¹

¹Kursk Academy of State and Municipal Service
9 Stantsionnaya Str., Kursk 305044, Russian Federation
 e-mail: Kudlanov777@mail.ru

Abstract

Relevance. The volume of redistribution of the smallholder land fund directly depended on the success of combining the methods of land seizures by officials. For the one-courtyard people of the Central Chernozem region, the voiced question was so relevant that it significantly influenced their property status and choice of habitat.

Purpose. The study of a combination of various methods of capturing one-courtyard people's land by officials of the Central Chernozem region from the middle of XVII-th to the end of XVIII-th century.

Objectives consist of the study of individual and successive methods of seizing smallholder land by officials, as well as reusable land acquisitions by individuals upcoming «in business» together with their direct descendants.

Methodology. In the process of the work were used analytical-synthetic and comparative-historical methods, as well as retrospective and historiographical analyses.

Results. In the study, the author shows the whole structure of the methods of seizing one-courtyard people's land by officials, providing a statistical comparison of their application in practice. Then the researcher studies of the combined use of different methods of possession, which alternate at all levels (subtypes, types, and methods) for success. Finally, the author examines the multiple acquisitions of smallholder land by officials, along with their collective seizures by entire clans.

Conclusion. The reason for combining the methods of capture lay in the steadfastness of the one-courtyard people and the greed of individual officials. The cessation of a series of attempts to seize the land was determined by the success of one side or another. The variety of combinations of methods depended on both officials and one-courtyard people. For example, the characters of the invader and the victim. The versatility of possessions expanded with the powers of the upcoming «in business» in progression: the higher the position, the wider the list of its capabilities, and the lower the level of the invader, the more rudely he applied the methods of seizures. On the whole, the process of redistributing the land fund of the one-courtyard people of the Central Chernozem region was not an individual phenomenon, since it involved several generations of all parties involved in the process.

Keywords: smallholders; officials; upcoming «in business»; seizures; land acquisition; land ownership; Central Chernozem region.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kudlanov K. B. Combining the meThods of Smallholders Land Capture by Officials of the Central Chernozem Region from the Second half of XVII by the end of XVIII Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istochnika i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 140–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-140-15133>

Received 03.08.2023

Accepted 26.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Для исследования темы комбинирования методов захвата чиновниками Центрального Черноземья (далее – ЦЧ) с середины XVII по конец XVIII в. используются как различные неопубликованные

источники, так и труды исследователей всех эпох отечественной историографии. Несмотря на обилие материала, в котором тем или иным образом освещаются захваты однодворческой земли [1, с. 170–420; 2–5; 6, с. 239–259; 7–11; 12, с. 65–83;

13, с. 50–65; 14], автор не обнаружил ни одной работы, посвящённой теме сочетания методов её завладения. Озвученное подтверждает совершенную новизну настоящего исследования и её актуальность.

Методология

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении роли чиновников в перераспределении земельного фонда однодворцев; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (определенные комбинации захватов предстоящими «у дел») в широкий историографический контекст.

Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления способов отбиりания однодворческой земли. Соединение общих и уникальных явлений выявило особенности сочетания разных методов завладения земли потомков мелких служилых людей. Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения различных способов захвата земли. Историко-типологический метод позволил установить роль чиновнических ухищрений в завладениях однодворческих угодий в ретроспективе всего перераспределения земельного фонда потомков мелких служилых людей.

Результаты и их обсуждение

Для исследования совмещения предстоящими «у дел» различных методов захватов однодворческой земли необходимо сначала перечислить их всё по отдельности. Всего существовало 5 таких методов. Первый подразумевал единоличный захват самого предстоящего «у дел», а второй – подобное действие, только в кооперации с другими участниками преступления. Два упомянутых метода можно отнести к активным, а следующие – к пассивным. Третий метод заключался в зафиксированном однодвор-

цами отсутствии заступничества за них чиновников от помещичьих захватов. Четвёртый метод состоял в противодействии жалобам обиженных в высшие государственные инстанции. К пятому методу относились незафиксированные теневые злоупотребления чиновников и клевета однодворцев на них.

В соответствии с упомянутой выше структурой распределим количественное соотношение разновидностей злоупотреблений чиновников путём статистического сопоставления. Это можно выявить в сравнении с остальными явлениями однодворческой жизни середины XVIII в. Они хорошо отражены в подсчётах доктора исторических наук, профессора МГУ, М. Т. Белявского, основывающихся на обработанных им 26 из всех 78 однодворческих Наказов, на которых, собственно, и базируется вся его монография [10].

Начиная с пятого метода завладений отметим, что он имел слишком обтекаемые формы, и назвать их злоупотреблениями, и тем более преступлениями – совершенно нельзя, т. к. их вообще могло не быть. В Наказах однодворцев этот метод находился в группе, которая составляла 90,8% от всего их внимания. На долю остальных 4-х методов участия предстоящих «у дел» в захватах приходится 42 упоминания, т. е. 9,2% от всего внимания в однодворческих Наказах. Два метода активного участия чиновников в захватах замечено потомками мелких служилых людей в 19 из упомянутых 42 случаев. Оно, в свою очередь, подразделялось ещё на две составляющие: грубое отбириание и незаконные приобретения с помощью мягкой силы. Аналогичное подразделение наблюдалось и в остальных 23 упоминаниях о кооперативных содействиях в захватах. Таким образом, на долю личного активного участия чиновников в завладениях земли приходилось 4,1% от всего внимания Наказов. Другие же 5% занимали остальные зафиксированные три разновидности по-

творств в злоупотреблениях (одного активного и двух пассивных).

Кромский Наказ свидетельствует, что активное участие чиновников в захватах составляло 11,8% от всех незаконных земельных приобретений в уезде [10, с. 149–160]. Они распределялись на три категории: личные, кооперативные и смежные. Последние по своей природе больше тяготели к кооперативным, собственно поэтому мы их и объединили. Из всех 16 захватов чиновных лиц у кромских однодворцев 3 случая (2,3%) приходились на личные завладения со стороны предстоящих «у дел», а другие 2 – на кооперативные. Крайние случаи совместных захватов чиновников были совершены с самовольным участием владельческих крестьян другого помещика. Крестьяне, принадлежащие чиновникам, без ведома своих господ отбирали однодворческую землю 11 раз, из которых один случай приходится на их синергию с владельцескими крестьянами другого помещика. В 10 из всех упомянутых 11 захватов крестьяне принадлежали крупным государственным чиновникам, не проживавшим лично в Кромском уезде.

Крестьяне высших государственных лиц самовольно от своих господ завладели 95,8% от всех незаконных приобретений чиновников в Кромском уезде. Таким образом, значительная часть из 4,1% от всего внимания Наказов ЦЧ, посвящённого активному личному участию чиновников в захватах, приходится на их крестьян, которые самовольно от своих господ отбирали однодворческую землю.

Кстати, по М. Т. Беляевскому, аналогичное положение дел прослеживалось и на примере самой злободневной у однодворцев рубрики о «помещичьих захватах». В кромском Наказе лично помещики фигурировали в качестве захватчиков 48 раз, а их самовольные крестьяне – 83. Первые в общей сложности отобрали 655 дес. однодворческой земли, а последние – 2 977,5 десятин.

Относительно же активных кооперативных захватов с участием предстоящих «у дел» отметим их крайне разнообразную природу. И это при всём том, что они составляли всего какую-то долю от упомянутых выше 5% всего однодворческого внимания в их Наказах. Один только кромский Наказ отражает 7 вариаций противозаконных коопераций чиновников с другими сословиями в завладениях однодворческой земли [10, с. 149–160]. Однако этим не ограничивалось разнообразие состава захватчиков, т. к. в истории ЦЧ мы их встречали более 10 [15, л. 80; 10, с. 149–160; 16, л. 21; 17, л. 11; 18, с. 133]. Так, «единий фронт» чиновнических завладений рушится на отдельные инициативы, значительная часть которых вообще принадлежали крестьянам предстоящих «у дел». В целом же захват однодворческой земли благодаря этой структуре приобретает крайне пёструю природу.

Пестрота подтверждается и тем, что вся система захватов имела трёхуровневый характер. Во-первых, деление происходило на 5 вышеупомянутых методов завладений. Во-вторых, все озвученные методы захватов не были однотипны, но разнообразно дробились. Первый критерий деления методов на виды состоял в применении при завладении мягкой или грубой силы, а второй – в инициативе. Например, кооперативное участие чиновников в захватах однодворческой земли сначала подразделялось на силовое и мягкое, а затем на пассивное повторство и активную организацию кооперативного завладения. Третий метод также подразделялся на пассивное отсутствие заступничества за обиженных и активное противодействие жалобам однодворцев в высшие инстанции.

В-третьих, шло дробление видов разных методов на подвиды. Последние являлись конкретными способами завладений. Например, по замечаниям доктора исторических наук, профессора ЛГПУ В. М. Важинского, только в среде ме-

жевщиков ЦЧ во второй половине XVII в. наиболее были распространены следующие мягкие личные или кооперативные захваты: «написание в писцовые книги и выписи не полных дач, с урезкой; составление фальшивых документов; отказ в выдаче крепостей на землю; вымеривание из старых одноворческих поместий лучших угодий под видом порозжих земель по ложным членобитным иногородним дворян; внесение в отказные книги лишних людей, “сверху пометы”, которые о земельном жалованье не били членом и прав на него не имели и т. д.» [9, с. 92–93]. Данное перечисление свидетельствует о высоком разнообразии чиновнических захватов. Ведь если столько возможностей внутри одного мягкого метода, то очевидно, что при расширении уровней чиновничества следовало и увеличение разнообразия способов захватов.

Разумеется, межевщики могли чередовать и сочетать упомянутые подвиды одного мягкого метода. Подобное мы встречаем на примере вымогательства, которое больше всех распространено среди захватов одноворческой земли чиновниками. Так, в 1693 г. козловский подьячий В. Свешников разными способами «вымучивал» у своего земляка сына боярского Ф. Барсукова запись на передачу его поместья [19, с. 117]. Более чем через полвека курский Наказ подобное явление характеризует так: «...а бывшие у дел по нападкам через вымогательство те дачи себе во владение присовокупили...» [15, л. 76]. В другом Наказе говорится: «...через те побои и напасти вымогали у нас, будучи у дел последние землю... дворовые усадьбы и сенокосные места леса и всякие угодья» [15, л. 45]. Однако часто вымогательством и его подвидами дело не заканчивалось. Это имело двоякую природу. С одной стороны, упорностью одноворцев и их неустранимости, а с другой – ненасытностью захватчиков, которым после части отобранной земли хотелось забрать и оставшееся.

Часто чиновники при захватах сочетали несколько видов мягких или грубых методов. Например, использование подложных документов часто совмещалось с незаконной торговлей землёй. Карповский Наказ одноворцев из деревень Высокая и Ямная описывают такое сочетание: «А означенного майора Вепренского Фёдора, Никиту Вепренского, находился в Белгородской провинции ландратом, в кое время всякими происками и утеснениями от имени одноворческого составляли сделки и всякими происками на своё имя и других фамилий» [15, л. 51]. Таким образом, многие виды каждого метода захвата сами по себе были разнообразны и состояли из нескольких подвидов. Для достижения желаемого чиновники чередовали как различные подвиды, так и виды одного способа перехода земли, а также сами методы.

Не всегда чиновникам для захвата хватало одного метода или комбинирования его разных уровней. Для реализации своих целей злонамеренные чиновники нуждались в использовании нескольких способов, как одновременно, так и поочерёдно. Более того, разновидности захватов чаще сочетались, нежели применялись поодиночке, а порой и несколько раз. Например, вымогательство чередовали с грубым захватом. Такой случай отражён в карповском Наказе одноворцев с. Глинова: «...господа, будущее в городах у дел предков наших преследовали и нападками своими держали безвинно многие времена под караулом. В то время предков наших жалованные поместные земли со всеми принадлежащими угодьями насилиством своим отняли и слободы черкас поселили и поныне живут, а нас, нижайших стесняют и до владения не допускают» [15, л. 51]. Следовательно, мы наблюдаем здесь сочетание мягкого вымогательства и грубого захвата.

Совмещение силового завладения с подлогом документов очень подробно описывает кандидат исторических наук, доцент ВГУ В. М. Проторчина. По прика-

зу вальдмейстера Л. Вельяминова борисоглебские канцеляристы Полскины в 1759 г. написали ложную купчую на продажу ему земли, якобы принадлежавшей им в Борисоглебском уезде. В купчей не было указано ни количества земли, ни места её нахождения. Вслед за этим Тамбовская провинциальная канцелярия, по просьбе вальдмейстера, сделала ложные «копии» будто бы с отказных грамот на землю, пожалованной предкам Полскиным, без справки о наличии этих документов в архиве.

В 1760 г. Вельяминов подал губернатору Пушкину челобитную с жалобой на однодворцев с. Карай и д. Дурнякиной Борисоглебского у., которые будто бы владели его землёй. Путём наглых насилий, с помощью губернатора Вельяминов не только отнял землю, принадлежавшую однодворцам, но даже выселил их из собственных жилищ [18, с. 117]. Вскоре после этого он продал часть присвоенной земли (90 четв.) графу Р. Л. Воронцову, на которой тот поселил слободы черкасс. Подобным же образом Вельяминовым была отнята земля, принадлежавшая однодворцам с. Пузево и д. Чернавки Павловского уезда [18, с. 118]. Следовательно, очерёдность многоходового захвата чиновником однодворческой земли выглядела так. Сначала фальшивые документы, затем ложная незаконная покупка, потом силовой захват и продажа с последующим подселением.

«Не кнутом, так пряником» [20, с. 235] происходило чередование мягких и силовых завладений, которое хорошо отражено в следующем примере, где незаконная покупка земли сочеталась с насильтвенным захватом. Однодворцы из слобод Конной и Пушкарской в нижнеломовском Наказе писали, что находящиеся «у дел» в провинциальной и местной уездной воеводской канцелярии подполковник В. С. Ржевский, лесной надсмотрщик М. И. Крюков, канцеляристы М. и С. Протопоповы, Ф. Усачёв и А. Архипов незаконно купили земли переселившихся од-

нодворцев. После этого возле приобретённых мест чиновники захватили все прилегающие земли. Наконец, «в самых лучших... угодьях» однодворцев Ржевский поселил две деревни своих крестьян, а Крюков – одну деревню.

Нижнеломовские однодворцы обратились с жалобами в уездную, а затем и в Тамбовскую провинциальную канцелярию. Началась длительная судебная волокита с последующими захватами. Рассмотрение просьб растянулось на много лет, и те, кто жаловался, лишь «истощили последнюю свою пажить», а те, на кого жаловались, за это время отняли у однодворцев и «последний скотский выпуск». В 1763 г. самые настойчивые потомки мелких служилых людей подали прошение уже в Воронежскую губернскую канцелярию. Однако и там результат был идентичен, т. к. четыре года после его подачи до составления Наказа нижнеломовцы «и поныне резолюции не получили» [10, с. 86]. Следовательно, мы наблюдаем здесь незаконную торговлю однодворческой землёй, захват прилегающей к ней территории, заселение этой местности и, наконец, повторство злочестивым чиновникам в уездных, провинциальных и губернских канцеляриях.

Следующий пример тоже показывает одновременное применение чиновниками нескольких методов. Депутат от белгородских однодворцев Маслов в 13 пункте провинциального Наказа указывал, что «подъячие, разночинцы и прочее вращающиеся «у дел» сами себе от чужого имени пишут крепостные и духовные акты». По мнению однодворцев, это чиновники-захватчики «чинили без ведома тех людей, от которых имели крепости духовные», последние же писали «без повренных... утайкою». Затем покупали с помощью поддельных документов, после чего «по тем ложным сделкам просит государственную Вотчину коллегию ко владению себе указанное то недвижимое имение получить» [15, л. 45]. После подобной махинации следовал насиль-

ственный захват земли потомков мелких служилых людей чиновником в той или иной форме. Приведём один пример. Однодворцы д. Свинцовской в своём Наказе пишут, что бывший секретарь духовной консистории Белгородской епархии И. Д. Даниловский «незнаемо по каким крепостям, поселился своим помещиковым двором. И населил своих крестьян на жалованной предков наших прадедовской и дедовской помесной подгородней драгунской земли. И сильно распашную землю пашет и вновь, где хочет, самовластно распахивает. И на сенных покосах поселился своими крестьяны и вытлачивает своим скотом показанные луга, а нас до владения не допускают» [15, л. 52].

Сочетание методов подразумевало многоразовые захваты однодворческой земли одним чиновником. В истории ЦЧ нередко встречались такие явления. Некоторые предстоящие «у дел» настолько входили «во вкус» грабительской жизни, что специализировались именно на захватах однодворческой земли. Ярким примером такого вида чиновника может служить уже упоминавшийся в настоящей статье валдмейстер Л. Вельяминов. Итоги следственного дела об этом чиновнике были неутешительными. Он настолько злоупотреблял своим служебным положением, что за время пребывания на должности только с одним воронежским губернатором Пушкиным, поровну поделил свыше 23 тысяч руб., которые были всякими способами вымучены у однодворцев [18, с. 118]. К середине XVIII в. это считалось громадной суммой.

Нужно заметить, что Вельяминов не являлся исключением, хоть и не в тождественных масштабах. Бывший белгородский ландрат Н. Б. Вепренский в качестве захватчика однодворческой земли только в одном карповском Наказе фигурировал более 3 раз [15, л. 51; 10, с. 203]. Столько же раз был замечен в аналогичных противозаконных действиях и бывший кромский подьячий А. Г. Звягинцев. Правда,

согласно кромскому Наказу последний не отличался крупными масштабами прирезок земли [10, с. 157–158].

Многоразовые захваты однодворческих угодий одним чиновником прослеживались и в соседнем с ЦЧ Харьковском крае, часть которого до второй половины XVIII в. входила в состав Белгородской провинции [21, с. 33]. Советский историограф доктор исторических наук А. Г. Слюсарский, используя «Ведомости о землях Салтовской сотни 1749 г.», указывал, что исполняющий должность товарища Белгородского губернатора Богдан Иванович Пассек в 1739 г. незаконно завладел 10 тысячами десятин в Салтовской сотне. Методология захвата заключалась в вымогательствах и устрашениях, после которых он получал от настоящих хозяев фиктивную купчую. Аналогичные махинации были проведены в Волчанской, 2-й и 1-й Харьковских сотнях. Точно известно, что объём захвата в последней сотне составлял 1250 десятин. Всё отобранное вскоре перепродаивалось [13, с. 213].

Коллективное завладение однодворческой землёй несколькими представителями рода Шидловских показывает нам многоактовую совокупность разных методов захвата. Генерал Ф. В. Шидловский, имевший в 1709 г. «большую власть», без всяких юридических актов построил на землях потомков «детей боярских и станичных голов» два больших села Рождественское на Кабаковой поляне и Ивановское – на Гнилище.

Когда племянника генерала Г. И. Шидловского в 1729 г. назначили чугуевским воеводой, то он при помощи служебного положения сразу попытался документально закрепить захваченное своим дядей. На его уговоры и угрозы однодворцы не склонились. Тогда он «арестовал многих из них и продержал в тюрьме два месяца, вымогая купчую». Для подтверждения серьёзности своих намерений чугуевский воевода совершил настоящий набег на сёла и деревни арестованных однодворцев. В ходе его у последних бы-

ло захвачено 30 лошадей, 50 волов и коров, 300 свиней, а также 500 копен ржи и 1000 копен пшеницы с полей. Несмотря на это однодворцы добровольно не подписали ложную купчую, т. к. остались твёрды и непреклонны.

В ответ воевода составил фальшивую меновую, которую однодворцы якобы заключили с генералом в 1709 г., согласившись получить в Волчанском у. земли взамен. Лжедокумент был подан в Белгородскую провинциальную канцелярию. Однако потомки мелких служилых людей продолжали владеть «некоторою частию той земли бесспорно», т. к. те, от имени которых фальшивая меновая была составлена, отказались её подписать. Следовательно, воевода не смог доказать подлинность своих бумажек. Но к 1733 г. все однодворцы, чьи подписи были подделаны в меновой, умерли. Тогда сын генерала Шидловского с «присудствующими Белгородской губернской канцелярии» «за взятки и по свойству» добился удовлетворения его иска, и меновая была признана. С тех пор земля была официально закреплена за помещиком.

Однако этим дело не закончилось. Согласно утверждённому иску, на однодворцев возложили судебные пошлины и штраф в 252 руб. в пользу Шидловского. Когда потомки мелких служилых людей возражали, чугуевский воевода А. Арсеньев многих из них забрал в тюрьму. Более того, в одну из деревень бывших собственников захваченной земли, направились предстоящие «у дел» для конфискации их имущества. Дополнительная плата за услугу вмешательства в дело чиновничего аппарата состояла в том, что отобранное общей примерной стоимостью в 1000 руб. было оценено всего в 29 руб. 53 копейки. Так произошла расплата упорных однодворцев с корыстными чиновниками.

Для того чтобы произшедшее было забыто по проискам Шидловского многих «братьев, племянников и родственников» потомков мелких служилых людей снова

забрали в Чугуевскую воеводскую канцелярию на время составления местного Наказа в 1767 г., а «домы их остались почти пустыми» [10, с. 62–63]. Так, для захвата однодворческой земли было применено сочетание мягкой и грубой силы, которые предпринимали в течение 58 лет три поколения рода Шидловских. Немалую роль в этом захвате сыграл чиновничий аппарат, который по праву можно назвать третьей стороной в конфликте. В данном случае предстоящие «у дел» всегда являлись посредниками, а порой и исполнителями злой воли захватчиков.

В карповском Наказе мы встречаем подобное комбинированное и многоактовое отбиение угодий. Там написано: «Бывший Никита Борисович Вепренский в Белгороде ландратом в то время в селе Глинске, в деревне Мошиной, незнамо по каким крепостям отхватил общеизвестные наши земли в Глинске третью часть поля, в Мошиной на выгоне, на ухожих местах построил господский дом и населил слободу черкас, которого предков наших общественными землями со всеми принадлежащими угодьями... ныне внук его Сергей Иванов сын Вепренский владеет. Деревне Мошиной и Локни лес насильственно своим рубит и стесняет и до владения не допускают» [15, л. 51]. Итак, упомянутый пример вполне подходит под многоразовый захват, т. к. плодами незаконного действия и частично его методами пользовался внук Вепренского. В исторической практике ЦЧ редко встречалось, когда потомок захватчика добровольно отказывался от некогда отобранный земли в пользу её прежних хозяев. Следовательно, в плане наследственного пользования большинство всех незаконных земельных приобретений в ЦЧ подходило под категорию многоактовых захватов. Конечно, методами они пользовались не одинаковыми, т. к. одни отбирали, а другие – удерживали за собой. Однако в целом процесс перераспределения земельного фонда однодворцев ЦЧ не был индивидуальным яв-

лением, т. к. в нём участвовали несколько поколений всех задействованных в процессе сторон.

Вывод

Всего существовало 5 методов захватов однодворческой земли чиновниками (2 активных и 3 пассивных). К активным относились личные и кооперативные участия самих предстоящих «у дел», к пассивным – зафиксированное однодворцами отсутствие заступничества за них чиновников от помещичьих захватов и противодействие жалобам обиженных в высшие государственные инстанции. К пятому методу относились клевета однодворцев на чиновников и незафиксированные теневые злоупотребления последних. Первые два метода дополнительно структурировались на грубые и мягкие.

В целом все методы подразделялись на виды, а последние – на подвиды. Для достижения желаемого чиновники чередовали все уровни различных разновидностей захватов однодворческой земли. Разнообразность комбинирования была велика. Первые сочетали несколько мягких видов одного метода, вторые – грубые и мягкие другого метода, третьи совсем чередовали разные методы, например, индивидуальные с кооперативными. Четвёртые вообще могли сочетать силовой индивидуальный способ завладения с мягким кооперативным и т. д. В целом, захватчик раскачивал ситуацию до победного конца, который для него состоял в виде отбиりания желаемой земли. В этом плане захват походил на игру в «кошки мышки», в которой потерпевшие однодворцы всяческими способами отстаивали свои интересы.

Разнообразие сочетания методов зависело как от потомков мелких служилых людей, так и от чиновников-захватчиков. Другими словами, от потребностей и склонностей однодворцев зависел метод, который мог действовать на них при завладении. Например, зачем отбирать

силой у склонных к алкоголю или расточительству, если можно воспользоваться их состоянием аффекта и с наименьшими энергозатратами добровольно приобрести желаемое. Угроза и вымогательство больше действовали на трусливых, а на храбрых – мягкий обман. Следовательно, от характера как захватчика, так и потерпевшего зависел успех применения разных методов завладения.

От полномочий чиновника происходило разнообразие и чередование мер захвата, по пропорции чем выше положение, тем шире перечень его возможностей. Мелкий чиновник мог рассчитывать только на себя, обман и изредка на корыстный интерес сообщников. Высокопоставленный же предстоящий «у дел» мог пользоваться мерами практически всей полноты региональной административной машины.

Другая особенность, которая была выявлена в ходе исследования, состояла в том, что чем ниже было положение захватчика, тем грубее он применял методы завладений. Например, крестьяне чиновников не могли использовать мягкие методы захвата, поэтому употребляли силовые приёмы. Напротив, последними методами не мог воспользоваться мелкий предстоящий «у дел», которому однодворцы своей многочисленностью были способны дать отпор. А вот мягкие способы захвата в его случае вполне могли иметь успех. Высокопоставленный же чиновник использовал все совокупные методы в зависимости от наибольшей для себя выгоды и наименьших проблем от противодействия потерпевшей стороны.

Прекращение череды попыток по захвату однодворческой земли обусловливалось успешностью в достижении своего корыстного предприятия чиновником или исчерпанием приёмов завладений и торжестве потерпевшей стороны. Длительность применения череды способов захвата зависела и от стойкости однодворцев. Уже сама попытка использования нескольких методов свидетельствовала о

том, что с первого раза у злочестивого чиновника не получилось осуществить задуманное.

Большинство всех незаконных земельных приобретений в ЦЧ подходило под категорию многоактовых захватов. Разве только методами не все пользова-

лись одинаковыми. Общий процесс перераспределения земельного фонда однодворцев ЦЧ не был индивидуальным явлением, т. к. в нём участвовали несколько поколений всех задействованных в процессе сторон.

Список литературы

1. Сто девяносто восьмая дневная записка, 23 декабря. Сдача депутатских полномочий. Заявление маршала об избрании кандидатов к членам частных комиссий // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XXXVI. СПб.: Тип. и Хромолитография А. Траншеля, 1882. С. 170–420.
2. Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М.: Тип-я Д. И. Иноzemцева, 1894. 310 с.
3. Благовещенский Н. А. Четвертое право. М.: Тип-я Тов. Кушнерев и Ко, 1899. 538 с.
4. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. СПб.: Тип-я М. М. Стасюлевича, 1901. 865 с.
5. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 633 с.
6. Лаппо Ф. И. Наказы однодворцев как исторический источник // Исторические записки. Т. 35. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 239–259.
7. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 421 с.
8. Умрихина А. П. Положение крестьян и их борьба против крепостного строя в Белгородской губернии во второй половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1973. 243 с.
9. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Воронеж: Воронеж. пед. ун-т, 1974. 237 с.
10. Белянский М. Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 268 с.
11. Пономарева О. Б. Социально-экономическое и культурное развитие Белгородской губернии (1727–1779 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 241 с.
12. Комолов Н. А. Однодворцы Воронежской губернии в губернаторских проектах середины 1760-х годов // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV–XX веков: сборник научных трудов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. С. 65–83.
13. Касинов Н. А. Граф А. Р. Воронцов в истории села Свинухи // История Прихоперья и Балашёвского уезда: сборник статей краеведов. Вып. 4. Балашов: Николаев, 2014. С. 50–65.
14. Колотушкин А. А. Белгородская губернская администрация: регламент, состав и основные направления деятельности (1727–1779 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2015. 245 с.
15. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69.
16. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 332.

17. ГАКО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 25.
18. Проторчина В. М. К истории воронежских однодворцев в XVIII веке // Известия Воронежского пединститута. 1955. Т. XIX. С. 107–135.
19. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 225 с.
20. Пословицы русского народа: сборник В. Даля: в 2-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1957. 431 с.
21. Гукова Е. А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: украинская линия и украинский ландмилицкий корпус (1710–1780 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 254 с.

References

1. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1882, vol. XXXVI, pp. 170–420.
2. Miklashevskij I. N. K istorii xozyajstvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Pt. 1. Zaselenie i selskoe xozyajstvo yuzhnoj okrainy XVII veka [To the history of the economic life of the Moscow state. Part 1. Settlement and agriculture in the southern outskirts of the XVII century]. Moscow, Tip-ya D. I. Inozemceva, 1894. 310 p.
3. Blagoveshhenskij N. A. Chetvertnoe pravo [Quarter right]. Moscow, Tip-ya Tov. Kushnerev i Ko, 1899. 538 p.
4. Semevskiy V. I. Krest'yane v tsarstvovaniye imperatrity Yekateriny II [Peasants in the reign of Empress Catherine II]. St. Petersburg, Tip-ya M. M. Stasyulevicha, 1901, vol. II. 865 p.
5. Druzhinin N. M. Gosudarstvennye krest'yane i reforma P. D. Kiseleva [State peasants and the reform of P.D. Kiseleva]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1946, vol. I. 633 p.
6. Lappo F. I. Nakazy odnodvortsev kak istoricheskiy istochnik [The Orders of the one-courtyard people as a Historical Source]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes]. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ., 1950, vol. 35, pp. 239–259.
7. Alefirenko P. K. Krest'yanskoye dvizheniye i krest'yanskiy vopros v Rossii v 30–50-kh godakh XVIII veka [Peasant movement and the peasant question in Russia in the 30-50 of the XVIII century]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1958. 421 p.
8. Umrikhina A. P. Polozheniye krest'yan i ikh bor'ba protiv krepostnogo stroya v belgorodskoy gubernii vo vtoroy polovine XVIII veka. Diss. kand. ist. nauk [The situation of the peasants and their struggle against the serfdom in the Belgorod province in the second half of the XVIII century. Cand. hist. sci. diss.]. Khar'kov, 1973. 243 p.
9. Vazhinskij V. M. Zemlevladenie i skladyvanie obshchiny odnodvorcev v XVII veke (Po materialam yuzhnyx uezdov Rossii) [Land ownership and the formation of the smallholders community in the XVII-th century. Based on the materials of the southern counties of Russia]. Voronezh, Voronezh Ped. Univ. Publ., 1974. 237 p.
10. Belyavskiy M. T. Odnodvortsy Chernozem'ya (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiu 1767–1768 gg.) [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their orders to the Legislative Commission 1767–1768)]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1984. 268 p.
11. Ponomareva O. B. Sotsial'no-ekonomiceskoe i kul'turnoe razvitiye Belgorodskoi gubernii (1727–1779 gg.). Diss. kand. ist. nauk [Socio-economic and cultural development of the Belgorod province (1727–1779). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 1999. 241 p.

12. Komolov N. A. Odnodvortsy Voronezhskoy gubernii v gubernatorskikh proyektakh serediny 1760-kh godov [One-courtyard people of the Voronezh province in the gubernatorial projects of the mid-1760s]. *Obshchestvennoye dvizheniye i kul'turnaya zhizn' Tsentral'noy Rossii XIV–XX vekov. Sbornik nauchnykh trudov* [Social movement and cultural life of Central Russia in the XIV–XX centuries. Collection scientific works]. Voronezh, VGU Publ., 2006, pp. 65–83.
13. Kasinov N. A. Graf A. R. Vorontsov v istorii sela Svinukhi [Count A. R. Vorontsov in the history of the village of Svinukhi]. *Istoriya Prikhoper'ya i Balashovskogo uyezda. Sbornik stately krayevedov* [History of the Khoper region and Balashevsky district. Collection of articles of local historians]. Is. 4. Balashov, Nikolayev Publ., pp. 50–65.
14. Kolotushkin A. A. Belgorodskaya gubernskaya administratsiya: reglament, sostav i osnovnyye napravleniya deyatel'nosti (1727–1779 gg.). Diss. kand. ist. nauk [Belgorod provincial administration: regulations, composition and main activities (1727–1779). Cand. hist. sci. diss.]. Belgorod, 2015. 245 p.
15. GAKO (Gosudarstvennyj arkhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. R30, op. 1, d. 69.
16. GAKO, f. 33, op. 2, d. 332.
17. GAKO, f. 475, op. 1, d. 25.
18. Protorchina V. M. K istorii voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke [On the history of Voronezh one-courtyard people in the XVIII century]. *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta = Proceedings of the Voronezh Pedagogical Institute*, 1955, vol. XIX, pp. 107–133.
19. Demidova N. F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovaniyu absolutizma [Service bureaucracy in Russia in the XVII century and its role in the formation of absolutism]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 225 p.
20. Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya [Proverbs of the Russian people. Collection of V. Dahl]. Moscow, Khudoz. Lit., 1957, vol. I. 431 p.
21. Gukova E. A. Oborona yuzhnykh rubezhej Rossii v XVIII veke. Ukrainskaya liniya i ukrainskij landmiliczkij korpus (1710–1780 gg.). Diss. kand. ist. nauk [Defense of the southern borders of Russia in the XVIII century. The Ukrainian line and the ukrainian land police corps (1710–1780). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2009. 254 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Кудланов Константин Борисович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-правовых и естественно-научных дисциплин, Курская академия государственной и муниципальной службы, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: Kudlanov777@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9734-3178

Konstantin B. Kudlanov, Candidate of Sciences (Historical), Senior Lecturer of the Department of Socio-Legal and Natural Sciences, Kursk Academy of State and Municipal Service, Kursk, Russian Federation,
e-mail: Kudlanov777@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9734-3178

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-152-161>**К вопросу о питании населения города Курска в первые годы советской власти (1918–1923)****В. В. Волобуев¹**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

e-mail: volobuev.vit98@gmail.com

Резюме

Актуальность. В статье рассмотрены особенности рациона питания населения города Курска в первые годы советской власти. Данный вопрос не раскрыт в достаточной мере в научной литературе. Выводы, сделанные на основе исследования, обусловили актуальность работы.

Целью статьи является формирование представления о питании населения города Курска в первые годы советской власти.

Задачи, вытекающие из поставленной цели, состоят в том, чтобы: 1) указать питательные нормы населения в первые послереволюционные и послевоенные годы; 2) обозначить различия в питании разных слоев населения города Курска; 3) определить степень достаточности питания горожан в первые годы советской власти.

Методология. В работе были применены методы объективности, научности, историзма, помимо которых использовались историко-сравнительный и хронологический подходы.

Результаты. Революционные события и Гражданская война привели к стремительному ухудшению продовольственной обстановки в городе Курске. Основным продуктом на столах курян стал хлеб. Продовольственный набор имел зависимость от категории населения. Больший доход, а следовательно, лучший набор продуктов питания имели высококвалифицированные рабочие. Им уступали служащие. Не работавшие граждане имели совершенно скучный рацион. Советская власть поднимала вопрос об улучшении продовольственных условий, занималась организацией общественного питания в городе.

Выводы. Питание курян было обусловлено состоянием экономики страны. Питательные нормы населения в первые послереволюционные и послевоенные годы были снижены. Нехватка продовольствия в первые годы советской власти была ощутимой. Наблюдались различия в питании разных социальных слоев населения города Курска, наиболее полным был стол у высококвалифицированных рабочих.

Ключевые слова: народное питание; советская власть; нормы питания; рацион питания; городское население.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования Волобуев В. В. К вопросу о питании населения города Курска в первые годы советской власти (1918–1923) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 152–161. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-152-161>.

Поступила в редакцию 15.08.2023

Принята к публикации 08.09.2023

Опубликована 30.10.2023

On the Issue of Nutrition of the Population of the city of Kursk in the Early Years of Soviet Power (1918-1923)

Vitalii V. Volobuev¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: volobuev.vit98@gmail.com

Abstract

Relevance. The article discusses the peculiarities of the diet of the population of the city of Kursk in the early years of Soviet power. This issue has not been sufficiently disclosed in the scientific literature. The conclusions made on the basis of the study determined the relevance of the work.

The purpose of the article is to form an idea about the nutrition of the population of the city of Kursk in the early years of Soviet power.

The objectives arising from the set goal are to: 1) indicate the nutritional norms of the population in the first post-revolutionary and post-war years; 2) identify the differences in the nutrition of different segments of the population of the city of Kursk; 3) determine the degree of sufficiency of nutrition of citizens in the early years of Soviet power.

Methodology. The methods of objectivity, scientific, historicism were applied in the work, in addition to which historical-comparative and chronological approaches were used.

Results. Revolutionary events and the civil war led to a rapid deterioration of the food situation in the city of Kursk. Bread became the main product on the tables of the Kurians. The food set was dependent on the category of the population. Highly skilled workers had a higher income, and, consequently, a better set of food products. Employees were inferior to them. Non-working citizens had a completely meager diet. The Soviet government raised the issue of improving food conditions, was engaged in the organization of public catering in the city.

Conclusions. The food of the Kurians was determined by the state of the country's economy. Nutritional standards of the population in the first post-revolutionary and post-war years were reduced. The shortage of food in the early years of Soviet power was palpable. There were differences in the nutrition of different social strata of the population of the city of Kursk, the most complete was the table of highly skilled workers.

Keywords: national nutrition; soviet power; nutrition standards; diet; urban population.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Volobuev V. V. On the Issue of Nutrition of the Population of the city of Kursk in the Early Years of Soviet Power (1918-1923). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 152–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-152-161>

Received 15.08.2023

Accepted 08.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Питание есть «процесс поступления в организм и усвоения им веществ, необходимых для покрытия энергетических затрат» [1, с. 577]. Именно так трактуется термин «питание» в Большой советской энциклопедии. Помимо важных физиологических функций, процесс питания имеет огромное значение в формировании социального пространства, в характеристике состояния общества. Особо острота

этой проблемы проступает в переломные периоды, одним из которых были первые годы после установления советской власти.

Проблемами питания населения в первые послереволюционные годы историки специально не занимались, хотя традиция обследования разных групп населения на предмет питания существовала с середины XIX в. Систематические наблюдения народного питания велись в

так называемой «земский период», но в первые годы советской власти у государства имелись другие немаловажные дела. Только с 1919 г. народным питанием озабочилась советская власть. С тех пор обследования народного питания повсеместно принимают планомерный характер. Различные вопросы народного питания рассматривали: А. З. Левит, В. Д. Ванханен [2], Н. В. Воробьев [3] и С. А. Клепиков [4]. В Конституции СССР четко определялось право на охрану здоровья, а так как состояние здоровья напрямую зависит от питательных начал, то эти два понятия имеют объективную связь. Обследование питания населения относились к государственной статистике.

В сентябре 1918 г. с образованием губернского статистического бюро в его составе была создана секция продовольственной статистики, которая в сентябре 1920 г. была реорганизована в Секцию экономической статистики. Осуществляла секция учет кооперативов, перепись питания городского и сельского населения, проводила анкетные обследования населения по своему профилю работы, составляла экономические сводки, вела учет запасов хлебофуража [5].

К. С. Петровский находил, что питание является показателем социально-экономической политики. Оно, по мнению ученого, играет важную роль в поддержании высокого уровня народного здоровья.

В первые годы советское правительство поднимало вопрос о рационализации питания посредством достижений науки о питании [6]. С этой целью в 1923 г. были организованы санитарно-пищевые надзоры за предприятиями пищевой и продовольственной промышленности, при Наркомздраве был создан Совет народного питания [7], сформировано павое товарищество «Народное питание» [8].

В результате осуществления указанных мер в условиях динамики социаль-

ных показателей, так или иначе, ожидалось обеспечить наиболее благоприятные условия жизни и здоровья советского народа [6].

Историк Н. В. Чauc в своей статье [9] исследует роль государственной власти в организации «общепита» – народного питания. Оно воспринималось властью не только как что-то узконаправленное, унитарное, но и как один из инструментов преобразования общества, способ «перевоплощения человека прошлого в представителя самого передового и справедливого общественного устройства, воплощавшего не только в труде, но и в быту прекрасные качества возвышенной духовности и самореализации в интересах общенародного государства...» [9, с. 2]. Отметим, что вопросами питания населения в СССР занимались Д. В. Ильюшенко [10] и И. В. Глушченко [11].

Исходя из того, что питание трудящихся масс имело большое общественное значение, специалисты физиологии и социологии считали, что от питания зависят многие виды жизнедеятельности. Недостаточное и несбалансированное питание может привести к упадку жизненных сил, а неправильное питание вызвать те или иные функциональные расстройства, хронические заболевания. Можно определенно сказать, что чем хуже питается человек, тем чаще он болеет и труднее переносит болезнь, ведь восстановительная функция организма работает неэффективно. В тесной связи с характерными особенностями питания находится продолжительность жизни человека. Отдельно стоит отметить и гигиену питания. Ее аспекты в проблеме питания и успехи в некоторых областях гигиены питания в СССР отражены в работах Н. И. Орлова [7] и К. С. Петровского [12].

До 1914 г. в России присутствовала статистика, что на 1000 человек населения умирало в год 36 чел., в Австрии – 29 чел., в Италии – 27 чел., во Франции –

22 чел., в Германии – 18 чел., в Англии – 16 чел., в Норвегии и Швеции – только 12 чел. Кроме того, от питания в значительной зависимости находилась и производительность труда.

Из сказанного ясно, что состояние народного питания имеет большой резонанс в социально-экономической политике, в частности в послевоенный период, и острой необходимостью государства была стабилизация и улучшение народного питания. Совершенно прав был проф. Рубнер, считая одной из важнейших задач государства обеспечение всех людей здоровой пищей в достаточном количестве.

Вполне очевидно, прежде чем давать оценку народному питанию в послереволюционный период начала XX в., надо понять, каким считалось «правильное питание» [13, с. 40].

Методология

Для достижения поставленной цели в ходе исследования использовались базовые принципы историзма, научной объективности и системности. Принцип историзма дал основу для выяснения мотивов в действиях советского правительства по отношению к вопросу о питании населения города Курска, питательным нормам и их достаточности; соблюдение принципа научной объективности повлияло на характеристику различий питания разных слоев населения. Кроме того, в статье использованы и специальные методы. Метод интерпретации был задействован автором при изучении санитарных и питательных норм, их реализации и эффекта на советское общество; с помощью статистического метода была проведена оценка результатов обследования питания населения города Курска, представлена статистика потребления продуктов определенными категориями граждан.

Результаты и их обсуждение

В первые годы социалистического строительства существовала программная задача, поставленная партией. Суть ее заключалась в формировании и повсеместном развитии программы народного питания «на научно-игиенических началах» [14].

Начало 1920-х гг. ознаменовало грандиозные изменения социально-экономического и политического курса, в частности подвергался изменению и хозяйственный уклад бывшей России. Изменения коснулись и продовольственной культуры, культуры питания. Начиналось все с создания специального органа управления. Решением 2-го Всероссийского съезда Советов создается Народный комиссариат продовольствия. Сразу же развернулась работа по созданию советского продовольственного аппарата и на местах. Старые местные продорганы, выступавшие активными организаторами продовольственного саботажа, подлежали ликвидации. Вместо них повсеместно при исполнках губернских, уездных, волостных советов, на правах их отделов, создавались из рабочих и крестьян специальные продовольственные комиссии (комитеты или комиссариаты). Задачи Наркомпрада РСФСР и местных продовольственных органов заключались в организации заготовок продовольствия и в снабжении ими населения.

Стремление советской власти преобразовать дворянско-буржуазный строй в пролетарский стало точкой начала новой культуры питания, а в дальнейшем и продовольственной безопасности. Под последней понимают политику, при которой уровень питания народа определяется достаточностью продовольственных ресурсов для нормальной жизнедеятельности. Однако в период новой экономической политики отмечался рост экономики в разных областях государственной политики.

В период нэпа о проблемах продовольствия или нарушении продовольственной безопасности можно говорить лишь в некоторых случаях, связанных непосредственно с имущественным раслоением населения. Таким образом, некоторые ученые склоняют этот период к определенной свободе, к появлению различных типов питания [16]. Так, например, в работе И. Е. Эман и Т. С. Кондратьевой питание представляется инструментом политического порядка [16], а Д. С. Фоломеев пишет: «Власть над пищей дает власть и над теми, кто питается» [17, с. 1].

В условиях восстановления после войны исследования народного питания представляли собой оценку достаточности питания для организма среднестатистического жителя. На каждое действие, на выполнение работы человеческий организм должен потратить определенное количество энергии, которая восполняется таким ресурсом, как пища. Исходя из этого, особое внимание уделялось нормам питания. Физиологи начала XX в. считали, что для организма чрезвычайно важно, чтобы все его нужды, как бы они ни были своеобразны, непрерывно и правильно удовлетворялись. Организм должен находиться в полном энергетическом равновесии, иначе говоря – расход энергии должен соответствовать ее выработке.

Потребляемую человеком пищу делили по своему происхождению на животную и растительную. В тех и других продуктах имеются особые химические вещества, имеющие важное значение для организма: белки, жиры, углеводы, вода, соли и витамины. По результатам работы губисполкома и Отдела статистики можно судить, что соль и вода человеческим организмом употреблялись в достаточноном количестве, а такой химический компонент, как витамин, в 1923 г. не был достаточно изучен, поэтому ход исследования питания того времени базировался

только на так называемых основных питательных элементах: белки, жиры и углеводы.

Белок в жизни советского человека встречался часто в тех или иных продуктах, как более типичный пример, известный каждому, белок куриного яйца. Благодаря богатому содержанию в белках азота их еще называли азотсодержащими телами. Известно, что для человеческого организма белок имеет особое значение как строительный и восстановительный материал.

Присутствие в рационе жиров отмечалось потреблением сала и масел. Они были ценные для организма, главным образом как концентрированный источник тепловой энергии. А вот углевод содержался в муке, крахмале и сахаре.

Научными исследованиями начала XX в. установлено, что потребляемые человеческим организмом пищевые продукты на 1 фунт веса содержат определенное количество тех или иных основных питательных начал (обычно их выражают в граммах) и определенное количество тепла, которое принято измерять калориями. Под калорией понимали количество тепла, необходимое для нагревания килограмма воды на один градус по Цельсию.

Таким образом, итог всех потребленных человеком продуктов переводится в калории и выражает калорийность питания. Это обстоятельство, т. е. возможность суммировать, выражать в одинаковых единицах – калориях потребляемые человеческим организмом продукты, давало весьма ценный опыт для исследования народного питания.

Для правильного, достаточного питания считалось, что человеческий организм прежде всего нуждается в определенном количестве тепловой энергии, а также потребность организма в тепле находится в зависимости от пола, возраста и рода занятий человека. Для удобства пользования статистическими данными, полученными

при обследовании народного питания, было принято приводить их к условной единице – «взрослому едоку мужчине в возрасте 18–59 лет (прибл. 70 кг.)».

Что касается затрат энергии на работу, то вполне очевидно, что чем легче работа, тем меньше затраты энергии, чем тяжелее работа, тем больше расходуется энергии. Возьмем для рассмотрения минимальные нормы для взрослого человека в течение суток, при различной интенсивности работы, установленные путем эксперимента профессорами Рубнером и Эпиртером, выражющиеся в следующих цифрах: «в состоянии покоя человеческий организм расходует от 1800 до 1900 ккал, в среднем 1850 ккал; в состоянии относительного покоя – от 2200 до 2400 ккал, в среднем 2300 ккал; при легкой физической работе – от 2450 до 3050 ккал, в среднем 2750 ккал; при тяжелой работе – от 3400 до 3800 ккал, в среднем 3600 ккал; при очень тяжелой работе – от 4150 до 5300 ккал, в среднем 4725 ккал».

Норма в 2750 ккал считалась вполне применима к служащим, как занятым легкой физической работой, и норма в 3600 ккал для рабочих и прочих, как занятых тяжелым физическим трудом [13, с. 41].

Особенности продовольственного снабжения также выражались в отношении того или иного человека к различным группам населения. Например, рабочие предприятий оборонной промышленности относились к продовольственному обеспечению первой категории, а привилегированные группы советского общества имели такое продовольственное обеспечение, которое количественно и качественно отличалось от общегражданского снабжения и являло собой государственную тайну [18].

Следует отметить, что в группу «прочие» относили ремесленников, лиц свободных профессий, торговцев и других лиц, не входящих в группы рабочих и

служащих. Однако необходимо отметить, что по причине неясности группы «прочие» норма калорийности для нее указывается с некоторой приблизительностью.

Кроме покрытия расходов в тепловой энергии, организм человека нуждался в строительном и восстановительном компоненте, т. к. клетки организма имеют способность отмирать, обновляться, и если организм этих потерь не пополняет, то некоторое время он живет за счет своих запасов, а затем наступает истощение, заболевание или даже смерть.

Главную основную роль в питании, как было указано, играют белки, жиры и углеводы. «Из них особо важное, конструктивное значение имеют белки и в смысле материальном, белковая молекула не может быть заменена никаким количеством жира или углевода, а потому потребность в белковых веществах должна быть покрыта только белковыми веществами» [19]. Как минимум для взрослого едока в сутки проф. Фонт и Словцов определяли 100 грамм белка, причем белки животного происхождения должны составлять не меньше 1/3 (33 грамма) общего количества белков [4, с. 21].

Жиры же и углеводы служат главным образом как источники тепловой энергии и могут отчасти заменять друг друга. Практика, однако, показывала, что и здесь необходимы некоторые соотношения: проф. Словцов определял норму 500 грамм углеводов и 50–100 грамм жиров [19, с. 21].

Для исследования состояния народного питания, по заданиям П. С. У. Туб. стат. бюро, периодически два раза в год производились экспедиционным способом обследования питания городского и сельского населения. Так, например, обследование питания населения гор. Курска было произведено в феврале 1923 г., с 5 по 11 февраля, сотрудниками отдела экономической статистики Г. С. Б. путем непосредственного опроса рабочих и служащих (табл. 1) [13].

Таблица 1. Потребление продуктов на взрослого едока в день, фунтов**Table 1.** Food consumption per adult eater per day, pounds

Продукты	Категория хозяйств			
	рабочие	служащие	прочее	все хозяйства
Хлеб и мука	2,602	1,982	2,156	2,261
Крупа	0,462	0,286	0,321	0,363
Картофель и овощи	2,800	1,681	2,480	2,314
Растительные жиры	0,061	0,028	0,026	0,011
Сахар, мед и т.д.	0,056	0,084	0,13	0,093
Прочие растительные продукты	0,009	0,024	0,05	0,014
Всего растительных веществ	6,110	4,086	5,111	5,086
Мясо и рыба	0,284	0,429	0,538	0,393
Животные жиры	0,065	0,060	0,140	0,077
Молочные продукты и яйца	0,512	0,536	0,859	0,588
Всего животных продуктов	0,861	1,025	1,358	1,058
Чай, кофе, соль	0,134	0,105	0,031	0,112
Всех продуктов	7,105	5,266	6,730	6,256

Приведенная таблица дает характеристику потребления пищевых продуктов по весу, по виду продуктов и относительно категорий хозяйств. Здесь резко бросается в глаза преобладание растительной пищи во всех группах и все питание можно охарактеризовать как хлебно-картофельное. При детальном изучении таблицы видим, что питание рабочих, служащих и прочих в феврале 1923 г. было достаточно по всем категориям и превышает указанный выше минимум. По содержанию белков пища рабочего достаточна, но с ненормальным преобладанием растительного белка, доходящего до 75% от общего потребления белка. В группе служащих незначительное понижение в потреблении белка, но с повышением против нормы животного белка, доходящего до 37% общего количества белка. Питание категории прочих по количеству и качеству белка превышает норму. Соотношение жиров и углеводов во всех группах нормальное [6].

Социалистическое строительство, повлекшее повсеместные изменения в хозяйственной деятельности, выполнило часть задач в области народного питания. Было принято решение преобразовать

устоявшийся уклад дворянско-буржуазной России в советский строй. Несмотря на сокрушающий для общей экономики государства переход от царской России к СССР, революционные события и Гражданскую войну, которые привели к стремительному ухудшению продовольственной обстановки в городе Курске, сфера общественного или народного питания смогла быстро сконцентрировать внимание на поддержании и развитии системы народного питания, нормах пищевого потребления и самой культуре еды. К 1923 г. были организованы санитарно-пищевые надзоры за предприятиями пищевой и продовольственной промышленности, при Наркомздраве был создан Совет народного питания, сформировано павовое товарищество «Народное питание». Научными исследованиями начала XX в. установлено, что потребляемые человеческим организмом пищевые продукты на 1 фунт веса содержат определенное количество тех или иных основных питательных начал (обычно их выражают в граммах) и определенное количество тепла, которое принято измерять калориями.

Сравнивая показатели губстата по гор. Курску, наглядным образом показывается улучшение питания городского населения по отношению к 1920, 1921 и 1922 гг. с точки зрения основных питательных начал. Улучшение питания рабочих определилось в 146%, чуть ли не в два раза. Изменились по своему качеству и потребляемые продукты, так, например, прежний хлеб с разными примесями бурака, картофеля, желудей и других суррогатов отошел в область прошлого и больше не являлся основным продуктом на столах курян.

Конечно, продовольственный набор имел зависимость от категории населения. Больший доход, а следовательно, лучший набор продуктов питания, имели высоквалифицированные рабочие. Имея значительную прибыль, удовлетворительно налаженный аппарат, рационально построенный, власть поставила цель еще шире распределить свою работу по снаб-

жению населения продовольствием, улучшить систему народного питания, а соответственно, поддержать социально-экономическое развитие региона. Им уступали служащие. Не работавшие граждане имели совершенно скучный рацион.

Выводы

Таким образом, питание курян было обусловлено состоянием экономики страны. Отмечалось резкое снижение питательных норм населения в послереволюционные и послевоенные годы, ощущалась нехватка продовольствия в первые годы советской власти. Наблюдались различия в питании разных социальных слоев населения города Курска.

Советская власть поднимала вопрос об улучшении продовольственных условий, занималась организацией общественного питания в городе.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 19: Отоми-Пластырь / под общ. ред. А. М. Прохорова. М.: Сов. энцикл., 1975. 647 с.
2. Левит А. З., Ванханен Н. В. Б. И. Ленин о социальных аспектах народного питания // Гигиена и санитария. 1981. № 1. С. 37–39.
3. Воробьев Н. В. Деятельность городской и рабочей потребительской кооперации Сибири по развитию общественного питания в 1921–1929 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 68–72.
4. Клепиков С. А. Питание русского крестьянства. Ч. 1: Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М.: [Б. и.], 1920. 52 с.
5. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 327. Оп. 5.
6. Петровский К. С. Развитие науки о питании в СССР // Гигиена и санитария. 1982. № 12. С. 16–19.
7. Орлов Н. И. Успехи в некоторых областях гигиены питания в СССР за 40 лет // Гигиена и санитария. 1957. № 10. С. 57–66.
8. Устав Паевого товарищества "Народное Питание" (Нарпит): [утвержден Советом Труда и Обороны 2-го мая 1923 г.]. М.: Мосполиграф, 26-я типо-лит., 1923. 88 с.
9. Чаус Н. В. Система общественного питания в СССР в плакатном искусстве // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 16–22.
10. Ильющенко Д. В. Потребление населения и общественное питание в советской России в условиях военного коммунизма, нэпа и индустриализации // Вестник Российской университете дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2014. № 4. С. 21–30.
11. Глушенко И. В. Советская модернизация и кулинарная политика как факторы трансформации бытовой культуры в СССР // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 564–573.

12. Петровский К. С. Гигиенические аспекты проблемы питания в СССР // Гигиена и санитария. 1977. № 12. С. 7–10.
13. Вестник Курского губернского исполнительного комитета: двухнедельный журнал / Курский губернский исполнительный комитет. Курск, 1923. № 14/15. 104 с.
14. Продовольственная программа СССР и вопросы организации рационального питания населения / В. Д. Ванханен, А. А. Артемов, Н. В. Ванханен, А. З. Левит // Гигиена и санитария. 1983. № 8. С. 4–6.
15. Реховская Т. А. Культура питания населения и проведение политики продовольственной безопасности в России (СССР) в 20-30-е годы XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 28. С. 55–61.
16. Эман И. Е. [Реферат] // История России в современной зарубежной науке. 2013. № 1. С. 105–108. Реф. кн.: Кондратьева Т. С. Кормить и править: о власти в России, XV–XX вв. / пер. с фр. яз. М.: РОССПЭН, 2006. 207 с.
17. Фоломеев Д. С. Новые направления развития общественного питания СССР в постсоветский период // Гуманитарный акцент. 2021. № 4. С. 86–91.
18. Ильющенко Д. В. Об особенностях общественного питания в СССР в условиях борьбы с фашизмом // Государственная служба. 2015. № 3 (95). С. 18–20.
19. Словцов Б. И. Питание и работа. 2-е изд. М.: Л. Д. Френкель, 1923. 27 с.
20. Ильющенко Д. В. Советская государственная политика в сфере общественного питания (1918–1940 гг.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 4, ч. 1. С. 141–148.

References

1. Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. T. 19. Otomi-Plastyr' [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 19. Otomi-Plaster]; ed. by A. M. Prohorov. Moscow, Sov. Encikl. Publ., 1975. 647 p.
2. Levit A. Z., Vanhanen N. V. V. I. Lenin o social'nyh aspektah narodnogo pitaniya [Lenin on the social aspects of folk nutrition]. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and sanitation*, 1981, no. 1, pp. 37–39.
3. Vorob'ev N. V. Deyatel'nost' gorodskoj i rabochej potrebitel'skoj kooperacii Sibiri po razvitiyu obshchestvennogo pitaniya v 1921–1929 gg. [Activity of urban and working consumer cooperation of Siberia on the development of public catering in 1921–1929]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2010, no. 335, pp. 68–72.
4. Klepikov S. A. Pitanie russkogo krest'yanstva. Pt. 1. Normy potrebleniya glavnejshih pishchevyh produktov [Nutrition of the Russian peasantry. Part 1. Norms of consumption of the most important food products]. Moscow, 1920. 52 p.
5. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 327, op. 5.
6. Petrovskij K. S. Razvitie nauki o pitanii v SSSR [The development of nutrition science in the USSR]. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and sanitation*, 1982, no. 12, pp. 16–19.
7. Orlov N. I. Uspekhi v nekotoryh oblastyah gigieny pitaniya v SSSR za 40 let [Successes in some areas of food hygiene in the USSR for 40 years]. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and sanitation*, 1957, no. 10, pp. 57–66.
8. Ustav Paevogo tovarishchestva "Narodnoe Pitanie" (Narpit) [The Charter of the People's Food Association of Mutual Assistance (Napit)]. Moscow, Mospoligraf, 26-ya tipo-lit. Publ., 1923. 88 p.
9. Chaus N. V. Sistema obshchestvennogo pitaniya v SSSR v plakatnom iskusstve [Public catering system in the USSR in poster art]. *Sovremennye problemy servisa i turizma = Modern problems of service and tourism*, 2010, no. 3, pp. 16–22.
10. Il'yushchenko D. V. Potreblenie naseleniya i obshchestvennoe pitanie v sovetskoj Rossii v usloviyah voennogo kommunizma, nepa i industrializacii [Population consumption and public

catering in Soviet Russia under conditions of war communism, NEP and industrialization]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and Municipal Administration*, 2014, no. 4, pp. 21–30.

11. Glushchenko I. V. Sovetskaya modernizaciya i kulinarnaya politika kak faktory transformacii bytovoj kul'tury v SSSR [Soviet modernization and culinary policy as factors of transformation of household culture in the USSR]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo = Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky*, 2012, no. 27, pp. 564–573.

12. Petrovskij K. S. Gigienicheskie aspekty problemy pitaniya v SSSR [Hygienic aspects of the problem of nutrition in the USSR]. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and sanitation*, 1977, no. 12, pp. 7–10.

13. *Vestnik Kurskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta: dvuhnedel'nyj zhurnal = Bulletin of the Kursk Provincial Executive Committee: a two-week magazine*. Kursk, 1923, no. 14/15. 1923. 104 p.

14. Vanhanen V. D., Artemov A. A., Vanhanen N. V., Levit A. Z. Prodovol'stvennaya programma SSSR i voprosy organizacii racional'nogo pitaniya naseleniya [Food program of the USSR and issues of organization of rational nutrition of the population]. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and sanitation*, 1983, no. 8, pp. 4–6.

15. Rekhovskaya T. A. Kul'tura pitaniya naseleniya i provedenie politiki prodovol'stvennoj bezopasnosti v Rossii (SSSR) v 20-30-e gody XX veka [The culture of nutrition of the population and the implementation of food security policy in Russia (USSR) in the 20-30s of the XX century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2014, no. 28, pp. 55–61.

16. Eman I. E. [Abstract]. *Istoriya Rossii v sovremennoj zarubezhnoj nauke = History of Russia in modern foreign science*, 2013, no. 1, pp. 105–108. Abstract of the book: Kondratieva T. S. To feed and rule: about power in Russia, XV–XX centuries. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 207 p. (In Russ.)

17. Folomeev D. S. Novye napravleniya razvitiya obshchestvennogo pitaniya SSSR v poslevoennyyj period [New directions of development of public catering of the USSR in the post-war period]. *Gumanitarnyyj accent = Humanitarian accent*, 2021, no. 4, pp. 86–91.

18. Il'yushchenko D. V. Ob osobennostyah obshchestvennogo pitaniya v SSSR v usloviyah bor'by s fashizmom [About the peculiarities of public catering in the USSR in the fight against fascism]. *Gosudarstvennaya sluzhba = State Service*, 2015, no. 3 (95), pp. 18–20.

19. Slovcov B. I. Pitanie i rabota [Food and work]. 2th ed. Moscow, L. D. Frenkel' Publ., 1923. 27 p.

20. Il'yushchenko D. V. Sovetskaya gosudarstvennaya politika v sfere obshchestvennogo pitaniya (1918–1940 gg.) [Soviet state policy in the field of public catering (1918–1940)]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities*, 2014, no. 4, pt. 1, pp. 141–148.

Информация об авторе / Information about the Author

Волобуев Виталий Валерьевич, преподаватель, аспирант кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: volobuev.vit98@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8996-736X

Vitalii V. Volobuev, Lecturer, Post-Graduate Student of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: volobuev.vit98@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8996-736X

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.8

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-162-173>

Начало освобождения Румынии: к вопросу о сроке завершения Уманско-Ботошанской наступательной операции 2-го Украинского фронта (1944 год)

A. С. Гришина¹

¹Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, д. 86, г. Воронеж 394043, Российская Федерация

 e-mail: vspihist@rambler.ru

Резюме

Актуальность темы исследования состоит в необходимости на текущем этапе обострения международных отношений противостоять участившимся попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны, ее хода, итогов и результатов. Освободительная миссия Красной армии в Европе началась с Уманско-Ботошанской наступательной операции 2-го Украинского фронта, в ходе проведения которой советские войска вышли на государственную границу СССР и приступили к освобождению Румынии. Вопрос о сроке окончания операции связан с объективной оценкой ее результата в противовес ряду ангажированных и предвзятых позиций, существующих в отечественной и зарубежной исторической науке.

Цель – установить срок окончания Уманско-Ботошанской наступательной операции 2-го Украинского фронта (1944 год).

Задачи: определить существующие в советской, российской и зарубежной историографии варианты хронологии Уманско-Ботошанской операции, сравнить и оценить их обоснованность.

Методология. В основу исследования были положены принципы объективности, историзма и системности. Автор действовал в работе комплекс общенаучных и специально-исторических методов: аналитический, критический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный.

Результаты. Установлено, что в исследовательской, энциклопедической, справочной литературе периода конца 1950-х – начала 2020-х годов фигурируют три разные даты окончания операции: 6 апреля, 17 апреля и 6 мая 1944 года. Кроме того, рядом отечественных и зарубежных историков были введены понятия Тыргу-Фрумосской фронтовой наступательной операции и Первой Ясско-Кишиневской стратегической наступательной операции, масштабы и сроки проведения которых не совпадают друг с другом, но налагаются на наиболее часто встречающиеся варианты датировки Уманско-Ботошанской наступательной операции.

Выходы. Возможность разрешения сложившейся в историографии предметно-хронологической проблемы видится автором в новом обращении к архивным и опубликованным документальным материалам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Румыния; освобождение; Уманско-Ботошанская наступательная операция.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Гришина А. С. Начало освобождения Румынии: к вопросу о сроке завершения Уманско-Ботошанской наступательной операции 2-го Украинского фронта (1944 год) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 162–173. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-162-173>.

Поступила в редакцию 25.08.2023

Принята к публикации 29.09.2023

Опубликована 30.10.2023

© Гришина А. С., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(5): 162–173

Beginning of the Liberation of Romania: on the Question of the Completion Date of the Uman-Botoshan Offensive Operation of the 2nd Ukrainian Front (1944)

Anna S. Grishina¹

¹Voronezh State Pedagogical University
86 Lenina Str., Voronezh 394043, Russian Federation
 e-mail: vspihist@rambler.ru

Abstract

The relevance of the research topic lies in the need at the current stage of aggravation of international relations to resist the increasing attempts to falsify the history of the Great Patriotic War, its course, results and results. The liberation mission of the Red Army in Europe began with the Uman-Botoshan offensive operation of the 2nd Ukrainian Front, during which Soviet troops reached the state border of the USSR and began to liberate Romania. The question of the completion date of the operation is associated with an objective assessment of its result, as opposed to a number of biased positions that exist in domestic and foreign historical science.

The purpose of the study is to establish the end date of the Uman-Botosha offensive operation of the 2nd Ukrainian Front (1944).

Objectives: to identify the existing chronology options for the Uman-Botosha operation in Soviet, Russian and foreign historiography, to compare and evaluate their validity.

Methodology. The research was based on the principles of objectivity, historicism and consistency. The author used a complex of general scientific and special historical methods in his work: analytical, critical, comparative historical, problem-chronological, retrospective.

Results. It has been established that in the research, encyclopedic, reference literature of the period of the late 1950s - early 2020s. three different dates for the end of the operation appear: April 6, April 17 and May 6, 1944. In addition, a number of domestic and foreign historians introduced the concepts of the Targu-Frumos frontal offensive operation and the First Iasi-Chisinau strategic offensive operation, the scale and timing of the which do not coincide with each other, but overlap with the most common dating options for the Uman-Botosha offensive operation.

Conclusions. The author sees the possibility of resolving the subject-chronological problem that has developed in historiography in a new appeal to archival and published documentary materials.

Keywords: Great Patriotic War; Romania; liberation; Uman-Botosani offensive operation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Grishina A. S. Beginning of the Liberation of Romania: on the Question of the Completion Date of the Uman-Botoshan Offensive Operation of the 2nd Ukrainian Front (1944). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 162–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-162-173>

Received 25.08.2023

Accepted 29.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Уманско-Ботошанская операция 2-го Украинского фронта по праву считается одной из самых успешных наступательных операций Красной армии в ходе Великой Отечественной войны. Советские войска, действуя в условиях весенней распутицы и половодья, форсировав с ходу шесть рек, включая такие крупные, как

Южный Буг, Днестр и Прут, продвинулись до 250 км, нанесли тяжелый урон вражеским группам армий «Юг» и «А», вышли на государственную границу СССР и перенесли боевые действия на территорию гитлеровского союзника Румынии, приступив тем самым к проведению освободительной миссии в Европе [1, л. 54–55; 2, л. 171; 3, л. 107, 134, 138;

4, л. 17–18; 5, л. 52–54]. Достигнутые результаты имели не только военно-оперативное, но и стратегическое политическое значение: были созданы условия для освобождения Юго-Восточной и Центральной Европы, среди германских сателлитов началось смятение, побудившее румынские, венгерские и болгарские элиты к поискам путей выхода из войны на стороне Гитлера, тогда как англо-американские союзники СССР под впечатлением успехов Красной армии, вступившей в Европу, поспешили принять окончательное решение об открытии Второго фронта.

При этом хронологические рамки Уманско-Ботошанской наступательной операции в историографии определяются не с той степенью однозначности, которой следовало бы ожидать. Если ее началом общепринято указывается 5 марта 1944 г., то срок окончания в литературе варьирует: называются даты 6 апреля, 17 апреля и 6 мая 1944 г. В данной статье мы попробуем проблематизировать историографию этого, как представляется, немаловажного вопроса в изучении начального этапа освободительной миссии советских Вооруженных сил в Европе.

Методология

Методология исследования основывается на научных принципах объективности, историзма и системности. Это позволяет избежать анахронизма, модернизации и архаизации в отношении изучаемых событий и процессов, не допустить политической и идеологической ангажированности в оценках и выводах, восстановить картину событий в их органической связи и обусловленности. Автор задействовал в работе комплекс общенациональных и специально-исторических методов: аналитический, критический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный и др. Аналитический метод дал возможность расчленить общую цель исследования на совокупность конкретных задач, после-

довательное решение которых обеспечило изучение проблемы в целом. Критический метод позволил выявить неточности и разногласия в историографии проблемы, в первую очередь относительно хронологических рамок Уманско-Ботошанской наступательной операции. Благодаря использованию сравнительно-исторического метода были установлены характерные черты исследовательских подходов к изучаемому вопросу в отечественной и зарубежной исторической науке. Применение проблемно-хронологического метода позволило установить период и авторство существующих в историографии позиций касательно даты окончания Уманско-Ботошанской операции 2-го Украинского фронта. Ретроспективный (историко-генетический) метод позволил проследить генезис и определить существующее положение в исследовании обозначенной проблемы.

Результаты и их обсуждение

Хронологические аберрации со сроком завершения Уманско-Ботошанской операции присутствуют практически с самого начала исторического исследования последней. Так, в третьем томе подготовленного Военно-историческим отделом Военно-научного управления Генерального Штаба четырехтомника «Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», изданного в 1958 г., операция 2-го УФ рассматривается как часть второго этапа стратегической операции по разгрому противника на Правобережной Украине с датировкой этого этапа «с начала марта до середины апреля 1944 г.». Далее на с. 150 название соответствующего подраздела выглядит так: «Уманско-Ботошанская операция войск 2-го Украинского фронта (5 марта – 6 апреля 1944 г.)», тогда как в его конце на с. 156 говорится, что после выхода войск 2-го УФ к границе с Румынией, преодоления ее и достижения «в первой декаде апреля» рубежа Солька, Ташлык, дальнейшие

попытки наступать не имели успеха, «и 6 мая они перешли к обороне на достигнутых рубежах» [6, с. 103, 150, 156].

Н. И. Лебедев в изданной в 1961 г. монографии по интересующему нас вопросу ограничился замечанием о том, что войска 2-го и 3-го УФ после освобождения Правобережной Украины «весной 1944 года форсировали Прут и освободили часть Молдовы вплоть до Карпатских гор. Вступление советских войск на территорию Северной Румынии усилило панику в господствующих классах, придало новые силы румынскому народу в его борьбе за независимость и лучшую жизнь» [7, с. 202]. Вероятно, так оно и было, но датировка «весной» мало о чем говорит.

На следующий год в свет вышел четвертый том шеститомника «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Здесь после рассказа о выходе войск 2-го УФ к государственной границе по р. Прут и выдвижении противником в район Ясс 4-й румынской армии следовало предложение: «К концу марта – середине апреля войска 2-го Украинского фронта достигли рубежа Рэдэуци – Пашкани – Оргеев – Дубоссары и по приказу Верховного Главнокомандования 6 мая перешли к обороне» [8, с. 82]. Из этой довольно лаконичной фразы нелегко понять, чем войска 2-го УФ занимались с середины апреля по 6 мая, но, по крайней мере, указан срок перехода к обороне и, следовательно, завершения наступательной операции.

Статья Ф. Данилова, опубликованная в 3-м номере «Военно-исторического журнала» за 1969 г., была непосредственно посвящена Уманско-Ботошанской операции. Операция была датирована 5 марта – 17 апреля 1944 г. Ее завершение описывалось так: «В последние дни марта и в течение первой половины апреля 1944 года войска 2-го Украинского фронта... успешно форсировали Прут, продвинулись на правом крыле в глубь Румынии на 50–90 км и вышли на рубеж

Рэдэуци, Солька, Пашкани. <...> С выходом на рубеж Рэдэуци, Пашкани, Унгены, Оргеев, Дубоссары операция 2-го Украинского фронта была закончена» [9, с. 123–124]. Таким образом, в историографии наряду с 6 апреля и 6 мая появилась третья дата завершения Уманско-Ботошанской операции – 17 апреля 1944 г.

В монографии 1970 г. А. Н. Грылев рассмотрел Уманско-Ботошанскую операцию 2-го УФ как одну из десяти фронтовых операций в составе Днепровско-Карпатской стратегической наступательной операции. Последняя датировалась 24 декабря 1943 г. – 17 апреля 1944 г., первая была обозначена датами 5 марта – 6 апреля 1944 г. Окончание Уманско-Ботошанской операции описывалось следующим образом: «К концу марта – середине апреля войска 2-го Украинского фронта вышли на рубеж Рэдэуци, Пашкани, Оргеев, Дубоссары. Ведя наступление в условиях полного бездорожья, войска фронта растянулись; тылы и значительная часть артиллерии отстали, общевойсковые и танковые армии понесли значительные потери; снабжение войск ухудшилось. В то же время сопротивление врага, занявшего заранее подготовленные укрепленные рубежи, значительно возросло. Вследствие этого войска 2-го Украинского фронта, выполнив поставленную задачу, вскоре перешли к обороне на достигнутом рубеже». Здесь не очень понятно, каким образом соотносится дата 6 апреля как окончания операции с фразой о том, что войска 2-го УФ перешли к обороне «вскоре» после «конца марта – середины апреля» [10, с. 176, 265].

В том же году увидела свет коллективная монография «Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944–1945». Книга была подготовлена под общей редакцией Маршала Советского Союза М. В. Захарова, в период проведения Уманско-Ботошанской опе-

рации служившего в звании генерал-полковника начальником штаба 2-го Украинского фронта. События интересующего нас периода излагались следующим образом: «В конце марта войска 2-го Украинского фронта, форсировав Прут, перенесли боевые действия на территорию королевской Румынии, а в первых числах апреля подошли к Яссам и готовились овладеть городом», но «неожиданно из Москвы раздался телефонный звонок» и командованию 2-го УФ «рекомендовали приостановить наступление», т. к. 12 апреля советское правительство собиралось предъявить Румынии условия перемирия. Румынская сторона не дала ответа на советские предложения. Вместо этого командование противника выдвинуло в район Ясс 4-ю румынскую армию, «более того, оно даже пыталось частными контрударами отбросить советские войска и отдалить тем самым линию фронта от границ Румынии. Однако все эти попытки оказались тщетными» [11, с. 25–26]. Судя по контексту, дата окончания Уманско-Ботошанской операции в данном случае должна, по всей вероятности, находиться в диапазоне 17 апреля – 6 мая 1944 г.; точнее определить ее не представляется возможным.

Ясность могли бы внести вышедшие в 1972 г. мемуары Маршала Советского Союза И. С. Конева, командовавшего в этом звании 2-м Украинским фронтом в период 20.10.1943 – 21.5.1944 г., но при обращении к тексту такого впечатления не складывается. Маршал рассказывает, что в начале апреля 1942 г. в продолжение общего наступления 2-го УФ в южном и западном направлениях готовилась согласованная со Ставкой наступательная операция армиями правого фланга для оперативного охвата Кишиневской группировки противника, на которую вели наступление левофланговые объединения фронта. Далее говорится, что первые действовали успешно, в то время как вторые успеха не имели, в результате чего маршал Конев в неназванный день обратился

к Главнокомандующему И. В. Сталину и предложил перейти к обороне; предложение было одобрено. Однако дата окончания Уманско-Ботошанской наступательной операции и в этом случае точно не определена: «Ставка директивой от 6 мая 1944 г. подтвердила переход к обороне. Итак, в конце марта – первых числах апреля войска 2-го Украинского фронта, вступившие на территорию Румынии на рубеж Рэдэуци, Оргеев, Дубоссары, перешли к обороне» [12, с. 208].

В 8-м томе двенадцатитомника «История второй мировой войны 1939–1945 гг.» (1977 г.) боевые действия на румынской территории в ходе Уманско-Ботошанской операции изложены весьма лаконично. Вслед за информацией о том, что в ночь на 27 марта 1944 г. войска 2-го УФ перешли границу, сообщается, что «к середине апреля они продвинулись в глубь страны более чем на 100 км», освободив свыше 800 населенных пунктов и территорию почти в 10 тыс. кв. км с населением около 400 тыс. чел. Далее на с. 100 рассказывается, что весной 1944 г. на освобожденной территории Румынии было сосредоточено шесть армий 2-го УФ, что «более четырех месяцев они вели кровопролитные бои» и «противник нес большие потери в людях и технике», а на с. 101 читаем: «Боевые действия в Румынии с 27 марта по 20 августа в сводках значились обычно как бои местного значения». Таким образом, дата окончания Уманско-Ботошанской наступательной операции отсутствует [13, с. 98–101].

Зато она присутствует в более поздней энциклопедической и справочной литературе и определяется однозначно как 17 апреля 1944 г.: эту дату находим как в 8-м томе «Советской военной энциклопедии» (1980 г.), так и в «Военном энциклопедическом словаре» (1983 г.), а также в «ВЭС» издания 2007 г. и в актуальной электронной версии «Военного энциклопедического словаря» на сайте Мини-

стерства обороны РФ¹ [14, с. 195–196; 15, с. 765; 16, с. 747]. Та же дата фигурирует во всех статистических исследованиях коллектива Г. Ф. Кривошеева 1993, 2001 и 2010 годов: Уманско-Ботошанская фронтовая операция рассматривается в качестве составной части Днепровско-Карпатской стратегической наступательной операции, хронологические рамки которой обозначаются как 24 декабря 1943 г.– 17 апреля 1944 г. [17, с. 197; 18, с. 292; 19, с. 137].

Несмотря на это, консенсус по интересующему нас вопросу среди исследователей на текущий момент не достигнут. Например, в монографии И. Б. Мощенского 2011 г. повторяется, что «к концу марта – середине апреля» 1944 г. войска 2-го УФ вышли на рубеж Рэдэуци, Дубоссары. Из-за весенней распутицы, отставания тылов, понесенных потерь и усилившегося сопротивления противника «войска 2-го Украинского фронта, выполнив поставленную задачу, вскоре перешли к обороне на достигнутом рубеже». К чему ближе это «вскоре» – к 17 апреля или 6 мая – понять в данном случае невозможно [20, с. 235–236]. В 4-м томе нового двенадцатитомника «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» (2012 г.) сообщается, что «войска 2-го Украинского фронта к исходу первой декады апреля достигли рубежа западнее Фельтичени – Кристешти – Оргеев – Дубоссары – Ташлык», после чего в силу тех же причин «Ставка ВГК директивой от 6 мая 1944 г. приказала войскам 2-го Украинского фронта “перейти к жесткой обороне во всей полосе фронта”. Уманско-Ботошанская операция завершилась» [21, с. 203–204]. А. В. Исаев в статье 2019 г. аналогично рассказывает, что к 26 марта 1944 г. соединения маршала Конева вышли к государственной границе с

¹ Уманско-Ботошанская операция 1944 // Военный энциклопедический словарь. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=10690@morfDictionary> (дата обращения: 15.08.2023).

Румынией, но из-за снижения ударных возможностей танковых армий «продвинуться дальше (к Кишиневу и Унгенам) войскам 2-го Украинского фронта было уже не под силу. Бои местного значения на этом направлении продолжались до мая 1944 года»². В. И. Фесенко указывает, что после вступления на территорию Румынии наступательные возможности 2-го УФ существенно снизились; «Дальнейшие попытки войск 2-го Украинского фронта наступать на романском, яссском и кишиневском направлениях успеха не имели, и 6 апреля 1944 г. Уманско-Ботошанская наступательная операция завершилась». При этом авторский текст, размещенный на сайте Министерства обороны РФ, озаглавлен: «Уманско-Ботошанская наступательная операция (5 марта – 17 апреля 1944 г.)»³; таким образом, право сделать выбор между 6 и 17 апреля, очевидно, предоставлено читателю.

Проблема датировки завершения Уманско-Ботошанской наступательной операции 2-го Украинского фронта дополнительно осложняется тем, что ряд исследователей считают возможным объединить последовательность боевых действий 8 апреля – 6 мая 1944 г. в рамках самостоятельной Тыргу-Фрумосской наступательной операции. Во всех трех отечественных многотомных исследованиях истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, трудах коллектива Г. Ф. Кривошеева, в «Советской военной энциклопедии» и всех изданиях «Военно-

² Исаев А. В. Уманско-Ботошанская операция, или Забытый триумф Красной Армии // История.РФ: сайт. URL: <https://histrf.ru/read/articles/umansko-botoshanskaia-opieratsiia-ili-zabytyi-triumf-krasnoi-armii> (дата обращения: 15.08.2023).

³ Фесенко В. И. Уманско-Ботошанская наступательная операция (5 марта – 17 апреля 1944 г.) // Минобороны России: сайт. URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11904741%40cmsArticle (дата обращения: 15.08.2023).

го энциклопедического словаря» Тыргу-Фрумосская наступательная операция отсутствует. Тем не менее она присутствует в некоторых научных изданиях, справочниках и специализированной периодике. В изданной в 1999 г. третьей книге военно-исторических очерков «Великая Отечественная война. 1941–1945» раздел, посвященный освобождению Правобережной Украины и Крыма, принадлежит В. Т. Елисееву и С. Н. Михалеву. Авторы датируют Днепровско-Карпатскую стратегическую наступательную операцию 24 декабря 1943 – 6 мая 1944 г. Кроме традиционных десяти фронтовых операций, в том числе Уманско-Ботошанской, они включают в ее состав «безуспешные наступательные действия 2-го Украинского фронта на тыргу-фрумосском и ясском направлениях, 3-го Украинского фронта – с плацдармов на Днестре в конце апреля – начале мая 1944 г.». По мнению В. Т. Елисеева и С. Н. Михалева, «принятая в советской историографии дата окончания стратегической операции (17 апреля) ошибочна, ибо в этот день к обороне по приказу Ставки перешел только 1-й Украинский фронт. Такое датирование исключает рассмотрение неудачных боевых действий двух фронтов по выполнению ранее поставленных задач в течение 19 суток (после чего они также перешли к обороне)». Датой окончания Уманско-Ботошанской наступательной операции авторы считают 7 апреля 1944 г. («Главным итогом Уманско-Ботошанской операции, завершившейся 7 апреля, явилось освобождение значительной части территории Украины, Молдавии и вступление войск 2-го Украинского фронта в пределы Румынии»). На следующий день, по их мнению, началась «новая наступательная операция фронта», развивавшаяся поначалу успешно, но уже 11–12 апреля застопорившаяся в силу ряда объективных факторов. 18 апреля маршал Конев представил в Ставку уточненное решение операции; перегруппировка затянулась, сроки несколько раз

переносились, но 25–26 апреля войска 2-го УФ все же перешли в наступление на вспомогательных, а 2 мая – на главном направлении. Противник подтянул резервы и оказал сильное сопротивление, в результате чего его оборона не была прорвана. «Итак, – подводят итог авторы, – в ходе Тыргу-Фрумосской операции войска 2-го Украинского фронта безуспешно пытались совершить глубокий прорыв обороны противника и выйти в междуречье Сирета и Прута. 6 мая по распоряжению Ставки они сами перешли к обороне занимаемой полосы» [22, с. 34, 45–47].

Таким образом, период боевых действий 2-го УФ с 8 апреля по 6 мая 1944 г. был представлен в качестве Тыргу-Фрумосской фронтовой наступательной операции, рассматриваемой отдельно от Уманско-Ботошанской. Нельзя сказать, что данная позиция стала в науке общеизвестной, но в некоторых случаях она принимается во внимание [23, с. 376]. Присутствует она и в справочной литературе: так, в актуальной электронной версии «Военного энциклопедического словаря» на сайте Минобороны РФ (в описании ресурса указано, что «данний материал не является точной копией «Военного энциклопедического словаря» (М.: Воениздат, 2007)»¹) в словарной статье по Днепровско-Карпатской стратегической наступательной операции говорится, что последняя включала в себя не 10, как это считалось раньше, а «11 связанных между собой единым замыслом операций фронтов и групп фронтов (Житомирско-Бердичевская, Кировоградская, Корсунь-Шевченковская, Ровно-Луцкая, Никопольско-Криворожская, Проскуровско-Черновицкая, Уманско-Ботошанская, Березнеговато-Снигирёвская, Полесская, Одесская, Тыргу-Фрумосская)»². В сете-

¹ Военный энциклопедический словарь // Минобороны России: сайт. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list/description.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

² Уманско-Ботошанская операция 1944 // Военный энциклопедический словарь. URL:

вой мини-энциклопедии патриота России «Великая Отечественная война: 1943 год», разработанной редакцией журнала «Наука. Общество. Оборона», в статье о Днепровско-Карпатской стратегической наступательной операции, ссылающейся на Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, говорится: «5 марта – 17 апреля войска 2-го Укр. фронта в ходе Уманско-Ботошанской операции разгромили нем. 8А, вышли на гос. границу СССР (26 марта) и перенесли боевые действия на территорию Румынии». Пятью предложениями ниже читаем: «Войска 2-го Укр. фронта 8 апреля – 6 мая провели Тыргу-Фрумосскую наступательную операцию, стремясь ударом в направлении Тыргу-Фрумос, Васлуй охватить с запада кишинёвскую группировку противника, однако успеха не достигли. 6 мая войска 2-го и 3-го Укр. фронтов по приказу Ставки перешли к обороне¹. Датировки двух операций накладываются друг на друга; Тыргу-Фрумосская операция в данном случае выглядит не отдельной, а частью Уманско-Ботошанской, в то же время продлевавшей хронологические рамки последней до 6 мая 1944 г.

Что касается периодики, то в ней встречаются и другие варианты сопоставлений указанных операций. Например, в одной из недавних публикаций органа Вооруженных сил Российской Федерации газеты «Красная звезда» говорится: «Отметим, что в этот день 79 лет назад, 17 апреля 1944 года, завершилась Днепровско-Карпатская операция советских войск. <...> Днепровско-Карпатская опе-

¹ <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=10690@morfDictionary> (дата обращения: 15.08.2023).

¹ Днепровско-Карпатская операция 1943–1944 гг. // Наука. Общество. Оборона. URL: <https://www.noo-journal.ru/энциклопедия/персоналии/дн-карп-операция-1943-44/> (дата обращения: 15.08.2023).

рация включала 11 связанных между собой единым замыслом операций фронтов – Житомирско-Бердичевская, Кировоградская, Корсунь-Шевченковская, Ровно-Луцкая, Никопольско-Криворожская, Проскуровско-Чernoviцкая, Березнегово-Снигирёвская, Полесская, Одесская, Тыргу-Фрумосская, Уманско-Ботошанская» [24, с. 4]. Здесь Тыргу-Фрумосская операция даже предшествует Уманско-Ботошанской; впрочем, даты не указаны и порядок перечисления, очевидно, не является хронологическим.

Но и это еще не все. В 2007 г. американский историк Д. Гланц издал монографию под несколько претенциозным названием “Red Storm Over the Balkans: The Failed Soviet Invasion of Romania, Spring 1944” («Красный штурм над Балканами: неудавшееся советское вторжение в Румынию, весна 1944 г.»). В ней была изложена оригинальная до экстравагантности теория, что в течение весны – начала лета 1944 г. 2-й и 3-й Украинские фронты провели на территории Румынии стратегическую наступательную операцию, которая завершилась поражением советских войск, в силу чего в советской и российской науке она замалчивалась – отечественные историки якобы преуменьшали значение этой неудачи, скрывая ее истинный масштаб. По мнению Гланца, стратегическое наступление Красной армии в Румынии было задумано Ставкой и Верховным Главнокомандующим с далеко идущими целями вплоть до окончательной победы над Германией и ее сателлитами и приобретения выгодной переговорной позиции в предстоящем процессе послевоенного урегулирования (речь об утверждении советского влияния на Балканах). В ходе этого оставшегося неизвестным в исторической науке стратегического наступления войска двух фронтов провели шесть взаимосвязанных сражений в период с 9 апреля по 6 июня 1944 г., но так и не решили поставленных задач [25].

По словам Гланца, после освобождения большей части Украины в середине апреля 1944 г. Сталин и его Ставка приказали 2-му и 3-му Украинским фронтам Красной армии начать скоординированное вторжение в Румынию, тем самым доказывая продуманную стратегию Сталина по проектированию советской военной мощи и политического влияния на Балканы, чтобы Советский Союз мог обеспечить более благоприятную послевоенную ситуацию, урегулирование и раздел военных трофеев со своими западными союзниками. Его исследование раскрывает огромный размах, масштаб и амбициозные намерения того, что следует назвать первым Ясско-Кишиневским наступлением Красной Армии. Эта «Первая Ясско-Кишиневская операция», по мнению Гланца, оказалась одной из «забытых битв» Великой Отечественной войны; «Советские и российские историки “забыли” вторжение Красной Армии в Румынию весной 1944 года во многом потому, что наступление провалилось, и потому, что эта неудача, казалось, запятнала блеск вновь обретенной высокой боевой репутации Красной Армии, а также репутацию старших командиров, планировавших и проводивших наступление» [26, р. XIII–XIV].

Не отвечая пока на обвинения в адрес советских и российских историков, что они умышленно скрыли стратегический масштаб «вторжения в Румынию» войск 2-го и 3-го Украинских фронтов весной 1944 г., дабы не писать о провале наступления и не запятнать репутацию Красной армии и ее полководцев, взглянем на предлагаемую американским историком хронологию боевых действий. Операции 3-го УФ оставим в стороне, т. к. они не имеют непосредственного отношения к теме данной статьи. Что касается 2-го УФ, то после «прелюдии», под которой имеется в виду Уманско-Ботошанская наступательная операция в варианте ее завершения 6–7 апреля 1944 г., следует «апрельское наступле-

ние» 8–23 апреля, период с 24 апреля по 1 мая описан как подготовка к Ясскому (Тыргу-Фрумосскому) наступлению, последнее датировано 2–8 мая, после чего наступает оперативная пауза, а 30 мая – 6 июня 1944 г. следует «развязка», под которой имеется в виду контрудар немецких и румынских войск в районе Ясс [26, р. 23–109, 167–281, 326–370].

Таким образом, хронология Д. Гланца напоминает вариант В. Т. Елисеева и С. Н. Михалева, которые завершают Уманско-Ботошанскую операцию 7 апреля, после чего следует Тыргу-Фрумосская операция 8 апреля – 6 мая; при этом о полном совпадении позиций речь не идет, т. к. у Гланца говорится о первой (9–12 апреля) и второй (2–8 мая) битвах при Тыргу-Фрумосе, а реконструируемая «Первая Ясско-Кишиневская операция» включает в себя еще и боевые действия 2-го УФ конца мая – начала июня 1944 г.

Можно заметить, что работа Д. Гланца больше напоминает не реконструкцию, а конструкцию, когда популярный автор в погоне за сенсацией не стесняется инсинуации и доходит до грани фальсификации. Нельзя сказать, что он переступает последнюю, однако интерпретация фактов американским историком выглядит в достаточной степени натянутой. В связи с этим приходится констатировать, что концепция «первой Ясско-Кишиневской операции» без должной критичности начинает приниматься некоторыми отечественными исследователями. Например, С. Я. Лавренов, считающий сроком окончания Уманско-Ботошанской операции середину апреля 1944 г., далее пишет о «первой Ясско-Кишиневской (8 апреля – 6 июня 1944 г.) операции», относя ее к «малоизвестным страницам Великой Отечественной войны». По мнению автора, эта операция началась на завершающем этапе Уманско-Ботошанской операции в рамках общего стратегического наступления на Правобережной Украине, а закончилась, когда «советские войска, потеряв значительное число бро-

нетехники, в начале июня оказались в состоянии вести лишь оборонительные действия, приступив одновременно к тщательной подготовке новой стратегической наступательной операции на южном фланге советско-германского фронта», под которой имеется в виду Ясско-Кишиневская стратегическая наступательная операция 2-го и 3-го УФ 20–29.8.1944 г. [27, с. 81–83].

Выводы

Представляется, что в сложившейся в отечественной и зарубежной историографии ситуации на вопрос о сроке завершения Уманско-Ботошанской наступательной операции можно ответить, лишь обратившись к анализу опубликованной и архивной документации; этому будут посвящены наши следующие статьи.

Список литературы

1. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 240. Оп. 2779. Д. 868.
2. ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 869.
3. ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1146.
4. ЦАМО. Ф. 381. Оп. 8378. Д. 418.
5. ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 320.
6. Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Военно-исторический очерк). Том III. Операции Советских Вооруженных Сил в период решающих побед (январь – декабрь 1944 г.). М.: Воениздат, 1958. 840 с.
7. Лебедев Н. И. Румыния в годы Второй мировой войны. М.: ИМО, 1961. 320 с.
8. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 г.: в 6 т. Т. 4. М.: Воениздат, 1962. 739 с.
9. Данилов Ф. Уманско-Ботошанская операция // Военно-исторический журнал. 1969. № 3. С. 118–124.
10. Грылев А. Н. Днепр – Карпаты – Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. М.: Наука, 1970. 352 с.
11. Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944–1945. М.: Наука, 1970. 676 с.
12. Конев И. С. Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. 368 с.
13. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 8. М.: Воениздат, 1977. 529 с.
14. Советская военная энциклопедия: в 8 т. Т. 8. М.: Воениздат, 1980. 687 с.
15. Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. 863 с.
16. Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 2007. 831 с.
17. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 415 с.
18. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
19. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М.: Вече, 2010. 384 с.
20. Мошанский И. Б. Освобождение Правобережной Украины. М.: Вече, 2011. 320 с.
21. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
22. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. М.: Наука, 1999. 510 с.
23. Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 годы): военно-исторические очерки. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2014. 476 с.

24. Хайремдинов Л. Характер у них – кремень, воля их изумляет // Красная звезда. 2023. № 41 (27 960). С. 4.
25. Axworthy M. Red Storm Over the Balkans: The Failed Soviet Invasion of Romania, Spring 1944 (review) // The Journal of Military History. 2007. Vol. 71(4). P. 1282–1283.
26. Glantz D. Red Storm Over the Balkans: The Failed Soviet Invasion of Romania, Spring 1944. Lawrence: University Press of Kansas, 2007. 448 p.
27. Лавренов С. Я. Ясско-Кишиневские Канны. К 75-летию одной из наиболее успешных операций Великой Отечественной войны // Обозреватель-Observer. 2019. № 9(356). С. 78–92.

References

1. CAMO (Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 240, op. 2779, d. 868.
2. CAMO, f. 240, op. 2779, d. 869.
3. CAMO, f. 240, op. 2779, d. 1146.
4. CAMO, f. 381, op. 8378, d. 418.
5. CAMO, f. 395, op. 9136, d. 320.
6. Operacii Sovetskikh Vooruzhennyh Sil v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (Voenno-istoricheskij ocherk). T. III. Operacii Sovetskikh Vooruzhennyh Sil v period reshayushchih pobed (yanvar' – dekabr' 1944 g.) [Operations of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War of 1941–1945. (Military-historical essay). Vol. III. Operations of the Soviet Armed Forces during the period of decisive victories (January– December 1944)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1958. 840 p.
7. Lebedev N. I. Rumyniya v gody Vtoroj mirovoj vojny [Romania during the Second World War]. Moscow, IMO Publ., 1961. 320 p.
8. Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza. 1941–1945 g. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945]. Moscow, Voenizdat Publ., 1962, vol. 4. 739 p.
9. Danilov F. Umansko-Botoshanskaya operaciya [Uman-Botoshan operation]. *Voenno-istoricheskij zhurnal = Military History magazine*, 1969, no. 3, pp. 118–124.
10. Grylev A. N. Dnepr – Karpaty – Krym. Osvobozhdenie Pravoberezhnoj Ukrainy i Kryma v 1944 godu [Dnipro – Carpathians – Crimea. Liberation of Right-Bank Ukraine and Crimea in 1944]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 352 p.
11. Osvobozhdenie Yugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy vojskami 2-go i 3-go Ukrainskih frontov. 1944–1945 [Liberation of South-Eastern and Central Europe by the troops of the 2nd and 3rd Ukrainian Fronts. 1944–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 676 p.
12. Konev I. S. Zapiski komanduyushchego frontom [Notes of the Front Commander]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 368 p.
13. Istoriya Vtoroj mirovoj vojny 1939–1945 gg. [History of the Second World War 1939–1945]. Moscow, Voenizdat Publ., 1977, vol. 8. 529 p.
14. Sovetskaya voennaya enciklopediya [The Soviet Military Encyclopedia]. Moscow, Voenizdat Publ., 1980, vol. 8. 687 p
15. Voennyj enciklopedicheskij slovar' [Military Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Voenizdat Publ., 1983. 863 p.
16. Voennyj enciklopedicheskij slovar' [Military Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Voenizdat Publ., 2007. 831 p.
17. Grif sekretnosti snyat: Poteri Vooruzhennyh Sil SSSR v vojnah, boevyh dejstviyah i voennyh konfliktah: statisticheskoe issledovanie [Secrecy stamp removed: Losses of the Armed

Forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts: a statistical study]. Moscow, Voenizdat Publ., 1993. 415 p.

18. Rossiya i SSSR v vojnah XX veka: statisticheskoe issledovanie [Russia and the USSR in the Wars of the XX century: a statistical study]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2001. 608 p.

19. Velikaya Otechestvennaya bez gipa sekretnosti. Kniga poter'. Novejshee spravochnoe izdanie [The Great Patriotic War without the secrecy stamp. The book of losses. The latest reference edition]. Moscow, Veche Publ., 2010. 384 p.

20. Moshchanskij I. B. Osvobozhdenie Pravoberezhnoj Ukrayny [Liberation of Right-Bank Ukraine]. Moscow, Veche Publ., 2011. 320 p.

21. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. T. 4. Osvobozhdenie territorii SSSR. 1944 god [The Great Patriotic War of 1941-1945. Vol. 4. Liberation of the territory of the USSR. 1944]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012. 864 p.

22. Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941–1945. Voenno-istoricheskie ocherki. Kniga tret'ya. Osvobozhdenie [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays. Book three. Release]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 510 p.

23. Hisamutdinova R. R. Velikaya Otechestvennaya vojna Sovetskogo Soyuza (1941–1945 gody): voenno-istoricheskie ocherki [The Great Patriotic War of the Soviet Union (1941-1945): military-historical essays]. Orenburg, Orenburg. St. Pedagogical Univ. Publ., 2014. 476 p.

24. Hajremdinov L. Harakter u nih – kremen', volya ih izumlyaet [Their character is flint, their will amazes them]. *Krasnaya zvezda = Red Star*, 2023, no. 41 (27 960), pp. 4.

25. Axworthy M. Red Storm Over the Balkans: The Failed Soviet Invasion of Romania, Spring 1944 (review). *The Journal of Military History*, 2007, no. 71(4), pp. 1282–1283.

26. Glantz D. Red Storm Over the Balkans: The Failed Soviet Invasion of Romania, Spring 1944. Lawrence, University Press of Kansas, 2007. 448 p.

27. Lavrenov S. Ya. Yassko-Kishinevskie Kanny. K 75-letiyu odnoj iz naibolee uspeshnyh operacij Velikoj Otechestvennoj vojny [The Iasi-Chisinau Cannes. To the 75th anniversary of one of the most successful operations of the Great Patriotic War]. *Obozrevatel'-Observer = Observer-Observer*, 2019, no. 9(356), pp. 78–92.

Информация об авторе / Information about the Author

Гришина Анна Сергеевна, соискатель, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: vspihist@rambler.ru

Anna S. Grishina, Applicant, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation, e-mail: vspihist@rambler.ru

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Рецензия / Reviews

УДК 343.2

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-174-184>

**Рецензия
на монографию доктора юридических наук, профессора
Милюкова Сергея Федоровича, доктора юридических наук,
доцента Никуленко Андрея Вячеславовича «Причинение вреда
при задержании лица, совершившего общественно опасное
действие». 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр,
2020. 768 с.**

В. А. Бикмашев¹ и И. А. Савенко¹

¹Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
ул. Ярославская, д. 128, г. Краснодар 350005, Российская Федерация

e-mail: bikmashev@gmail.com

Резюме

Актуальность. В рецензии авторы дают оценку монографического труда доктора юридических наук, профессора С. Ф. Милюкова, доктора юридических наук, доцента А. В. Никуленко: «Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное действие». В реалиях сегодняшнего дня затронутые в монографии научно-теоретические и практические проблемы реализации института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, как самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность действия, не потеряли своей значимости.

Цель исследования: проведение всестороннего комплексного научного анализа монографической работы.

Задачи: оценить актуальность и новизну содержания, глубину проблемной постановки и решения обозначенных задач, научную и практическую значимость результатов монографического исследования.

Методология. Основу написания рецензии составили общенаучные (анализ, синтез, сравнение и др.), частнонаучные и специально-юридические методы познания.

Результаты. Коллектив авторов внес предложение о ряде поправок в действующие нормы главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации и дополнении ее статьей 38¹ «Задержание минимого посягательства», статьей 42¹ «Ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность действия»; изменений статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, касающихся превышения мер, необходимых для задержания; об урегулировании возмещения материального и иного (за исключением морального) вреда в гражданско-правовом порядке посредством совершенствования гражданского законодательства.

Вывод. Современное отечественное законодательство делает акцент на регламентации условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное действие, которые должны распространяться на специально уполномоченных должностных лиц без каких-либо изъятий и заместительной уголовно-правовой регламентации и иметь приоритетное значение относительно ведомственных нормативных актов. Внесенные предложения в совокупности с принятием в перспективе Верховным судом Российской Федерации постановления относительно всех институтов, исключающих преступность действия, смогут обеспечить единообразный подход в правоприменительной практике и способствовать укреплению законности.

Ключевые слова: рецензия; институт причинения вреда; задержание лица; общественно опасное деяние; обстоятельства; преступность деяния.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бикмашев В. А., Савенко И. А. Рецензия на монографию доктора юридических наук, профессора Милюкова Сергея Федоровича, доктора юридических наук, доцента Никуленко Андрея Вячеславовича «Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние». 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр, 2020. 768 с. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 174–184. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-174-184>.

Поступила в редакцию 28.08.2023

Принята к публикации 26.09.2023

Опубликована 30.10.2023

Review of the Monograph of Doctor of Law, Professor Sergey Fedorovich Milyukov, Doctor of Law Andrey Vyacheslavovich Nikulenko "Causing harm during the Detention of a Person who Committed a Socially Dangerous act ". 2nd ed., reprint. and additional. St. Petersburg: Legal Center, 2020. 768 p.

Vitaly A. Bikmashev¹✉, Irina A. Savenko¹

¹Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
128 Yaroslavskaya Str., Krasnodar 350005, Russian Federation

✉ e-mail: bikmashev@gmail.com

Abstract

Relevance. In the review, the authors evaluate the monographic work of Doctor of Law, Professor S. F. Milyukov, Doctor of Law A.V. Nikulenko: "Causing harm during the detention of a person who committed a socially dangerous act." In the realities of today, the scientific, theoretical and practical problems of the implementation of the institution of causing harm during the detention of a person who committed a crime, as an independent circumstance excluding the criminality of the act, have not lost their significance.

The purpose of the study: to conduct a comprehensive comprehensive scientific analysis of the monographic work.

Objectives: to assess the relevance and novelty of the content, the depth of the problem formulation and solution of the designated tasks, the scientific and practical significance of the results of the monographic research.

Methodology. The review was based on general scientific (analysis, synthesis, comparison, etc.), private scientific and special legal methods of cognition. and correctly

Results. The team of authors made a proposal for a number of amendments to the current norms of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation and supplementing it with Article 381 "Detention of an imaginary assailant". Article 421 "Error in the presence of circumstances precluding the criminality of the act"; amendments to articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation concerning the excess of measures necessary for detention; on the settlement of compensation for material and other (for with the exception of moral) harm in a civil procedure through the improvement of civil legislation.

Conclusion. Modern domestic legislation focuses on the regulation of the conditions for the legality of causing harm during the detention of a person who has committed a socially dangerous act, which should apply to specially authorized officials without any exceptions and substitute criminal legal regulation and have priority over departmental regulations. The proposals made, together with the adoption in the future by the Supreme Court of the Russian Federation of a resolution on all institutions excluding criminality of the act, will be able to ensure a uniform approach in law enforcement practice and contribute to strengthening the rule of law.

Keywords: review; institution of harm; detention of a person; socially dangerous act; circumstances; criminality of the act.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bikmashev V. A., Savenko I. A. Review of the Monograph of Doctor of Law, Professor Sergey Fedorovich Milyukov, Doctor of Law Andrey Vyacheslavovich Nikulenok "Causing harm during the Detention of a Person who Committed a Socially Dangerous act" 2nd ed., Reprint. and Additional St. Petersburg: Legal Center, 2020. 768 p. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 174–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-174-184>

Received 28.08.2023

Accepted 26.09.2023

Published 30.10.2023

Занимаясь вопросами профессиональной подготовки и обучения сотрудников органов внутренних дел, невозможно было обойти вниманием монографию на тему «Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние», подготовленную профессором С. Ф. Милюковым в соавторстве с А. В. Никуленко

Как видно из названия монографии, она посвящена исследованию одного из шести обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Структурно монография состоит из введения, трех глав, объединяющих десять параграфов, трех подпараграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

Во введении авторы справедливо отмечают, что для успешного обеспечения безопасности личности, общества и государства насущной необходимостью является организация правильного направления правосудия и укрепления законности в российском обществе и государстве.

Вместе с тем авторский коллектив полагает, что использованные в ст. 38 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) формулировки не вполне совершенны, что, в частности, обусловлено отсутствием аналогичной статьи в УК РСФСР 1960 г. Таким образом, для решения анализируемых в монографии проблем требуется как теоретическое осмысление идеологической концепции общеноародного противодействия преступности [2], так и совершенствование нормативного аппарата и практики его применения.

В первой главе «Уголовно-правовая характеристика института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление либо иное общественно опасное деяние» авторский коллектив поставил перед собой четыре задачи:

- 1) раскрыть историю развития русского (российского) законодательства, регламентирующего причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление либо иное общественно опасное деяние;
- 2) определить характерные черты условий правомерности причинения вреда при задержании в отечественном уголовном законодательстве;
- 3) обобщить условия правомерности причинения вреда при задержании в зарубежном законодательстве;
- 4) обозначить теоретическое и практическое значение рассматриваемого института для повышения эффективности деятельности органов внутренних дел и других правоохранительных ведомств.

Представляются интересными, на наш взгляд, выводы по главе, сделанные авторами на с. 222–226:

1. Накопленный в прошлом опыт правового регулирования задержания преступника является необходимым ориентиром для современных разработок этой проблемы:

– по примеру Белозерской уставной грамоты 1488 г. и Указа о подметных письмах 1726 г. законодателю необходимо предусмотреть возможность вознаграждения со стороны государства для лиц, осуществляющих общественно полезную деятельность по задержанию преступника, а также за сообщения о гото-

вящемся, совершающем или совершённом преступлении, что дает возможность своевременно задерживать посягателей;

– особого внимания, по мнению С. Ф. Милюкова и А. В. Никуленко, заслуживают нормы, предусмотренные ст. 8, 88–91 главы XXI Уложения 1649 г. «О разбойных и татийных делах», позволяющие, по сути, защищать свое жилище любыми доступными способами;

– Воинский Артикул 1715 г. устанавливал ответственность за бездействие по задержанию лиц, совершивших преступления. Современному уголовному законодательству известны лишь общие нормы – ст. 285 и 293 УК – нетипичное злоупотребление властью и халатность, которые в таких случаях применяются весьма редко и недостаточно эффективно.

2. Современное российское законодательство уделяет больше внимания регламентации правомерного причинения вреда, чем большинство изученных зарубежных нормативных актов.

3. Положения уголовного законодательства о причинении вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство, должны распространяться на специально уполномоченных должностных лиц без каких-либо изъятий и заместительной уголовноправовой регламентации лишь в виде конкретизации применительно к конкретным обстоятельствам несения службы. В качестве примера авторы приводят устав ППСП. Согласно ст. 2 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ в случае конкуренции с ведомственными нормативными актами уголовно-правовые нормы имеют над ними приоритет. К тому же, несомненно, справедливо, если во всех спорных вопросах главенствующую роль будет занимать исключительно уголовный закон.

4. Необходимо внести ряд поправок и дополнений в УК РФ. В частности, в ст. 38 УК РФ заменить слово «преступление» термином «общественно опасное деяние».

5. С учётом растущего значения в судебно-следственной практике разъяснений Верховного суда РФ по вопросам применения уголовного законодательства следует принять постановление, касающееся всех, без исключения, институтов, исключающих преступность деяния. Верховному суду целесообразно не забывать при этом об учёте личностных характеристик задерживаемого лица, определить временные рамки задержания, ориентировать следственные органы и суд на учёт внешних (объективных) факторов обстановки задержания, а также главенствующей роли уголовного законодательства по сравнению с ведомственными нормативными актами, регулирующими основания и порядок применения физической силы, спецсредств и оружия.

6. Заблуждение лица относительно фактических свойств деяния исключает предвидение возможности причинения задерживаемому явно чрезмерного вреда и, таким образом, должно рассматриваться по правилам о фактической ошибке, т. е. как невиновное причинение вреда. В связи с этим, полагает авторский коллектив, следует дополнить гл. 8 УК РФ ст. 42¹ «Ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния».

7. Следует изменить действующее название гл. 8 УК на «Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния», с исключением из неё ч. 1 ст. 40 и ст. 42 УК РФ.

8. Предлагается привести в соответствие с Уголовным кодексом ряд законов и подзаконных актов в данной сфере, в частности федеральные законы «О полиции», «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», «О ФСБ», «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и ещё ряда постановлений Правительства, касающихся вопросов обеспечения служебным оружием и специальными средствами, правил применения оружия и боевой техники и т. д.

В главе 2 «Разграничение института причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, и иных уголовно-правовых институтов, исключающих преступность деяния» авторы поставили перед собой конкретную установку – правильно определить наличие того или иного обстоятельства, каждое из которых обладает своими признаками, основаниями причинения вреда и условиями правомерности его причинения. Необходимо чётко представить, наряду со сходством, и их отличия, в том числе принципиального характера.

Отчётливо это проявилось в тех вопросах, которые были вынесены на обсуждение:

1. Соотношение с необходимой обороной.
2. Соотношение с крайней необходимости.
3. Разграничение с физическим или психическим принуждением, обоснованным риском, исполнением приказа или распоряжения и другими обстоятельствами, исключающими преступность деяния:
 - 3.1. Соотношение с физическим и психическим принуждением.
 - 3.2. Отличие от обоснованного риска.
 - 3.3. Отличие от исполнения приказа или распоряжения.

По нашему глубокому убеждению, представляют интерес и для теории уголовного права, и для правоприменительной практики те выводы, которые были сделаны по главе:

1. Главу 8 УК РФ желательно «очистить» от не свойственных ей правовых конструкций. Так, например, норму, предусмотренную ч. 1 ст. 40, следует заменить нормой о непреодолимой силе, включив её в главу третью после понятия преступления или перенести в главу пятую «Вина». Норму, предусмотренную ч. 2 указанной статьи, вполне может заменить нормативная конструкция крайней необходимости, в соответствии с правилами которой и разрешается вопрос

о правомерности причинения вреда при преодолимом принуждении.

2. Необходимую оборону и причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, следует разграничивать по признаку наличности посягательства. Если посягательство не закончилось, налицо необходимая оборона, если посягательство завершено – вступают в силу нормы о задержании. В свою очередь, последние действуют не бесконечно, а только до той поры, когда правонарушитель (или не субъект ответственности) уклоняется от доставления (добровольной явки) в органы дознания и следствия.

3. Одной из особенностей уголовной ответственности за превышение пределов крайней необходимости является то, что Особенная часть УК РФ не содержит специальной нормы, аналогичной превышению необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108, 114 УК РФ). По мнению С. Ф. Милюкова и А. В. Никуленко, следует дополнить Особенную часть соответствующей привилегированной нормой.

4. Говоря о достаточности предпринимаемых мер при обоснованном риске, по мнению авторов, необходимо исходить из субъективной оценки рискующего лица о мерах, способных, по его мнению, устраниТЬ возможный вред. Однако термин «достаточности» следует заменить словами «достаточные, по мнению рискующего лица, меры» или «возможные меры». Таким образом, будет учтена как раз внутренняя оценка субъектом предпринимаемых мер. Если же требовать соблюдения объективно достаточных мер, то теряется смысл риска, действия должны будут полностью исключать возможный вред.

5. Положения уголовного законодательства о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление или иное общественно опасное посягательство, должны распространяться на

специально уполномоченных должностных лиц (в том числе сотрудников полиции и других правоохранительных органов) без каких-либо изъятий и дополнительной уголовно-правовой регламентации. В связи с этим требуется глубокая реконструкция норм, содержащихся в Федеральном законе «О полиции», и других базовых для «силовых» министерств и ведомств законодательных и подзаконных актов.

6. Следует отметить излишнюю категоричность законодательной формулировки о вынужденности причинения вреда как единственном способе задержать преступника, не учитываяющего того, что альтернативы задержанию без причинения вреда могут быть сопряжены с угрозой для жизни или здоровья задерживающего лица (скажем, преследование скрывающегося на автомашине по скользкой дороге вдоль пропасти и т. п.). В связи с этим возможна корректировка ч. 1 ст. 38 УК РФ за счёт дополнения словами «без угрозы для жизни или здоровья задерживающего».

7. В завершение авторский коллектив представляет обновлённую редакцию ст. 38 УК РФ.

«Статья 38. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние.

1. Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему общественно опасное деяние, при его задержании для передачи органам власти и (или) пресечения возможности совершения им новых преступлений и иных общественно опасных деяний, если иными средствами задержать такое лицо в данной ситуации не представлялось возможным и при этом не было допущено превышение необходимых для этого мер, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и степени общественной опасности совершившего им деяния и личности виновного.

2. При оценке правомерности причинения вреда при задержании лица, со-

вершившего общественно опасное деяние, учитываются, наряду с характером и степенью общественной опасности совершившего деяния, данные о его личности, способы уклонения от задержания, разумная необходимость в причинении вреда для достижения цели задержания, силы и возможности задерживающего, его психическое состояние и иные обстоятельства, связанные с фактом задержания.

3. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в силу неожиданности посягательства, замешательства, испуга, страха или по другим обстоятельствам находилось в состоянии душевного волнения и потому превысило пределы мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние.

4. Пресечение насильственного сопротивления задерживаемого лица оценивается по правилам ст. 37 настоящего Кодекса.

5. Положение чч. 1–4 настоящей статьи в полной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки или служебного (должностного) положения. В случае противоречия содержания норм других законодательных или подзаконных нормативных актов применяются положения настоящей статьи».

В главе 3 «Ответственность за превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние» С. Ф. Милуков и А. В. Никуленко рассмотрели конструктивные признаки преступлений, совершаемых при превышении мер, необходимых для задержания преступника:

1. Убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние.

2. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для за-

держания лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние.

3. Ответственность за причинение иного вреда при задержании лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние.

Используя многочисленные примеры из судебной и следственной практики, авторы пришли к следующим выводам по главе:

1. Действия сотрудников правоохранительных органов, причинивших вред здоровью лица с превышением мер, необходимых для его задержания, не должны дополнительно квалифицироваться по ст. 286 УК РФ или другим статьям УК (в частности, ст. 109, 126, 127). В зависимости от тяжести причинённого вреда здоровью правонарушителя такие действия полностью охватываются ст. 108 или ст. 114 УК РФ.

2. Необходимо исключить упоминание о необходимой обороне и причинении вреда при задержании из ст. 61 УК, т. к. в соответствии с ч. 3 данной статьи повторно при назначении наказания они учтены быть не могут и к тому же порождают проблемы в правоприменении. Что касается других обстоятельств, перечисленных в п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК, то их сохранение играет положительную роль при назначении наказания виновным в превышении пределов правомерности этих обстоятельств, поскольку соответствующих привилегированных составов преступлений в УК пока не имеется (что не исключает их появления в дальнейшем).

3. Случай причинения лёгкого вреда здоровью, побоев, умышленного уничтожения или повреждения имущества, ограничения свободы задерживаемого лица, унижения его чести и достоинства, даже совершённые с нарушением условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние, являются неприступны-

ми и могут влечь за собой лишь дисциплинарную ответственность. Представляется справедливым также мнение, согласно которому моральный вред, причинённый задерживаемому лицу, не подлежит компенсации.

4. Возмещение материального и иного (за исключением морального) вреда возможно в гражданско-правовом порядке. В рамках совершенствования гражданского законодательства целесообразно дополнить ГК РФ новой статьей 1066¹ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние».

5. Авторский коллектив предлагает внести ряд изменений в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации, касающихся превышения мер, необходимых для задержания.

«Статья 108¹. Убийство при превышении пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние.

1. Убийство при превышении пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние, совершенное потерпевшим или иным лицом непосредственно после совершения общественно опасного деяния –

наказывается исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Убийство при превышении пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние, –

наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Убийство двух или более лиц, совершенное при превышении пределов мер, необходимых для их задержания, –

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок».

«Статья 114¹. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное одеяние.

1. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное одеяние, совершенное потерпевшим или иным лицом, непосредственно после совершения общественно опасного деяния –

наказывается исправительными работами на срок до шести месяцев, либо принудительными работами на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное одеяние, –

наказывается исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью двум или более лицам, совершенное при превышении пределов мер, необходимых для их задержания, –

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок».

«Статья 114². Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов мер, необходимых

для задержания лица, совершившего общественно опасное одеяние.

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное одеяние, совершенное потерпевшим или иным лицом, непосредственно после совершения общественно опасного деяния –

наказывается штрафом в размере от десяти до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до четырех месяцев либо исправительными работами на срок до четырех месяцев, либо ограничением свободы на срок до шести месяцев, либо принудительными работами на тот же срок.

2. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное одеяние, –

наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо принудительными работами на тот же срок.

3. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью двум или более лицам, совершенное при превышении пределов мер, необходимых для их задержания, –

наказывается штрафом в размере от ста до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо исправительными работами на срок до двух лет, ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок».

В заключении авторский коллектив в составе С. Ф. Милюкова и А. В. Никуленко, изложили основные выводы и предложения, сформулированные ими по результатам своего монографического исследования:

1. Генезис отечественного законодательства, регламентирующего вопросы причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние, говорит о том, что соответствующие нормы формировались, сохранялись и совершенствовались на протяжении длительного временного периода от становления российской государственности вплоть до наших дней – тем самым важность регулирования соответствующих общественных отношений рассмотренных норм проверена веками.

2. Современное российское законодательство уделяет значительно больше внимания регламентации правомерного причинения вреда правоохраняемым интересам, не влекущего уголовной ответственности, чем большинство изученных зарубежных кодифицированных уголовных законов. Это говорит о том, что отечественная юридическая наука может находиться на передовых рубежах защиты прав законопослушного населения, а не просто быть эпилогом западного правоведения.

3. Практика показывает, что иногда при задержании причиняется вред лицам, ошибочно принятых за совершивших общественно опасное деяние. В таком случае подлежит тщательному анализу субъективная сторона действий лица, осуществившего так называемое «мнимое» задержание. Вопрос об ответственности в данном случае решается по правилам фактической ошибки, если не было превышено необходимых для этого мер. Если лицо не сознавало ошибочности своих действий и, исходя из всех обстоятельств дела, не должно было и не могло

сознавать, то речь идет о невиновном причинении вреда. Если же могло и должно было сознавать противоправность своих действий, то следует говорить о причинении вреда по неосторожности. В связи с изложенным авторы предлагают дополнить УК РФ статьей 38¹ «Задержание мнимого посягателя».

4. Принятое 27 сентября 2012 г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», к сожалению, не исчерпало всех проблем, возникающих при применении норм об обстоятельствах, исключающих общественную опасность деяния. Поэтому в перспективе целесообразно разработать новый, более широкий документ, подвергнув его предварительной научной и общественной экспертизе.

При написании монографии авторы использовали 866 источников, что, на наш взгляд, лишний раз свидетельствует о серьезном подходе к исследованию проблемы института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Вместе с тем необходимо, по-нашему глубокому убеждению, остановиться на некоторых спорных моментах монографии:

1. На странице 227 авторы утверждают, что в главе 8 УК РФ содержится 7 обстоятельств, исключающих преступность деяния, каждое из которых обладает своими признаками, основаниями причинения вреда и условиями правомерности его причинения. По поводу седьмого обстоятельства хотелось бы услышать авторскую позицию: либо это техническая ошибка, либо речь идет о новом обстоятельстве.

2. Представляет интерес позиция авторов относительно причинения вреда по неосторожности. В правоприменительной

практике довольно часто приходится констатировать факты о возбуждении уголовных дел (применительно к обстоятельствам, исключающим преступность деяния), когда имеет место неосторожная форма вины, хотя уголовная ответственность предусмотрена за превышение только в случаях умышленной формы вины.

3. Спорной и неоднозначной, на наш взгляд, представляется позиция авторского коллектива относительно утверждения на странице 223, что имеет место возможность правомерной установки различных устройств для недопущения проникновения в дома и квартиры посторонних лиц.

4. На странице 473 авторы говорят, что в зависимости от тяжести причиненного вреда здоровью правонарушителя такие действия полностью охватываются ст. 108 или 114 УК РФ. На наш взгляд, уместно было бы слово «правонарушителя» заменить термином «задерживаемому», что в большей мере соответствует

юридической терминологии, отражающей необходимые условия для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние.

Несмотря на высказанные замечания, можно однозначно утверждать, что рецензируемая монография С. Ф. Милюкова и А. В. Никуленко [3] является серьёзным научным исследованием, знаменательной вехой в разработке концептуальных основ российской уголовно-правовой политики и уголовно-правового развития обстоятельств, исключающих преступность деяния. Идеи, высказанные авторами, безусловно, привлекут внимание широкой юридической общественности.

Монография адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам, курсантам, студентам высших и средних образовательных учреждений юридического профиля, практическим работникам правоохранительных, судебных и контролирующих государственных органов, юристам.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2023. 384 с.
2. Корецкий Д. А., Милюков С. Ф. Правда о современной российской преступности и стратегии борьбы с ней // Проблемы уголовной политики, экологии и права: сборник материалов Международной научно-практической конференции. СПб.: Искусство России, 2010. С. 83–84.
3. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: монография. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр, 2020. 768 с.

References

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii [Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 384 p.
2. Koreckij D. A., Milyukov S. F. Pravda o sovremennoj rossijskoj prestupnosti i strategii bor'by s nej [The truth about modern Russian crime and strategies to combat it]. Problemy ugolovnoj politiki, ekologii i prava. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Problems of criminal policy, ecology and law. Collection of materials of the Interna-

tional Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, Iskusstvo Rossii Publ., 2010, pp. 83–84.

3. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Prichinenie vreda pri zaderzhani lica, sovershivshego obshchestvenno opasnoe deyanie [Causing harm during the detention of a person who has committed a socially dangerous act]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Publ., 2020. 768 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Бикмашев Виталий Абдулхаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: bikmashev@gmail.com,
ORCID: 0009-0004-7747-7218

Савенко Ирина Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: irinaasavenko@mail.ru,
ORCID: 0009-0007-8840-2440

Vitaly A. Bikmashev, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: bikmashev@gmail.com,
ORCID: 0009-0004-7747-7218

Irina A. Savenko, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: irinaasavenko@mail.ru,
ORCID: 0009-0007-8840-2440

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация бесплатная.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

 e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязательен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>